

ЖИЛБЛАЗЪ
ДЕ
САНТИЛЛАНА.

Сочиненіе Лесажа.

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи.

1821 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чѣобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ, для разсылки, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Іюля 15 дня 1821 года.

*Цензоръ, Стат. Совѣт. и Кавалеръ
Шванъ Тилковскій.*

ЖИЛБЛАЗЪ ДЕ САНТИЛЛАНА.

~~~~~ КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

ГЛАВА І.

*Величайшая радость
Жилблаза; какой пезаль-
ный случай возмутилъ
ее. Переѣздна при Дворѣ,
и возвращеніе Сантилла-
ны къ оному.*

Я уже сказалъ, что Аншо-
ніа и Беаприкса были совер-
шенно довольны другъ дру-
гомъ. Послѣдняя привыкла
быть послушною горничною,
а первая старалась посту-
пать, какъ прилично доброй

госпожѣ. Мы же съ Сци-
піономъ, любя нѣжно женъ
своихъ и будучи ими равно
любимы, скоро дожили до
удовольствія называться оп-
цами: супруги наши почти
въ одно время сдѣлались бе-
ременны. Беаприкса родила
дочь, а попомъ и Антонія не
замедлила обрадовать всѣхъ
насъ, подаривъ меня сыномъ.
Я послалъ Секретаря моего
съ этимъ извѣстіемъ въ Ва-
ленцію къ Губернатору, ко-
шорый пріѣхалъ въ Лиріасъ
съ Серафиною и Маркизою
Пліею, чѣмъ окрестить но-
ворожденныхъ, пославляя за
удовольствіе присовокупить
новый знакъ благоволенія ко

всѣмъ прежнимъ своимъ милостіямъ. Сынъ мой, у котораго воспріемникомъ былъ Донъ Альфонсъ, а воспріемницею Маркиза, названъ Альфонсомъ; Губернаторша, желая имѣть меня вдвойнѣ своимъ кумомъ, окрестила со мною дочь Сципіонову, которой дали мы имя Серафины.

Рожденіе моего сына праздновано было не только жишелями замка, но и поселянами Лиріаса: — доказательство, что вся деревня принимала участіе въ радости своего помѣщика. Но, увы! веселіе наше было непродолжительно, или лучше сказать, оно вдругъ превратилось въ плачь, спо-

ны и рыданія опъ одного случая, котораго чрезъ двадцашъ лѣшъ я еще забытъ не могу, и который навсегда оспанешся въ моей памяши. Сынъ мой скончался; машъ его вскорѣ за нимъ послѣдовала: сильная горячка свела ее во гробъ, спустя годъ и два мѣсяца послѣ нашей свадьбы. Пусть чашашель вообразишь, если можешъ, печаль, копорая мною овладѣла; я впалъ въ крайнее уныніе, и безпре-станно предсшавляя себѣ мою ушрашу, казался ко всему равнодушнымъ. Пяшь или шешъ дней пробылъ я въ такомъ сосшояніи; не хопѣлъ принимашъ пищи, и, думаю,

безъ Сципіона уморилъ бы себя голодомъ, или бы сошелъ съ ума; но эптошъ проникательный человекъ умѣлъ уполишь скорбь мою, припворясь, будто самъ въ такомъ же опчаяніи; заставлялъ меня глотать бульоны, поднося мнѣ ихъ съ такимъ сокрушеннымъ видомъ, что казалось, будто подаетъ ихъ не столько для сохраненія моей жизни, сколько для питанія моей горести.

Онъ написалъ къ Дону Альфонсу о случившемся со мною несчастіи и о жалкомъ положеніи, въ которомъ я находился. Эптошъ нѣжный и сострадаательный вельможа,

эпопъ другъ великодушный ,
 пріѣхалъ немедленно въ Ли-
 ріасъ. Не могу безъ умиленія
 вспомнить той минуты , въ
 которую онъ вошелъ ко мнѣ.
 „Любезный Санпиллана , ска-
 залъ онъ , обнимая меня , я
 пріѣхалъ сюда не утѣшая
 тебя , а плакать вмѣстѣ съ
 тобою объ Антоніи , точно
 такъ какъ и ты оплакивалъ
 бы со мною Серафину , если
 бы смерть у меня ее похи-
 щала.“ И дѣйствительно про-
 ливалъ онъ слезы , и вздохи
 свои смѣшивалъ съ моими.
 Сколько ни былъ я пораженъ
 скорбію , однако чувствовалъ
 живо милостивое участіе До-
 на Альфонса.

Губернаторъ долго совѣ-
 шовался съ Сципіономъ, ка-
 кимъ бы образомъ ушлишь
 печаль мою. Они разсудили,
 что на нѣкоторое время над-
 лежало удалить меня изъ Ли-
 ріаса, гдѣ все напоминало мнѣ
 объ Антоніи. Почему сынъ
 Дона Цезаря предложилъ мнѣ
 ѣхать съ нимъ въ Валенцію,
 а Секретарь мой такъ силь-
 но настоялъ на томъ, что я
 согласился. Я оставилъ Сци-
 піона и жену его въ замкѣ,
 пребываніе въ коемъ увеличи-
 вало только грусть мою, и
 отправился съ Губернато-
 ромъ. По пріѣздѣ нашемъ въ
 Валенцію, Донъ Цезарь и не-
 вѣстка его не щадили ничего

для разогнанія тоски моей ;
употребили всѣ возможные
средства разсѣять мои мы-
сли ; но , не смотря на ихъ
старанія, я оставался погру-
женъ въ такую задумчивость,
изъ которой не могли извлечь
меня. Даже и Сципіонъ не въ
силахъ былъ возвращишь мнѣ
спокойствіе : онъ часто при-
ѣзжалъ въ Валенцію обо мнѣ
навѣдывавшись; и разсказался
со мною печальнѣе или весе-
лѣе, смотря по тому, больше
или меньше, по замѣчанію его,
я расположенъ былъ къ при-
ятію успѣшенія.

Однимъ утромъ онъ вошелъ
ко мнѣ въ комнату и сказалъ
съ видомъ смущеннымъ: „Въ

городъ носился слухъ, весьма
 важный для всего Государ-
 ства: говоряшъ, сударь, что
 Филиппъ III скончался, и что
 Принцъ, сынъ его, всступилъ
 на престолъ. Говоряшъ так-
 же, продолжалъ онъ, что Кар-
 диналь Герцогъ Лерма лишенъ
 своего мѣста, что ему за-
 прещено являться ко Двору, и
 что Донъ Гаспаръ де Гусманъ,
 Графъ Оливарецъ, сдѣланъ пер-
 вымъ Министромъ.“ Опъ эша-
 го извѣстія я невольнымъ обра-
 зомъ смутился. Сципіонъ, за-
 мѣпивъ мое смущеніе, спро-
 силъ, не принимаю ли я особен-
 наго участія въ такой важной
 перемѣнѣ. „Никакого, отвѣчалъ
 я. Я совсемъ оставилъ Дворъ;

что бы тамъ ни случилось ,
для меня все равно.“

—Въ ваши лѣта до такой
степени разлюбилъ свѣтъ ,
подхвашилъ сынъ Косколины;
нѣтъ , эшаго уже слишкомъ
много ! Я на вашемъ мѣстѣ
былъ бы гораздо любопытнѣе:
поѣхалъ бы въ Мадридъ по-
казаться молодому Государю,
чтобы узнать, вспомнилъ ли
онъ меня ; это доставило бы
мнѣ удовольствіе.—,Понимаю:
тебѣ хочется , чтобы я воз-
вращился ко Двору снова ис-
пытать своего счастья, или
лучше сказать , опять сдѣ-
латься скупымъ и честполю-
бивымъ.“— За чѣмъ же пред-
полагаешь , что нравъ вашъ

еще тамъ испоршится? Имѣйте болѣе довѣренности къ вашей добродѣтели. Я вамъ ручаюсь за васъ самихъ. Здравыя разсужденія, копорыя несчастіе внушило вамъ о Дворѣ, не позволяющъ вамъ спрашиваться его опасностей. Пуститесь смѣло опять въ море, котораго подводные камни вамъ извѣстны.— „Молчи, льстецъ!—прервалъ я, улыбаясь; развѣ ты наскучилъ моею тихою жизнью? Я думалъ, что ты болѣе дорожишь моимъ спокойствіемъ.“

Донъ Цезарь и сынъ его помѣшали намъ продолжать разговоръ. Они подтвердили извѣстіе о кончинѣ Короля

и о несчастіи Герцога Лермы; уведомили также, что Министръ просилъ позволенія удалиться въ Римъ, но ему отказано, а велѣно выѣхать въ деревню. На послѣдокъ они, какъ будто сговорясь съ Секретаремъ моимъ, совѣщавали мнѣ отправиться въ Мадридъ и явиться къ новому Королю. „Я увѣренъ, сказалъ Донъ Альфонсъ, что онъ вспомнитъ свои услуги, и не оставитъ ихъ безъ награды: Филиппъ IV обязанъ платить за Наслѣднаго Принца Испаніи.“— Я имѣю то же предчувствіе, подхватилъ Донъ Цезарь; и поѣздки Саншилланы ко Двору почишаю за

случай доспигнуть больших чиновъ и почестей.—

„Извинише, господа! вскричалъ я; вы изволише, кажешся, издѣваться надо мною. По словамъ вашимъ, мнѣ сподобившись только появившись въ Мадридъ, чшобъ получить Камергерской ключъ или Губернашорство. Я напрошивъ увѣренъ, что Король не обрашится на меня ни малѣйшаго вниманія, если я и предстану предъ него. Когда вамъ угодно, я сдѣлаю тому опытъ, чшобъ вывести васъ изъ заблужденія.“ Господа Лейвы поймали меня на словъ, и принудили дать обѣщаніе немедленно ѣхать въ Мадридъ.

Секретарь мой, увидѣвъ, что я рѣшился на эту поѣздку, почувствовалъ чрезвычайную радость. Онъ воображалъ, что я лишь только покажусь предъ новымъ Монархомъ, то Его Величество тотчасъ меня узнаетъ. Въ такихъ блистательныхъ мысляхъ, онъ возводилъ меня на первыя степени въ Государствѣ, а при моемъ возвышеніи и самъ выходилъ въ чины.

И такъ расположился я отправиться ко Двору не съ тѣмъ, чтобы снова искать тамъ счастья, а единственно для того, чтобы угодить Дону Цезарю и его сыну, которые думали, что я скоро

приду въ милосѣ у Госуда-
 ря. Правда, я и самъ чув-
 ствовалъ нѣкоторое желаніе
 испытать, узнаетъ ли онъ
 меня. Увлекаемъ будучи симъ
 движеніемъ любопытства, безъ
 надежды и безъ намѣренія
 получишь какую нибудь вы-
 году при новомъ правленіи,
 поѣхалъ я съ Сципіономъ въ
 Мадридъ, поручивъ смѣрѣ-
 ніе надъ моимъ замкомъ Бе-
 априксъ, которая была весь-
 ма хорошая хозяйка.

ГЛАВА II.

Жилблазъ прїѣзжаетъ въ Мадридъ; является при Дворѣ; Король узнаетъ его и препоручаетъ первому Министру. Слѣдствіе сего.

Не болѣе осьми дней были мы въ дорогѣ: Донъ Альфонсъ далъ намъ пару лучшихъ лошадей своихъ. Мы остановились на прежней моей квартирѣ, въ домѣ Винценша Фореро, который, увидя меня, очень обрадовался.

Такъ какъ онъ былъ охотникъ провѣдывать все, что ни дѣлалось при Дворѣ и въ

городъ , то я спросилъ его ,
 нѣтъ ли чего новинькаго ?
 „Очень много , отвѣчалъ онъ.
 По кончинѣ Филиппа III ,
 друзья и приверженцы Гер-
 цога Лермы употребляли всѣ
 мѣры поддержать его въ зва-
 нии перваго Министра , но
 усилія ихъ были тщетны :
 Графъ Оливарецъ взялъ верхъ
 надъ ними. Думающъ , что
 въ этой перемѣнѣ Испанія
 ничего не потеряетъ , и что
 новый Министръ одаренъ
 столь обширнымъ умомъ , что
 могъ бы управлять цѣлымъ
 свѣтомъ. Народъ , какъ слыш-
 но , ожидаетъ чуда отъ его
 способностей ; но увидимъ ,
 что покажетъ время.“ Фореро,

разговорившись, описалъ мнѣ подробно всѣ перемѣны, произшедшія при Дворѣ съ шѣхъ поръ, какъ Графъ Оливарецъ взялъ въ руки кормило Государства.

Въ прешій день пребыванія моего въ Мадридъ, пошелъ я послѣ обѣда во Дворецъ, и спалъ въ такомъ мѣстѣ, чрезъ которое Королю должно было проходить въ кабинетъ; но онъ не взглянулъ на меня. На слѣдующій день я явился опять на то же мѣсто, и былъ столько же несчастливъ. На прешій Король посматрѣлъ на меня, но, какъ мнѣ показалось, безъ всякаго вниманія. Тогда терпѣніе мое исчезло.

„Ты видишь, сказалъ я Сципіону, который находился со мною, что Король не узнаетъ меня, а если и узналъ, такъ не хочетъ возобновить прежняго знакомства. Я думаю, мы не худо сдѣлаемъ, когда отправимся назадъ въ Валенцію.“—Къ чему, сударь, такая поспѣшность? отвѣчалъ Секретарь мой. Вы сами знаете лучше меня, что при Дворѣ и берутъ только терпѣніемъ. Не переслаивайте сюда являться; вы заставите Короля по-смотришь на васъ повнимательнѣе, и вспомните черты лица бывшаго повѣреннаго его у прекрасной Капалины.—

Чѣшобѣ Сципіонѣ не имѣлъ
 никакой причины упрекать ме-
 ня, я послушался его и про-
 должалъ ходишь во Дворецѣ цѣ-
 лья при недѣли. Наконецъ од-
 нажды Король, взглянувъ на ме-
 ня пристально, велѣлъ позвать
 къ себѣ. Я вошелъ въ каби-
 нетъ не безъ смущенія, увидя
 себя наединѣ съ Государемъ.
 „Кто ты таковъ? — сказалъ
 онъ; лице твое мнѣ знакомо.
 Гдѣ я видалъ тебя?“ — Ваше
 Величество, отвѣчалъ я съ
 трепетомъ, я имѣлъ честь
 въ одну ночь провожать васъ
 съ Графомъ Лемосомъ къ
 „А! теперь я вспомнилъ, пре-
 рвалъ Король: ты былъ Се-
 кретаремъ у Герцога Лермы,

и, если не ошибаюсь, имя швое Саншиллана. Я не забылъ, что ты служилъ мнѣ съ великимъ усердіемъ, и награжденъ за труды свои очень худо. Не былъ ли ты въ шюрмѣ по этому приключенію? — Былъ, Ваше Величество: полгода сидѣлъ въ Сеговской крѣпости; но по вашей высокой милости меня ошшуда выпустили. — „Однако я все еще у себя въ долгу: эшаго не довольно, что ты освобожденъ изъ заключенія, я обязанъ вознаградить тебя за спрэданія, копорыя ты претерпѣлъ изъ любви ко мнѣ.“

Въ ту самую минушу, какъ Государь оканчивалъ слова сіи,

вошелъ въ кабинетъ Графъ Оливарецъ. Для Королевскихъ любимцевъ бываешь все подозрительно: онъ изумился, увидя лице незнакомое; изумленіе его еще удвоилось, когда Король сказалъ ему: „Графъ, я поручаю вамъ эшаго молодого человека; дайте ему дѣло, и постарайтесь вывести его въ люди.“ Министръ принялъ сіе приказаніе съ видомъ наружнаго удовольствія, и осматривалъ меня съ головы до ногъ, крайне желая знать, кто я. „Поди, мой другъ, примолвилъ Король, оборотись ко мнѣ и давая знакъ удалишься, Графъ не преминетъ употребить тебя съ пользою для моей службы и для тебя собственнo.“

Я вышелъ изъ кабинета и спѣшилъ успокоить Косколина сына, который, неперпѣливо желая знать, что говорилъ со мною Король, былъ въ великомъ волненіи. Онъ поспѣхъ спросилъ меня, ѣхашъ ли намъ въ Валенцію, или оставаясь при Дворѣ. „Увидишь“—отвѣчалъ я; и въ самое то время чрезвычайно обрадовалъ его, пересказавъ ошъ слова до слова крапкой разговоръ мой съ Государемъ.— „Что, любезный мой господинъ, сказалъ Сципіонъ, внѣ себя ошъ радости, будете ли впередъ вѣришь моимъ предвѣщаніямъ? Признайшесь, что господа Лейвы и я не напрасно присовѣ-

повали вамъ побывашъ въ Мад-
 ришъ. Я уже вижу васъ на
 высокой сщени; вы будеще
 Кальдерономъ у Графа Олива-
 реца. — Эшаго-то мнѣ и не хо-
 чешся, прервалъ я рѣчь его;
 такое мѣсто окружено споль
 великими опасносщями, чшо
 я боюсь о немъ и подумащъ.
 Я желалъ бы лучше имѣщъ
 порядочную должностъ, копо-
 рая удалила бы ошъ меня всякой
 поводъ кривищъ душою, или
 посщыдно торговащъ благодѣя-
 ніями Государя. Вспомня, чшо
 я дѣлалъ, бывши въ милосщии
 у Герцога Лермы, не могу до-
 вольно предосщерегащъ себя
 ошъ сребролюбія и щщесла-
 вія. — „Не безпокойщесь, сударь,

возразилъ Секретарь мой: Министръ опредѣлилъ васъ на хорошее мѣсто, которое не помѣшаетъ вамъ оспаться честнымъ человѣкомъ.“

Побуждаемъ будучи болѣе Сципіономъ, нежели собственнымъ любопытствомъ, на другой день пошелъ я къ Графу Оливарецу, не дождавшись еще разсвѣта; ибо зналъ, что онъ рано по утрамъ принимаетъ просишелей. Я спалъ смиренно въ углу залы, и смотрѣлъ на Графа, когда онъ вышелъ: мнѣ не удалось хорошенько разглядѣть его въ Королевскомъ кабинетѣ. Я увидѣлъ человѣка росту выше средняго; онъ могъ бы назваться

толстымъ въ такой землѣ ,
 гдѣ рѣдко встрѣчаются до-
 родные. Плечи у него были
 такъ высоки , что я почелъ
 его горбатымъ; голова , чрез-
 вычайной величины , наклоня-
 лась къ груди; волосы черные
 и гладкіе; лице продолговатое;
 губы впалыя; подбородокъ о-
 строй и вздернувшійся къ
 верху.

Все это вмѣстѣ не пред-
 ставляло сановитаго вельмо-
 жи ; однако , предполагая въ
 немъ доброе ко мнѣ располо-
 женіе, я судилъ о немъ не очень
 строго: онъ показался мнѣ до-
 вольно пріятнымъ, потому что
 со всѣми говорилъ ласково и
 просто; благосклонно прини-

малъ подаваемыя ему просьбы; а это и замѣняло въ немъ красоту. Но когда я въ свою очередь подошелъ къ нему съ низкимъ поклономъ и далъ о себѣ знать, то онъ взглянулъ на меня сурово и грозно; потомъ, оборотясь ко мнѣ спиною и не удостоивъ меня выслушать, ушелъ въ кабинетъ. Тогда показался онъ мнѣ еще безобразнѣе, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ. Я оставилъ залу, пораженный столь стран- нымъ пріемомъ, и самъ не зная, что о томъ думать.

Возвратясь къ Сципіону, который ждалъ меня у воротъ, я сказалъ ему: „Знаешь ли, какъ меня приняли?“ — Нѣтъ,

опычалъ онъ; но угадать не трудно: Министръ, будучи всегда въ готовности исполнять волю Государя, конечно предложилъ вамъ какую нибудь значительную должность. — „Ошибаешься, мой другъ“ — возразилъ я; и уведомилъ его, какъ было со мною поступлено. Выслушавъ меня со вниманіемъ, онъ сказалъ: „Вѣрно Графъ не узналъ васъ, или почелъ за другаго. Совѣщую вамъ еще къ нему явиться; безъ сомнѣнія, онъ будетъ къ вамъ благосклоннѣе.“ Я послѣдовалъ совѣсту Секретаря моего: пошелъ въ другой разъ къ Министру, который принялъ меня еще хуже прежняго, по-

смотря на меня, нахмурилъ брови, какъ будто бы присутствіе мое было для него не-сносно; пошомъ отворотясь отъ меня, удалился, не сказавъ ни слова.

Я крайне огорчился такимъ поступкомъ, и хотѣлъ было немедленно отправиться въ Валенцію; но Сципіонъ опять тому возпротивился: онъ не могъ рѣшительно отказатьсь отъ своей надежды. „Развѣ ты не видишь, сказалъ я, что Графъ хочетъ удалить меня отъ Двора? Государь ясно показалъ предъ нимъ свое ко мнѣ благоволеніе; чегожь болѣе для возбужденія прошивъ меня ненависти въ его любимца? Усту-

пимъ, другъ мой, уступимъ добровольно силъ столь опаснаго челоуѣка.“ — На вашемъ мѣсѣ, сударь, ошъвѣчалъ онъ, разгорячившись, — я не далъ бы такъ играть собою: пожаловался бы Королю, сказалъ бы, что Министръ не уважаетъ его приказаній. — „Совѣтъ безразсудный! Сдѣлавши такую глупость, я конечно бы скоро въ томъ раскаялся. Кто знаетъ, не подвергнусь ли уже опасности, оставаясь до сихъ поръ въ этомъ городѣ.“

Секретарь мой, выслушавъ меня, одумался, и разсудивъ, что дѣйствительно мы имѣли дѣло съ такимъ челоуѣкомъ, который могъ вшорич-

но упряшашь насъ къ Сегов-
скую крѣпость, началъ раз-
дѣляшъ со мною мои опасенія.
Переспалъ наконецъ проши-
вишья желанію моему оспа-
вишъ Мадридъ, которое на
другой же день положили мы
привести въ исполненіе.

~~~~~
ГЛАВА III.

*Что помѣшало Жилбла-
зу исполнить принятое
или намѣреніе оставить
Дворъ, и какую важную
услугу оказалъ ему Іо-
сифъ Наварро.*

Возвращаясь на квартиру,
встрѣтился я съ Іосифомъ
Наварро, управителемъ Дона
Балпазара Цуниги, старин-

нымъ моимъ пріятелемъ. По-
 клонясь ему, я спросилъ, у-
 зналъ ли онъ меня, и будешь
 ли еще сполько добръ, что
 удоспоишь разгово-
 ромъ сво-
 имъ легкомысленнаго человѣ-
 ка, который за дружбу его
 заплашилъ неблагодарностію.
 „И такъ вы признаетесь,
 сказалъ онъ, что поступили
 со мною не очень хорошо?“—
 Признаюсь чистосердечно, оп-
 вѣчалъ я; вы имѣете право
 осыпашъ меня укоризнами; я
 заслуживаю ихъ, если угры-
 зеніе совѣсти не довольно еще
 загладило моего преступле-
 нія.—„Когда вы въ проспу-
 кѣ вашемъ раскаялись (под-
 хвашилъ Наварро, обнимая

меня) то я уже долженъ забыть объ немъ.“ Я, съ моей стороны, прижалъ Іосифа къ груди своей, и мы сдѣлались по прежнему друзьями.

Онъ зналъ о моемъ заключеніи и о разстройствѣ дѣлъ моихъ; но прочее было ему неизвѣстно. Я обо всемъ его увѣдомилъ; пересказалъ даже разговоръ, который имѣлъ съ Королемъ, и не ушайлъ худаго приѣма, сдѣланнаго мнѣ Министромъ; открылъ также намѣреніе свое удалиться въ мое уединеніе. „Не совѣтую тебѣ уѣзжать отсюда; сказалъ онъ; Государь не даромъ изъявилъ свою къ тебѣ благосклонность: она непременно

послужишь къ твоей пользѣ.
 Между нами скажешь, Графъ
 Оливарецъ нѣсколько спра-
 ненъ; у него голова набиша
 причудами: иногда поступаетъ
 онъ, какъ и съ тобою посту-
 пилъ, несноснымъ образомъ;
 ему только одному извѣсна
 цѣль такого поведенія. Впро-
 чемъ, какія бы причины ни
 имѣлъ онъ принять тебя дур-
 но, не опчаявайся: онъ не
 можетъ помѣшать тебѣ вос-
 пользоваться милостями Го-
 сударя; я тебя въ томъ увѣ-
 ряю. Нынѣ же вечеромъ по-
 говорю о тебѣ Дону Балша-
 зару Цунигъ, моему господи-
 ну; онъ дядя Графу Олива-
 рецу, и сопридникъ его въ

дѣлахъ Государственныхъ.“
 Туть Наварро спросилъ, гдѣ
 я живу, и мы распались.

Я скоро опять съ нимъ
 увидѣлся. На другой же день
 онъ пришелъ ко мнѣ и ска-
 залъ: „Саншиллана, ты имѣ-
 ешь покровителя: господинъ
 мой хочетъ за тебя поста-
 раться, и по моей рекомен-
 даціи, общался поговорить
 о тебѣ своему племяннику.
 Я надѣюсь, что онъ убѣдитъ
 его въ твою пользу.“ Другъ
 мой Наварро, желая оказать
 мнѣ совершенную услугу,
 чрезъ два дни представилъ
 меня Дону Балтазару, копо-
 рый сказалъ мнѣ съ ласко-
 вымъ видомъ: „Господинъ Сан-

шиллана, пріятель швой Іо-
сифъ такъ хорошо опъзываеш-
ся о швоихъ достоинствахъ,
что я не могу опказать те-
бѣ въ моемъ участіи.“ Оше-
сивъ пренизкой поклонъ го-
сподину Цунигъ, я опвѣчалъ,
что во всю жизнь не забуду
одолженія, которое сдѣлалъ
мнѣ Наварро, доставивъ по-
кровишельство Министра,
коего всѣ, по справедливости,
называютъ *солнцемъ Государ-
ственной тверди*. Послѣ тако-
го лестнаго опвѣта, Донъ
Балпазаръ съ улыбкою по-
шрепалъ меня по плечу, и
сказалъ: „Ты можешь завпра-
же явиться къ Графу Оли-
варецу, и будешь имъ еще до-
вольнѣе.“

И такъ пошелъ я въ третій разъ къ первому Министру, который, примѣшивъ меня въ толпѣ просишелей, бросилъ на меня взглядъ, сопровождаемый улыбкою. „Дѣло идешь хорошо, сказалъ я самъ себѣ, дядя вразумилъ племянника.“ Я ожидалъ самаго благосклоннаго пріема, и надежда меня не обманула. Графъ, выслушавъ просьбы всѣхъ по порядку, позвалъ меня въ кабинетъ, гдѣ говорилъ мнѣ ласково: „Другъ мой Саншиллана, извини меня, что я нѣсколько огорчилъ тебя, пошутивъ надъ тобою; я сдѣлалъ это съ умысломъ: хотѣлъ испытать твое благо-

разуміе , и посмогпрѣшь , что ты сдѣлаешь въ досадѣ. Ты конечно воображалъ , что не полюбился мнѣ ; напрошивъ , признаюсь тебѣ , другъ мой , наружность твою мнѣ понравилась. Хотя бы Король и не приказалъ мнѣ имѣть о тебѣ попеченія , я сдѣлалъ бы то по собственнѣйшей моей склонности. Кромѣ того , Донъ Балпазаръ Цунига , дядя мой , которому ни въ чемъ опказать не могу , просилъ меня почищать тебя за человека , въ копоромъ принимаетъ онъ особенное участіе ; эшаго довольно : я хочу имѣть тебя при себѣ.“

Столь лестный пріемъ сдѣ-
 далъ надо мною сильное впе-
 чатлѣніе, такъ что я совсемъ
 потерялся въ мысляхъ. Бро-
 сился къ ногамъ Министра,
 который, приказавъ мнѣ
 встать, продолжалъ: „Явись
 сего дня же послѣ обѣда къ
 моему управителю; онъ объ-
 явишь тебѣ мое приказаніе.“
 Сказавши это, Его Сіятель-
 ство пошелъ въ домовую
 церковь къ обѣднѣ; что на-
 блюдалъ всякой день по окон-
 чаніи аудіенцій; а послѣ ѣз-
 дилъ къ Королю, который
 вспавалъ въ это время.

ГЛАВА IV.

*Жилблазъ приходитъ въ
любовьцу Графа Оливареца.*

Послѣ обѣда я не преми-
нулъ явиться въ домъ пер-
ваго Министра и сыскалъ
его управителя, который на-
зывался Донъ Раймондъ Ка-
порисъ. Лишь только объя-
вилъ ему мое имя, какъ онъ,
поклонясь мнѣ съ почтеніемъ,
сказалъ: „Милостивый Госу-
дарь, не угодно ли вамъ за-
мною слѣдовать; я провожу
васъ въ назначенные вамъ по-
кои.“ Съ сими словами онъ
повелъ меня по маленькой лѣ-
стницѣ во второй этажъ од-

ного флигеля, гдѣ было пять или шесть комнатъ, довольно хорошо убранныхъ. „Вопъ кваршира, примолвилъ онъ, которую даетъ вамъ Его Сіятельство; здѣсь найдете вы каждый день столъ на шесть приборовъ; служишь вамъ будущъ Графскіе люди; а для выѣзду вашего всегда будетъ гошова карета. Сверхъ того, Графъ наказалъ мнѣ накрѣпко имѣть къ вамъ такое уваженіе, какъ будто бы вы принадлежали къ его фамиліи.“

Что все это значить? подумалъ я. Къ чему такія почести? Не кроется ли шутъ какойнибудь шутки? Не хочешь ли Министръ надо мною

позабавишься?—Между тѣмъ,
 какъ я находился въ неизвѣ-
 стности, колеблясь между
 страхомъ и надеждою, при-
 шелъ пажъ звать меня къ
 Графу. Я въ ту же минуту
 явился къ Его Сіятельству.
 Онъ былъ одинъ въ своемъ
 кабинетѣ. „Ну что, Саншил-
 лана, спросилъ онъ меня, до-
 воленъ ли ты своею кварши-
 рою и приказомъ, даннымъ
 отъ меня Раймонду?“—Мило-
 сти Вашего Сіятельства, от-
 вѣчалъ я, кажутся мнѣ чрез-
 вычайно велики, и я прини-
 маю ихъ съ претепотомъ. —
 „Почему же? возразилъ онъ.
 Могу ли оказать довольно че-
 сти человѣку, котораго Король

поручилъ моему попеченію? Конечно нѣтъ; я исполняю только мою должностъ, поступая съ тобой такимъ образомъ. И такъ не дивись тому, что для тебя дѣлаю; будь увѣренъ, что доспигнешь блистательнаго и прочнаго счастія, если будешь преданъ мнѣ также, какъ и Герцогу Лермѣ.“

„Но кспаша о Герцогѣ, продолжалъ онъ, говоряшъ, что ты былъ съ нимъ въ коропшкихъ связяхъ. Мнѣ хочешся знать, какимъ образомъ вы познакомились, и какія дѣла поручалъ тебѣ эпошъ Миниспръ. Не скрывай опъ меня ничего; я требую опъ

тебя сущей истины.“ Тушъ
 пришло мнѣ на мысль, въ ка-
 комъ смущеніи находился я
 предъ Герцогомъ Лермою при
 подобномъ же случаѣ, и какъ
 поступилъ тогда. Я употре-
 билъ опять ту же уловку
 весьма удачно, то есть, въ
 повѣствованіи моемъ умягчилъ
 мѣста слишкомъ грубыя, и
 слегка коснулся тѣхъ обстоя-
 тельствъ, которыя приноси-
 ли мнѣ мало чести. Не ху-
 лилъ также Герцога Лерму,
 хошя поругавъ его, больше бы
 угодилъ моему слушателю. За
 то ужъ Дона Родригеца Каль-
 дерона описалъ я самыми жи-
 выми красками; выспавилъ
 всѣ его проказы: какъ прода-

валъ онъ Коммандорства, пен-
сіи, Губернаторства и проч.

„Что говоришь мнѣ о Кальдеронѣ, прервалъ Министръ, очень сходно съ нѣкоторыми бумагами, на него мнѣ поданными; въ нихъ есть доносы еще важнѣйшіе. Скоро будушъ судить его; и если ты хочешь, чтобъ онъ погибъ, то, думаю, желаніе твое исполнится.“—Не желаю ему смерти, сказалъ я, хотя онъ едва было не уморилъ меня въ Сеговской крѣпости, гдѣ я, по его милости, содержался довольно долго.— „Какъ? подхватилъ Графъ съ удивленіемъ, Родригесъ былъ причиною твоего заключенія? Эта-

го я не зналъ. Донъ Балшаръ, которому Наварро пересказывалъ свою исторію, говорилъ только, что покойный Король велѣлъ посадить тебя въ крѣпость, въ наказание за то, что ты водилъ Наслѣднаго Принца ночью въ подозрительный домъ, а о Кальдеронѣ я ничего не слышалъ, и не могу опгадать, какъ онъ шупъ замѣшался. — Замѣшался какъ любовникъ, мстящій за причиненное ему оскорбленіе, опвѣчалъ я. — И въ то же время рассказалъ подробно объ этомъ приключеніе, которое показалось ему столь забавно, что онъ, не смотря на природную свою

важноспь, не могъ удержапъ-
ся опъ смѣху, и хохопаль
даже до слезъ. Капалина,
превращавшаяся то въ пле-
мянницу, то во внучку, ве-
селила его чрезвычайно, такъ
какъ и учаспие, которое во
всемъ этомъ принималъ Гер-
цогъ Лерма.

Когда я кончилъ свою по-
вѣспь, Графъ оппустилъ ме-
ня, сказавъ, что на другой
день непременно даспъ мнѣ
дѣло. Я пошчасъ пошелъ бла-
годарить Дона Балпазара за
его предспательспво, и увѣ-
домилъ друга моего Юсифа
о благосклонномъ ко мнѣ рас-
положеніи Миниспра.

ГЛАВА V.

Тайный разговоръ Жил-блаза съ Наварромиъ, и первое дѣло, порученное ему отъ Графа Оливареца.

Лишь только увидѣлъ я Иосифа, то сказалъ ему съ душевнымъ движеніемъ, что имѣю о многомъ его увѣдомишь. Онъ опвелъ меня въ уединенное мѣсто, гдѣ я, извѣстивъ его обо всемъ, спросилъ, какъ думаетъ онъ о дѣлахъ моихъ. „Я думаю, что ты на прекрасной дорогѣ, опвчалъ онъ. Все тебѣ благопріятствуетъ: ты понравился первому Министру; и я

могу оказашь тебѣ ту же услугу, какую оказалъ дядя мой, Мельхіоръ де ла Ронда, при вступленіи твоемъ въ службу Гренадскаго Архіепископа. Онъ избавилъ тебя отъ труда разпознавать нравъ Прелата и его окружавшихъ, описавъ различныя ихъ свойства. По примѣру его, дамъ тебѣ понятіе о Графѣ, Графинѣ, его супругѣ, и Доннѣ Маріи де Гусманъ, единственной ихъ дочери.“

„Начнемъ съ Министра. Онъ имѣетъ умъ острый, проицательный и способный къ великимъ предпріятіямъ; выда-етъ себя за человека все знающаго, пошому что пріобрѣлъ

поверхностное понятіе о всѣхъ наукахъ; думаетъ, что въ состояніи все рѣшить; воображаетъ, что онъ и глубокой правовѣдецъ, и великой полководецъ, и тонкой полищикъ. Сверхъ того, онъ весьма упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ: хочетъ всегда слѣдовать единственно имъ, дабы не показать, что держится чужаго ума. Между нами сказать, этошъ порокъ можетъ имѣть худыя слѣдствія, опъ копорыхъ да предохранишъ Небо Монархію! Въ Совѣтѣ блистаетъ онъ природнымъ краснорѣчіемъ, и писалъ бы также хорошо, какъ говоритъ, если бы, желая придать слогу

своему болѣе достоинству ,
 не старался дѣлать его шем-
 нымъ и слишкомъ кудрявымъ.
 Мысли у него спранны , за-
 шѣйливы и мечтательны. Та-
 ковъ его умъ, а вошъ каково
 сердце: онъ великодушенъ и
 постояненъ въ дружбѣ. Гово-
 ряшъ однако, что мспишеленъ;
 но какой Испанецъ не имѣетъ
 эшой слабости? Также виняшъ
 его въ неблагодарности, за то
 что, по его проискашъ, уда-
 лены ошъ Двора Герцогъ Уце-
 да и Духовникъ Людовикъ Аліа-
 га , копорымъ онъ одолженъ
 весьма много. Но и эшо прос-
 шить ему можно: желаніе бышъ
 первымъ Министромъ осво-
 бождаетъ ошъ благодарности.“

„Въ Доннѣ Агнесѣ де Цуни-
га е Веласко, Графинѣ Оли-
варецъ, продолжалъ Іосифъ,
нахожу я только одинъ недос-
ташокъ: она продаетъ дорогою
цѣною милоспи, которыя
выпрашиваетъ у своего суп-
руга. Чтужь касается до Дон-
ны Маріи де Гусманъ, то она,
безъ всякаго сомнѣнія, самая
выгодная невѣста въ Испаніи,
дѣвица, украшенная многими
достоинствами, и настоящій
идолъ отца своего. По этому
располагай своими поступка-
ми; старайся всячески уго-
ждать обѣимъ дамамъ, и ка-
жись преданнымъ Графу Оли-
варецу еще болѣе, чѣмъ былъ
преданъ Герцогу Лермъ до

поѣздки швоей въ Сеговію: такимъ образомъ ты сдѣлаешься знашнымъ и сильнымъ человекомъ.“

„Совѣшую еще, прибавилъ онъ, ходишь иногда къ Дону Балшазару, господину моему; хопя теперь въ немъ и не имѣешь нужды, однако не опспавай опъ него. Онъ хорошаго о тебѣ мнѣнія; спарайся сохранишь его дружбу: она при случаѣ очень тебѣ пригодится.“—Такъ какъ дядя и племянникъ (сказалъ я Наварру) управляють вмѣстѣ Государственными дѣлами, по нѣтъ ли между ними зависти?—„Напрошивъ, опвѣчалъ онъ, они въ совершенномъ со-

гласіи. Безъ Дона Балпазара
 Графъ Оливарецъ, можетъ
 быть, и не попалъ бы въ Ми-
 ниспры, пошому что, послѣ
 смерти Филиппа III, друзья
 и приверженцы дому Сандо-
 валь дѣлали всѣ возможные
 происки какъ въ пользу Карди-
 нала, такъ и въ пользу его
 сына; но господинъ мой, хип-
 рѣйшій изъ придворныхъ, и
 Графъ, не менѣе его изворот-
 ливый, уничтожили ихъ за-
 мыслы, и приняли такіа мѣ-
 ры, что превозмогли сво-
 ихъ соперниковъ. Графъ Оли-
 варецъ, сдѣлавшись первымъ
 Миниспромъ, раздѣлился въ
 управленіи съ дядей своимъ,
 Дономъ Балпазаромъ, пору-

чивъ ему дѣла внѣшнія, а себѣ предославивъ внутреннія; эшимъ сполько укрѣпился узелъ дружбы, естесшвенно связующій единокровныхъ, что оба вельможи, независимые одинъ отъ другаго, живушъ въ совершенномъ согласіи.“

Таковъ былъ разговоръ нашъ съ Іосифомъ, и я швердо положилъ обратишь его въ свою пользу. Попомъ пошелъ благодарить Дона Цунигу. Онъ сказалъ мнѣ весьма учшиво, что не пропустишь ни одного случая услужить мнѣ, и что ему очень пріятно, если я доволенъ его племянникомъ, котораго еще за меня просишь будешъ. „По крайней мѣрѣ, при-

молвилъ онъ, я докажу тебѣ на дѣлѣ, какое участіе въ тебѣ принимаю; вмѣсто одного, ты будешь имѣть двухъ покровителей.“ Такъ-то Донъ Балпазаръ, единственно по дружбѣ къ Наварру, пекся о моемъ счастіи !

Въ тотъ же самый вечеръ перебрался я на новоселье въ домъ къ первому Министру, и ужиналъ тамъ вмѣстѣ съ Сципіономъ. Намъ служили Графскіе лакеи, которые, видя что мы сидимъ за столомъ съ важностью и по неволѣ оказывая намъ уваженіе, можешь бышь, внутренно надъ нами смѣялись. Когда они, собравъ со стола, удалились,

то Секретарь мой, оставивъ
 принужденіе, наказы мнѣ
 тысячу нелѣпостей, какія
 только веселый его нравъ и
 неограниченныя надежды мог-
 ли внушить ему. Я хотя и
 восхищался блистательнымъ
 положеніемъ, къ копорому былъ
 близокъ, но не чувствовалъ въ
 себѣ никакого расположенія
 онымъ ослѣпиться; и не преда-
 ваясь пріятнымъ мечтаніямъ,
 копорыми бы могъ заняться,
 заснулъ спокойно; напрошивъ
 честолюбивому Сципіону спа-
 лось худо: болѣе половины ночи
 провелъ онъ, собирая мысленно
 сокровища для приданаго до-
 чери своей Серафинѣ.

На другой день поутру едва успѣлъ я одѣться, какъ позвали меня къ Графу. Я пошъ же часъ къ нему явился. „Ну, Саншиллана, сказалъ онъ мнѣ, посмотри, что ты умѣешь дѣлать. Ты говорилъ, что Герцогъ Лерма заставлялъ тебя сочинять разныя записки: у меня есть дѣло, которое дамъ тебѣ обработать для опыта. Я скажу тебѣ содержание: надобно издать объявление, которое предупредило бы публику въ мою пользу. Я уже приказалъ тайно разнести слухъ, что нашелъ дѣла въ великомъ безпорядкѣ; теперь остаешься обнаружить предъ Дворомъ и городомъ то бѣдѣ-

сѣвственное состояніе, до како-
го доведено Государство. Дол-
жно предсѣавишь все въ ша-
кой картинѣ, которая пора-
зила бы народъ и не допусти-
ла бы его жалѣть о моемъ
предшесѣвенникѣ. Ты расхва-
лишь средства, принятыя
мною на томъ концѣ, что-
бы сдѣлать царствованіе Ко-
роля достославнымъ, области
его цвѣтущими, а подданныхъ
совершенно счастливыми.“

Послѣ сего наставленія, Ми-
ниспръ далъ мнѣ бумагу, въ
коей кратко излагались осно-
вательныя причины къ жало-
бамъ на прежнее правленіе; я
помню, что она состояла въ
десяти спашьяхъ, изъ кото-

рыхъ самая маловажная могла навесши страхъ на добрыхъ Испанцевъ. Пошомъ, опведя въ другую комнату, онъ оставилъ меня тамъ прудишься на свободѣ. И такъ я описалъ сперва худое состояніе, въ копоромъ находилось Государство: разшоченные финансы, Королевскіе доходы опданные на опкупъ временщикамъ, морскія силы въ крайнемъ упадкѣ. За симъ выспавилъ ошибки шѣхъ, у коихъ было въ рукахъ правленіе при покойномъ Королѣ, и вывелъ вредныя изъ того послѣдствія. Наконецъ, представилъ Монархію въ опасности, и такъ сильно очернилъ прежнее Ми-

нисперсшво, чшо паденіе Герцога Лермы, по содержанію моей записки, было великимъ благополучіемъ для Испаніи. Правду сказашь, хопя и не питалъ я ни малѣйшей злобы прошивъ эшаго вельможи, но мнѣ не прошивно было оказашь ему такую услугу. Вошъ каковъ человекъ!

По ужасномъ изображеніи бѣдствій, угрожавшихъ Испаніи, я успокоивалъ умы искуснымъ внушеніемъ народу лестной надежды на будущее. Графа Оливареца заспавлялъ говоришь, какъ посланнаго Небомъ спасителя націи; обѣщаль золотыя горы; словомъ, такъ хорошо принаровился къ

видамъ новаго Министра ;
 что онъ пришелъ въ восторгъ
 отъ моего сочиненія , когда
 прочиталъ его до конца. „Сан-
 шиллана , сказалъ онъ мнѣ ,
 знаешь ли , что ты написалъ
 бумагу , достойную Государ-
 ственнаго Секретаря? Теперь
 не дивлюсь , что Герцогъ Лер-
 ма прибѣгалъ къ перу твоє-
 му : слогъ твой крапокъ и
 красивъ ; но мнѣ кажется нѣ-
 сколько проспѣ.“ Тутъ , за-
 мѣшивъ мнѣ мѣста , которыя
 были не по его вкусу , онъ
 перемѣнилъ ихъ ; и я изъ по-
 правокъ его заключилъ , что
 ему нравились , какъ уже ска-
 зывалъ мнѣ Наварро , изыскан-
 ныя выраженія и неясность.

Впрочемъ, хопя желалъ онъ
 благородства, или лучше ска-
 зать, жеманства въ слогъ,
 однакожь оставилъ двѣ пре-
 ши моего сочиненія безъ вся-
 кой перемѣны; и въ знакъ
 своего удовольствія, прислалъ
 мнѣ чрезъ Раймонда приспа-
 писшолей.

ГЛАВА VI.

*На то употребилъ Жил-
 блазъ триста пистолей,
 и какое порученіе сдѣлалъ
 Сципіону. Успѣхъ выше-
 упомянутаго сочиненія.*

Этотъ подарокъ подалъ Сци-
 піону новый поводъ поздрав-
 лять меня съ близостию ко
 Двору. „Вы видите, говорилъ

онъ , что счастіе гошовишъ
 вамъ высокую учасшь. Жа-
 лѣете ли теперь , что оста-
 вили ваше уединеніе ? Дай
 Богъ здоровье Графу Олива-
 рецу ! Какая разница между
 имъ и его предшественни-
 комъ ! Герцогъ Лерма , при
 всей вашей къ нему предан-
 ности , заставилъ васъ нѣ-
 сколько мѣсяцовъ терпѣть
 нужду , не подаривъ ни одной
 пистюли ; а Графъ сдѣлалъ
 вамъ такую награду , какой
 могли бы вы ожидать разве
 только за долговременную служ-
 бу.“

„ Желалъ бы я , прибавилъ
 онъ , чтобъ господа Лейвы бы-
 ли свидѣтелями вашего сча-“

стія, или по крайней мѣрѣ
о немъ знали.“—Пора уже,
отвѣчалъ я, уведомишь ихъ
объ этомъ. Я былъ очень увѣ-
ренъ, что они съ нетерпѣ-
ніемъ ожидаютъ обо мнѣ из-
вѣстія; но откладывалъ пи-
сать къ нимъ до тѣхъ поръ,
пока не увижу, останусь ли
при Дворѣ, или нѣтъ. Теперь,
какъ уже участь моя рѣши-
лась, можешь ты ѣхать въ
Валенцію уведомишь друзей
моихъ о настоящемъ моемъ
положеніи, за которое я имъ
обязанъ: безъ ихъ совѣта не
подумалъ бы никогда бытъ
въ Мадридѣ.—„Ахъ! любезный
господинъ, вскричалъ сынъ
Косколни, какъ я ихъ об-

рабую, рассказавъ, что съ вами случилось! За чѣмъ ужъ я не въ Валенціи? Но скоро шамъ буду. Обѣ лошади Дона Альфонса готовы. Я отправлюсь съ однимъ изъ Графскихъ лакеевъ; кромѣ того, что мнѣ пріятно будешь имѣть товарища въ дорогѣ, вы сами знаете, что ливрея перваго Министра бросаетъ пыль въ глаза.“

Я не могъ удержаться отъ смѣху, видя глупое тщеславіе Секретаря моего; а между тѣмъ, самъ будучи, можешь спастись, еще тщеславнѣе его, далъ ему волю дѣлать, что хочешь. „Поѣзжай, сказалъ я ему, и воропись поскорѣе; я

поручу тебѣ другое дѣло: пошлю въ Аспурію съ деньгами къ моей матери. По нерадѣнію, пропустилъ я то время, когда слѣдовало доставить ей сто писмолей, которыя ты самъ привозишь обѣщавшись. Такія обѣщанія должны быть стою священны для всякаго сына, что не льзя мнѣ не упрекать себя въ неисправномъ исполненіи оныхъ.“

—Правда ваша, сударь, отвѣчалъ Сципіонъ; и я досадую на самого себя, что не напомнилъ вамъ объ этомъ. Однакожь успокойтесь: въ шесть недѣль будетъ кончено и то и другое порученіе; увижусь съ господами Лейвами, завер-

ну въ вашъ замокъ, побываю
въ Овѣдо, о которомъ не мо-
гу вспомнить, не проклиная
прехъ чешвершей съ полови-
ною его жителей:— И такъ
опсчиталъ я сыну Косколи-
ны сто писмолей для вруче-
нія моей матери, а другія
сто для него, чтобы онъ могъ
съ удовольствіемъ совершить
дальній путь свой.

Спустя нѣсколько дней по-
слѣ его отъѣзда, Графъ Оли-
варецъ приказалъ напечатать
наше объявленіе, которое лишь
только появилось въ публикѣ,
то и сдѣлалось предметомъ
разговоровъ въ Мадридѣ. На-
родъ, всегда любящій новое,
былъ очарованъ; испощеніе

финансовъ , описанное живыми красками , возмутило его прошивъ Герцога Лермы ; и если взведенныя на эшаго Министра обвиненія одобряемы были не всѣми , то по крайней мѣрѣ не многими охуждались. Чѣмъ касается до пышныхъ обѣщаній Графа Оливареца , и между прочимъ до обѣщанія доставлять благо-разумною экономіею все нужное на Государственные расходы безъ обремененія подданныхъ новыми налогами , онѣ ослѣпили всѣхъ вообще гражданъ , и утврдили ихъ въ томъ высокомъ мнѣніи , какое имѣли уже о его способностяхъ : по всему городу

раздавались похвалы новому Министру.

Графъ, радуясь, что достигъ своей цѣли снискавъ общую любовь, вознамѣрился дѣйствительно заслужить оную какимъ нибудь похвальнымъ и для Короля полезнымъ дѣломъ. Для сего употребилъ онъ средство Императора Гальбы, то есть, опьяля у частныхъ людей все награбленное ими при управленіи Королевскими доходами. Выдавивъ кровь изъ сихъ насосавшихся пиявицъ, и наполнивъ Королевскую казну, рѣшился сохранять оную: уничтожилъ всѣ пенсіоны, не исключая и своего собствен-

наго; прекратилъ также награжденія, на счетъ Государя выдаваемыя. Чтобы успѣшь въ этомъ предпріятіи, сопряженномъ съ нѣкоторыми переменами въ правленіи, онъ поручилъ мнѣ сочинить докладъ Королю, сказавъ содержаніе и планъ онаго; при чемъ убѣждалъ меня возноситься, сколько можно, выше обыкновенной простоты моего слога. „Слушаю, Ваше Сіятельство, сказалъ я; вамъ угодно, чтобъ написано было высоко и ясно; воля ваша исполнится.“ Я заперся въ той же комнатѣ, въ которой и прежде трудился, и принялся за работу, призвавъ

на помощь краснорѣчиваго генія Гренадскаго Архіепископа.

Я началъ шѣмъ, что надлежитъ рачительно сберегать деньги, находящіяся въ казнѣ Королевской, и что должно употреблять ихъ на однѣ Государственныя попребности, какъ священное сокровище, кошорое позволено только обращать на зашишу и славу Испаніи. Попомъ, я предспавлялъ Монарху, что, прекращая всѣ пенсіоны и награды, выдаваемыя изъ обыкновенныхъ его доходовъ, онъ не лишаетъ себя удовольствія жаловать шѣхъ изъ своихъ подданныхъ, кои сдѣлающся доспойными его милостей; и бо, не касаясь

своего сокровища, можешъ награждать ихъ еще инымъ образомъ: однихъ Вицерайсшвами, Губернашпорсшвами, Кавалерскими орденами, военными чинами; другихъ Коммандорсшвами, судейскими званіями; а особъ, посвятившихъ себя служенію алшарей, разными степенями ихъ сана.

Эпошъ докладъ, бывшій гораздо пространнѣе перваго моего сочиненія, занималъ меня почти цѣлые три дни. По счастію удалось мнѣ попасть на вкусъ Министра, который, нашедъ, что онъ написанъ съ великою силою и напичканъ метафорами, осыпалъ меня похвалами. „Я

очень доволенъ своимъ словомъ, сказалъ онъ, показывая мнѣ самыя надутыя мѣсша; вотъ превосходнѣйшія выраженія! Пиши всегда такъ: я предвижу, что ты будешь мнѣ весьма полезенъ.“ Однакожь, не смотря на такое одобреніе, не оставилъ онъ сочиненія моего безъ поправокъ: помѣспилъ въ немъ много своего, и составилъ сътоль краснорѣчивый докладъ, что привелъ въ восхищеніе и Короля и всѣхъ придворныхъ. Городъ присовокупилъ къ тому свои похвалы, предвѣщалъ себѣ впредь великія выгоды, и ласкался, что Монархія получитъ прежній блескъ при

управленіи споль мудраго Министра. Его Сіяшельство, видя, какую славу принесло ему это сочиненіе, не хотѣлъ оставить и меня безъ награды: положилъ мнѣ по пяти сотъ писмолей годовой пенсіи съ Каспильскаго Коммандорства. Награда сія была для меня шѣмъ пріятнѣе, что пріобрѣтена правильно, хотя, правду сказать, и безъ дальнѣйшаго труда.

ГЛАВА VII.

По какому слуху, въ какомъ-мѣстѣ и въ какомъ состояніи нашелъ Жилблазъ друга своего Фабриція; о семъ они между собой говорили.

Ничего не было пріятнѣе для Графа, какъ знать народные толки о его Министерствѣ. Онъ всякой день спрашивалъ меня, что говорятъ объ немъ въ Мадридѣ. Имѣлъ даже наемныхъ шпионовъ, которые доносили ему подробно обо всемъ, что дѣлалось въ городѣ, не скрывая ни одного слова, сказаннаго на его счетъ;

ощь чего самолюбіе его часто спрадало: ибо народъ на языкъ невозддерженъ.

Замѣшивъ, что Графъ любитъ пересказы, я началъ каждый день послѣ обѣда посѣщать публичныя мѣста, и вмѣшиваясь въ разговоры порядочныхъ людей, когда бывалъ къ тому случай. Сужденія о Правительствѣ выслушивалъ я со вниманіемъ, и сообщалъ Его Сіятельству то, что нужно было ему знать. Но надобно замѣишь, что я умалчивалъ обо всемъ, чѣмъ могло оскорбиться его самолюбіе.

Однажды, возвращаясь домой, проходилъ я мимо во-

рошъ градской больницы. Мнѣ
вздумалось зайти туда. Я
пробѣжалъ двѣ или три за-
лы, наполненныя лежавшими
на кроватяхъ больными, и
обращалъ глаза во всѣ сто-
роны. Между этими несча-
спными, на коихъ безъ слезъ
не могъ я смотрѣть, внима-
ніе мое остановилось на од-
номъ: мнѣ показалось, что я
узнаю въ немъ земляка моего
и стариннаго товарища, Фа-
бриція. Чтoby разглядѣть его
поближе, подошелъ я къ по-
стелѣ, и увѣрясь, что это
былъ поэтъ Нуннецъ, смот-
рѣлъ на него нѣсколько ми-
нутъ, не говоря ни слова.
Онъ съ своей стороны узналъ

меня, и устремилъ на меня
взоры. Наконецъ я прервалъ
молчаніе и сказалъ: „Не об-
манывающся ли глаза мои?
Не ужь ли нахожу здѣсь Фа-
бриція?“ — Точно Фабриція,
отвѣчалъ онъ съ холодноспью;
и ты не долженъ этому уди-
вляться. Съ тѣхъ поръ, какъ
разспался съ побою, я про-
должалъ заниматься автор-
скимъ ремесломъ: сочинялъ
романы, комедіи, всякую вся-
чину. Я шелъ прямо путемъ
своимъ, и теперь въ госпи-
тали.—

Я не могъ удержаться отъ
смѣху при сихъ словахъ, а
особливо при важномъ видѣ,
съ какимъ онъ произнесъ ихъ.

„Такъ это муза швоя, вскричалъ я, сюда завела тебя? Она-то сыграла съ тобой шакую славную шупку?“—Какъ видишь, ошвѣчалъ онъ. Эшопъ домъ часто служишь убѣжищемъ для сочишпелей. Ты хорошо сдѣлалъ, другъ мой, избравъ другую дорогу; но, какъ мнѣ кажется, ты уже не при Дворѣ, и твои обстояшельства перемѣнились. Я даже, помнишь, слышалъ, что ты содержался въ крѣпости по Королевскому повелѣнію.— „Все это правда, подхвашилъ я; завидное положеніе, въ кошоромъ ты меня осшавилъ, скоро перемѣнилось; я лишился имѣнія и свободы.

Однако, другъ мой, нахожусь теперь въ блистательнѣйшемъ состояніи, нежели въ какомъ ты прежде меня видѣлъ.“—
 Бышь не можешь! Ты теперь кажешься ласковъ и скромнъ; въ тебѣ не примѣтно того тщеславнаго и надменнаго виду, какой обыкновенно принимаютъ на себя люди въ счастіи.—, Несчастіе искусило мою добродѣтель, и въ школѣ бѣдствій научился я наслаждаться богатствомъ, не давая ему надъ собою власти.“

—Скажи же мнѣ, прервалъ Фабрицій, приподнявшись съ восторгомъ, какая у тебя должность? Чшо ты теперь дѣлаешь? Не управителемъ ли

у какогонибудь громошавшагося знашнаго господина, или у какойнибудь богатой вдовы?—,,У меня лучшее мѣсто, ошвѣчалъ я; но не спрашивай теперъ о томъ болѣе; другой разъ удовлетворю швое любопытство. Теперъ скажу только, что я въ состояніи помочь тебѣ, или лучше скажашь, обезпечить тебя на остпальные дни швой, съ шѣмъ однакожь, если дашь мнѣ обѣщаніе не сочиняшъ болѣе ни прозой, ни стихами. Чувствуешь ли себя способнымъ къ такому великому пожертвованію?“—Я уже клялся въ томъ Небу, будучи въ смертельной болѣзни, ошъ кошо-

рой не много оправляюсь. Одинъ честный Доминиканецъ уговорилъ меня опречься опъ поэзіи, какъ опъ забавы, если не совсемъ порочной, то по крайней мѣрѣ совращающей съ пуши благоразумія.—

„Поздравляю тебя, любезный Нуннецъ; но берегись опступленія.“— Эшаго не опасаюсь; я принялъ швердое намѣреніе вовсе разстаться съ музами, и когда шы входилъ въ залу, я сочинялъ спихи на вѣчное съ ними прощанье.—

„Не знаю, господинъ Фабрицій, (сказалъ я, покачавъ головою) должны ли мы съ добрымъ Доминиканцемъ вѣришь швоему опреченію: мнѣ ка-

жешся, ты до безумія влюбленъ въ Парнасскихъ дѣвъ.“
 —Нѣтъ, нѣтъ, я прервалъ съ ними всѣ связи; но этаго еще мало; я возымѣлъ оіперацие кѣ публикѣ. Она не спойтъ того, чѣобъ авторы посвящали ей труды свои. Не хочу издавать никакого сочиненія, которое могло бы ей понравиться. Не думай, чѣо такія слова внушаютъ мнѣ досада: я говорю хладнокровно. И хвала и хула публики равно для меня презрѣны. Не знаешь, гдѣ найдешь у нее, гдѣ поперяешь. Она чрезвычайно капризна: нынѣ думаетъ такъ, а завтра иначе. Какъ глупы драматиче-

скіе поэмы, которые хвасшались удачею своихъ произведеній! Настоящее поколѣніе охуждаетъ вкусъ прошедшаго, а сужденія настоящаго порицаются въ свою очередь слѣдующимъ. Изъ этого я заключаю, что писатели, въ наше время одобряемые, должны ожидать посмѣянія отъ потомковъ. Такой же участи подвержены романы и другія забавныя книги: сперва принимающіяся отъ всѣхъ съ похвалою, а потомъ нечувствительно приходящія въ презрѣніе. И такъ слава, пріобрѣтаемая нами отъ успѣха какаго нибудь сочиненія, есть одна мечта, одно обольщеніе

разума, и какъ вспыхнувшая
опъ огня солома, кошорой
дымъ въ мигъ изчезаетъ въ
воздухъ.—

Хошя и зналъ я, что Асшу-
рійской поэтъ разсуждаетъ
такимъ образомъ единствен-
но опъ огорченія, но пришво-
рился, будто того не примѣ-
чаю. „Очень радъ, сказалъ я
ему, что авторство тебѣ
опрошивѣло, и что ты со-
вершенно вылѣчился опъ па-
губной спраси писать. Будь
увѣренъ, что я скоро доста-
влю тебѣ мѣсто, при кошо-
ромъ ты можешь обогащаться,
не ломая головы попу-
стому.“—Тѣмъ лучше! вскри-
чалъ онъ; ученость мнѣ уже

наскучила, и я почишаю поэзію за самый гибельный для человека даръ Неба.— „Дай Богъ, любезный (Фабрицій, возразилъ я, чшобъ ты навсегда остался при такихъ мысляхъ. Если ты швердо рѣшился бросить сшихотворство, то еще повшоряю тебѣ мое обѣщаніе выхлопотать для тебя порядочную и выгодную должность; но прежде, нежели окажу тебѣ такую услугу, (примолвилъ я, подавая ему кошелекъ, въ кошомъ было шесшъдесять писмолей) прошу принять эшотъ малой знакъ дружбы.“

—О великодушный другъ!— вскричалъ сынъ цырюльника

Нуннеца, внѣ себя отъ радости—какъ долженъ я благодарить Бога за то, что онъ послалъ тебя въ эту больницу, изъ которой сегодня же выйду по швоей милости!— И въ самомъ дѣлѣ онъ велѣлъ перенести себя на наемную кварширу. Разсшаваясь съ нимъ, я далъ знать ему, гдѣ живу, и просилъ его къ себѣ, коль скоро выздоровѣешь. Онъ чрезвычайно удивился, услышавъ, что я нахожусь въ домѣ Графа Оливареца. „О пресчасшливый Жилблазъ!— сказалъ онъ. Твоя участь нравишься Минисшрамъ; радуюсь швоему благополучію: ты обращаешь его на добрыя дѣла.“

ГЛАВА VIII.

Жилблазъ день ото дня приходитъ въ большую любовь у Министра. Сципионъ возвращается въ Мадридъ, и рассказываетъ о своемъ путешествіи.

Графъ Оливарецъ, котораго впредь называть буду Графомъ - Герцогомъ (около сего времени Король пожаловалъ ему эпопъ шишулъ), имѣлъ слабоспъ, которую я замѣшилъ и ею воспользовался: онъ хошѣлъ, чшобъ его искренно любили. Коль скоро видѣлъ въ комъ приверженноспъ къ нему по склонноспи,

почишаль того своимъ другомъ. Я не пренебрегъ эшаго замѣчанія. Не только исполняль въ точности всѣ его приказанія, но еще показываль при томъ знаки ревности и усердія, копорыми онъ восхищался. Я вывѣдываль вкусъ его во всемъ, и, примѣняясь къ оному, предупреждалъ всячески его желанія.

Чрезъ шакое поведеніе, которое почти всегда доводишь до предположенной цѣли, сдѣлался я нечувствительно любимцемъ Министра, копорый, съ своей стороны, шакъ какъ я имѣль одинакую съ нимъ слабосшь, привязаль меня къ себѣ душевно разными

доказательствами своей ко-
мнѣ благосклонности. Я вкрал-
ся въ такую у него милость,
что началъ раздѣлять дове-
ренность его съ господиномъ
Карнеро, первымъ Секрета-
ремъ его.

Карнеро употребилъ то же
самое средство, какъ и я,
чтобъ снискать любовь Гра-
фа-Герцога, и такъ успѣлъ
въ томъ, что Его Свѣшлость
открывалъ ему даже тайны
кабинетныя. И такъ мы оба
были повѣренными перваго
Министра и хранителями его
секретовъ, съ тою только
разницею, что съ Карнеромъ
говорилъ онъ о дѣлахъ Госу-
дарственныхъ, а со мною о

своихъ собственныхъ; что и составляло два отдѣльныхъ департамента, которыми тошъ и другой изъ насъ были довольны. Мы оба жили безъ зависши, шакъ какъ и безъ дружбы. Мнѣ нравилось мое мѣсто потому, что, имѣя случай безпрестанно бытъ съ Графомъ - Герцогомъ, могъ знать даже сокровенныя его мысли, которыя онъ, при всемъ своемъ врожденномъ прищворствѣ, переспалъ шайтъ опъ меня, когда увѣрился въ нелицемѣрной моей къ нему преданности.

„Саншиллана, сказалъ онъ мнѣ однажды, шы видѣлъ, что власшь Герцога Лермы

походила болѣе на могуще-
 сшво самодержавнаго Госуда-
 ря, нежели на власть Мини-
 стра — любимца; однакожь я
 счасливѣе, нежели онъ былъ
 въ то время. Онъ имѣлъ
 двухъ спрашныхъ непріятель-
 лей: въ Герцогѣ Уцедѣ, род-
 номъ своемъ сынѣ, и въ Ду-
 ховникѣ Филиппа III; напро-
 шивъ я не вижу при Королѣ
 никого, кто бы могъ вре-
 дишь мнѣ, и даже не по-
 дозрѣваю ни одного челоѣка,
 который захошѣлъ бы помы-
 слишь на меня злое.“

„Правда, продолжалъ онъ,
 при вступленіи моемъ въ Ми-
 нисперсшво, я всѣми мѣрами
 сшарался ошавишь при Го-

сударѣ только тѣхъ людей, копорые соединены со мною родствомъ или дружбою. Посредствомъ Вицеройствъ и Посольствъ избавился я отъ всѣхъ вельможъ, копорые личными своими достоинствами могли бы похищати у меня часть Монаршихъ милостей: хочу вполне ими пользоваться, и смѣю сказать, что никто изъ знаемыхъ для меня не страшень. Видишь, Жилбазъ, что я открываю тебѣ мое сердце, будучи твердо увѣренъ въ швоей ко мнѣ преданности. Ты уменъ, скромень, разсудителень; словомъ, какъ мнѣ кажется, можешь хорошо ис-

правишь многія и разныя порученія , для которыхъ пошребень челоуѣкъ разпоропный.“

Я не могъ уешояшь прошиву обольщенія леспныхъ надеждъ , возбужденныхъ во мнѣ сими словами. Мгновенно пары честполюбія и скупоспи поднялись у меня въ голову и возбудили во мнѣ чувспвованія, которыя почиталь я давно уже преодолѣнными. Я клялся предъ Минспромъ , что буду всѣми силами соопвѣспсвовашъ его намѣреніямъ , и гошовъ исполняшь всѣ повелѣнія, какія онъ дашь мнѣ заблагоразсудишь.

Между тѣмъ, какъ я располагался такимъ образомъ сооружать новые жертвенники форшунъ, Сципіонъ возвратился. „Я вамъ объясню все въ короткихъ словахъ, сказалъ онъ. Господа Лейвы чрезвычайно обрадовались, услышавъ отъ меня, какъ милосливо приняты вы были Королемъ, когда онъ узналъ васъ, и какъ обходился съ вами Графъ Оливарецъ.“

—Ты бы еще болѣе ихъ обрадовалъ, прервалъ я, если бы уведомилъ, въ какой милости нахожусь я у эшаго Министра. Удивительное дѣло, сколь много успѣлъ я послѣ своего отъѣзда!—„Благодаре-

ніе Богу, любезный мой господинъ; я предчувствую, что для насъ готовится высокая участь.“—

—Переѣнимъ матерію, сказалъ я; поговоримъ объ Овiedo. Ты былъ тамъ? Въ какомъ состояніи оставилъ мать мою?— „Ахъ! сударь, (возразилъ Сципіонъ, принявъ на себя печальный видъ) съ этой стороны я привезъ вамъ одинъ прискорбный вѣсти.“—О Небо! конечно мать моя умерла?— „Да, полгода тому назадъ она скончалась; а также и Жиль Перець, вашъ дядюшка, опдалъ долгъ природѣ.“

Кончина матери причинила мнѣ жестокую печаль, хо-

тя въ ребячествѣ моемъ и
не видѣлъ я ошъ нее ласкъ,
кошорыя споль нужны для
дѣшей, чшобъ сдѣлашь ихъ
благодарными въ послѣдствіи.
Я пролилъ нѣсколько слезъ о
добромъ Каноникѣ, предсша-
вивъ себѣ, какъ спарался онъ
о моемъ воспитаніи. Скорбь
моя, правду сказашь, была не
продолжишельна, и скоро пре-
врапилась въ нѣжное воспо-
минаніе о родныхъ моихъ.

ГЛАВА IX.

*Какъ и за кого выдалъ
Графъ-Герцогъ дочь свою;
горькіе плоды сего брака.*

Вскорѣ по возвращеніи Коско-
линина сына, Графъ-Герцогъ
впалъ въ великую задумчи-
вость, въ кошорой пробылъ
цѣлую недѣлю. Я воображалъ,
что онъ помышляетъ о ка-
комъ нибудь важномъ Госу-
дарственномъ дѣлѣ; но послѣ
открылось, что занимало его
одно семейное обстоятель-
ство. „Жилбазъ, сказалъ онъ
мнѣ однажды послѣ обѣда,
ты долженъ замѣтить, что
духъ мой въ смущеніи. Такъ,

мой другъ, меня забоишь такое дѣло, ошъ котораго зависишь спокойствіе моей жизни. Я открою тебѣ его за тайну.“

„Донна Марія, дочь моя, продолжалъ онъ, теперь уже въ зрѣломъ возрастѣ; къ ней свашаются многіе знашныя женихи. Графъ Ниблесь, старшій сынъ Герцога де Медина Сидоніи, глава дому Гусмановъ, и Донъ Людовикъ де Гаро, старшій сынъ Маркиза де Карпіо и старшей сестры моей, такіе два совмѣстника, которые, по моему мнѣнію, заслуживаютъ предпочтенія предъ всѣми; особливо послѣдній, будучи украшень пре-

восходнѣйшими качествами
 предъ другими соперниками,
 подалъ поводъ думать при
 Дворѣ, что выборъ мой па-
 дешъ на него. Однакожь,
 не входя въ причины, по
 которымъ изключаю какъ его,
 такъ и Графа Ниблеса,
 скажу тебѣ, что я обратилъ
 мои виды на Дона Рамиро
 Нуннеца Гусмана, Маркиза де
 Тораль, родоначальника Гусма-
 но-Абрадоскаго дома. Ему-то
 и дѣшамъ, которыхъ будешь
 имѣшь онъ отъ моей дочери,
 намѣренъ я оставить все мое
 богатство съ титуломъ Гра-
 фовъ Оливарецовъ и съ до-
 стоинствомъ Грандовъ; такъ
 что потомки мои, произшедъ

отъ колѣна Абрадосовъ и Оливарецовъ, будущъ почишатъся старшими изъ дому Гусмановъ. Ну, Саншиллана, прибавилъ онъ, скажи, одобряешь ли мое намѣреніе?“—

—Милостивѣйшій Государь, ошвѣчалъ я, эшотъ планъ достоинъ ума, который расположилъ его; но осмѣлюсь доложить Вашей Свѣшлости мое сомнѣніе, будетъ ли эшимъ доволенъ Герцогъ Медина Сидонія.— „Чшо мнѣ до того нужды? подхвашилъ Министръ. Я не люблю эшой фамиліи: она опняла у Абрадосовъ право старшинства и шла. Жалобы Герцога будущъ для меня не столько чувствви-

шельны, сколько печаль Маркизы де Карпио, сестры моей, когда она увидишь, что дочь моя не доспанется ея сыну. Не смотря на то, хочу, чтобы было по моему, и Донъ Рамиро выиграешь предъ своими соперниками; это уже рѣшено.“

Графъ-Герцогъ показалъ при семъ случаѣ новый опытъ своей странной политики. Онъ подалъ Королю бумагу, въ которой просилъ какъ его, такъ и Королеву, чтобы они сами благоволили выдать за мужъ дочь его; и, описавъ качества всѣхъ ея искашелей, полагался совершенно на выборъ, какой угодно будетъ

сдѣлашь Ихъ Величествамъ. Однакожь, говоря о Маркизѣ де Тораль, не пропустишь дашь знать, что онъ для него всѣхъ пріятнѣе. Почему Король, имѣя крайнее снисхожденіе къ своему Министру, прислалъ ему слѣдующій отвѣтъ:

„Я нахожу Дона Рамиро „Нуннеца достойнымъ Донны „Маріи; впрочемъ выбирайте „сами. Кто вамъ болѣе понравится, тотъ и мнѣ будетъ угоденъ.“

Король.

Министръ показывалъ всѣмъ этотъ отвѣтъ; и, притворясь, будто считаешь его за повелѣніе Государя, по-

спѣшилъ обвинчать дочь свою
съ Маркизомъ де Тораль; чѣмъ
ужасно огорчилъ какъ Мар-
кизу де Карпіо, такъ и всѣхъ
Гусмановъ, кои ласкались по-
лучить руку Донны Маріи.
Однако шѣ и другіе, не мог-
ши препятствовать этому
браку, торжествовали оный
съ приговорною радостью.
Можно было подумать, что
всѣ родные были ошѣ того
въ восторгѣ; но недовольные
скоро насладились несчасті-
емъ, весьма чувствительнымъ
для Графа-Герцога. Донна Ма-
ріа чрезъ десять мѣсяцовъ
разрѣшилась дочерью, копо-
рая умерла тогда же; а спу-
стя нѣсколько дней и сама

машь сдѣлалась жертвою несчастныхъ родовъ своихъ.

Какая пошеря для опца, которому дочь была единственною ушѣхою, и который обманулся въ своемъ намѣреніи опнять право старшинства у колѣна Медины Сидоніи! Онъ былъ такъ пораженъ эшимъ ударомъ, что нѣсколько дней не пускалъ къ себѣ никого, кромѣ меня. Я съ своей стороны, соображаясь съ жестокою его гореспью, казался сполько же печалень, какъ и онъ. Надобно сказать правду: эпотъ случай засшавилъ меня пролилъ новыя слезы по моей Антоніи. Сходство смерти

ея съ кончиною Маркизы де
 Тораль разправило несовершен-
 но еще изцѣлѣвшую рану, и
 привело меня въ споль го-
 рестное положеніе, что Ми-
 нистръ, какъ ни былъ удру-
 ченъ собственною печалью, не
 могъ не замѣшиться и моею.
 Онъ удивлялся, видя, что я
 такъ горячо раздѣляю скорбь
 его. „Жилбазъ,—сказалъ онъ
 мнѣ однажды, когда я пока-
 зался ему погруженнымъ въ
 смертельную грусть,—какое
 сладостное для меня утѣше-
 ніе имѣть повѣреннаго, споль
 чувствительнаго къ моимъ
 спраданіямъ!“— Ахъ! Ваша
 Свѣтлость, (опвѣчалъ я, оп-
 нося причину печали моею къ

его несчастію) я былъ бы
весьма неблагодаренъ и же-
стокъ , если бы , смотря на
васъ , не сжалился. Могу ли
подумаешь , что вы оплаки-
ваете споль достойную, споль
нѣжно вами любимую дочь ,
и не смѣшаете слезъ моихъ
съ вашими? Нѣтъ, Милоспи-
вѣйшій Государь , я вполнѣ
чувствую ваши благодѣянія ,
и не пересчану во всю жизнь
мою раздѣлять ваши радо-
сти и печали. —

ГЛАВА X.

Ж и л б л а з ъ случайно
встрѣчается съ поэтомъ
Нуннецомъ, который ска-
зываетъ ему, что сози-
нилъ трагедію, и что она
скоро будетъ представ-
лена на Принцесвомъ те-
атрѣ. Худой успѣхъ піе-
сы, и какое удивитель-
ное счастіе за тѣмъ по-
слѣдовало.

Министръ помаленьку на-
чалъ утѣшаться, а съ нимъ
и я спановился повеселѣе.
Въ одинъ вечеръ вздумалось
мнѣ поѣхать въ каретѣ про-
гуляться. На дорогѣ попался
мнѣ Аспурійской стихошво-

рецъ , кошораго не видалъ я послѣ выходу его изъ больницы. Онъ одѣшъ былъ очень чисто. Я подозвалъ его , посадилъ къ себѣ въ карешу, и мы поѣхали вмѣстѣ на лугъ Св. Іеронима.

„Господинъ Нуннецъ , сказалъ я ему , хорошо , что я встрѣтился съ вами случайно, а иначе не имѣлъ бы удовольствія. . . .“—Не брани меня, Саншиллана, прервалъ онъ рѣчь мою съ поспѣшностью; признаюсь тебѣ чистосердечно , я не хотѣлъ съ побою видѣться ; и вотъ причина : ты обѣщаль доставишь мнѣ хорошее мѣсто , съ шѣмъ только , чѣмъ я откажуся

отъ поэзіи, а я нашелъ очень выгодное, на условіи, чѣмъ писать стихи, и принялъ его, какъ лучшее по моему вкусу. Одинъ изъ моихъ пріятелей приспособилъ меня къ Дону Берtrandу Гомецу дель Риберо, Инпенданшу Королевскихъ галеръ. Эпопъ Донъ Берtrandъ, желая имѣть при себѣ ученаго человѣка, избралъ меня преимущественно предъ пятью или шестью авторами, копорые искали у него Секретарскаго мѣста: версификація моя чрезвычайно ему понравилась.—

„Радуюсь душевно, любезный Фабрицій! Конечно, эпопъ Донъ Берtrandъ очень бо-

гашъ?—Такъ богатъ, говоряшъ, что и самъ не знаетъ, сколько у него денегъ. Какъ бы то ни было, вошъ въ чемъ состоишъ моя при немъ должность. Желая прослышъ человекомъ свѣшскимъ и просвѣщеннымъ, онъ ведетъ переписку со многими учеными дамами, и я служу ему перомъ своимъ въ сочиненіи остроумныхъ и пріятныхъ посланій; пишу за него къ одной стихами, къ другой прозой, и ношу иногда письма самъ, чшобы показашъ много-различность моихъ талантовъ.—

„Но ты не говоришь мнѣ о томъ, что знаешь для меня

всего любопытнѣе. Хорошо ли
 онъ плашишь тебѣ за твоя
 посланія?—Очень хорошо. Не
 всѣ богатые люди щедры; я
 знаю изъ нихъ великихъ ску-
 пыхъ; но Донъ Бертраандъ по-
 сшупаешь со мною весьма
 благородно. Кромѣ двухъ сошъ
 писмолей положеннаго жало-
 ванья, я получаю по време-
 намъ небольшіе подарки; отъ
 чего въ состояніи жить ба-
 риномъ и весело проводишь
 досуги мои съ нѣкоторыми
 писателями, нелюбящими,
 подобно мнѣ, скуки.—, Но Ин-
 пендантъ твой имѣетъ ли
 сколько вкусу, чшобъ чув-
 ствовашъ красоты остро-
 умнаго сочиненія, или чшобъ

замѣшшь въ немъ недоспашки? — Какой у него вкусъ! Онъ не что иное, какъ несносной говорунъ. При всемъ томъ выдаетъ себя за остроумнаго кришика: рѣшшь смѣло, и споишь въ своемъ мнѣніи такъ упорно, что весьма часто, когда онъ споришь, другіе принуждены бывающъ уступать ему, для избѣжанія ругательствъ, которыми обыкновенно осыпаешъ своихъ прошивниковъ. —

—Ты легко можешь себѣ предсавишь, продолжалъ Нунецъ, что я крайне остерегаюсь ему прошиворѣчишь, какую бы причину онъ къ шому ни подалъ: ибо, кромѣ

непріятныхъ эпішешовъ , на
 копорые онъ не скупъ , боль-
 ше всего боюсь , чшобъ не со-
 гналъ меня со двора. И такъ ,
 изъ благоразумія , одобряю все ,
 что онъ хвалишь , и охуждаю
 все , что ему кажется дурно.
 Такимъ , ничего мнѣ нестою-
 щимъ угожденіемъ , и иску-
 сшвомъ примѣняшся къ ха-
 рактеру людей , копорые для
 меня полезны , снискалъ я по-
 чшеніе и дружбу моего по-
 кровителя. Онъ присовѣшо-
 валь мнѣ сочинить трагедію ,
 копорой самъ выдумалъ со-
 держаніе. Я написалъ ее при
 его глазахъ ; и если она по-
 лучишь успѣхъ , то частію
 моей славы я обязанъ буду
 его добрымъ совѣшамъ.—

Я спросилъ поэта, какъ называется его трагедія. „Графъ де Салданъ, отвѣчалъ онъ. Дня черезъ три представляють ее на Принцевомъ театрѣ.“—Желаю ей, возразилъ я, всякаго успѣху; и, зная отличныи твоя гений, даже надѣюсь эшаго.— „И я также надѣюсь, подхвашилъ онъ; но нѣтъ ничего обманчивѣе авторской надежды, и невѣрнѣе успѣха драматическихъ произведеній.“

Наконецъ наступилъ день перваго представленія. Мнѣ не лзя было идти въ театръ: Министръ поручилъ мнѣ исполнишь одно нужное дѣло. И такъ я послалъ шу-

да Сципіона, чшобы по край-
 н й мѣрѣ узнать въ томъ же
 вечерѣ о судьбѣ піэсы, въ
 кошорой принималъ я уча-
 стіе. Послѣ неперпѣливаго
 моего ожиданія, вошелъ онъ
 съ такимъ видомъ, кошорый
 не предвѣщалъ ничего добра-
 го. „Ну что, спросилъ я, ка-
 ково Графъ де Салданъ при-
 нялъ публикою?“—Очень невѣ-
 жливо, отвѣчалъ онъ; ни съ
 одною піэсою не было еще
 такъ жестоко поступлено. Я
 вышелъ изъ театра въ стра-
 шной досадѣ на грубость зри-
 шелей.—„А я такъ досажую на
 глупую сшрассть Нуннеца къ
 драматическимъ сочиненіямъ.
 Сумасшедшій человекъ! на-

смѣшки и свистъ зрителей
предпочишаетъ онъ спокойной
учасши, какую я могу ему
доставишь.“ Такимъ образомъ,
изъ дружбы, негодовалъ я на
Астурійскаго поэта, и шу-
жилъ о неудачѣ его шворе-
нія; а онъ, между шѣмъ, эшо-
му радовался. И дѣйствителъно,
черезъ два дни явилъ-
ся ко мнѣ, внѣ себя ошъ во-
схищенія. „Саншиллана, вскри-
чалъ онъ, я пришелъ раздѣ-
лить съ побою восторгъ мой!
Я сдѣлалъ свое счастіе, на-
писавъ дурную трагедію. Те-
бѣ извѣстенъ странный прі-
емъ Графу де Салданъ. Всѣ
зрители какъ будто ожесто-
чились противъ него; и эшо-

му-по ожесточенію обязанъ я благополучіемъ моей жизни.“

Такія слова поэта Нуннеца удивили меня. „Какъ, Фабрицій, сказалъ я, не ужъ ли ты въ самомъ лѣлѣ можешь радоваться неудачѣ твоей піэсы?“—Безъ всякаго сомнѣнія, ошвѣчалъ онъ. Я уже сказалъ тебѣ, что Донъ Бертрандъ примѣшалъ въ мою трагедію много и своего собственнаго; слѣдственно нашелъ ее превосходною. Онъ крайне оскорбился, увидѣвъ, что зрители были прошивнаго съ нимъ мнѣнія.—Нуннецъ, сказалъ онъ мнѣ сегодня по утру, *Victrix causa Diis placuit, sed victa Catoni*. Трагедія твоя не по-

нравилась публикѣ, за то по-
любилась мнѣ; а эшаго для
тебя и довольно. Чтось не
груспиль ты о худомъ вкусѣ
нашего вѣка, опредѣляю тебѣ
двѣ тысячи реаловъ ежегод-
наго доходу съ моего имѣнія.
Пойдемъ теперь же къ Но-
таріусу.—Какъ сказано, такъ
и сдѣлано: Инпендансъ под-
писалъ обязательство, и за
первый годъ выдалъ мнѣ впе-
редъ деньги . . . .

Я поздравлялъ Фабриціа съ
несчастною судьбою Графа де
Салданъ, обратившеюся въ
пользу автора. „Ты имѣешь
причину поздравлять меня,
продолжалъ онъ. Какъ я сча-
сливъ, что былъ освиспанъ

безъ милосердія! Если бы публика, болѣе ко мнѣ благосклонная, почтила меня своими рукоплесканіями, къ чему бы это послужило? Я получилъ бы за трудъ мой какую нибудь маловажную сумму; вмѣсто того неудача трагедіи обезпечила меня на всю жизнь.“

ГЛАВА XI.

Сиципiонъ полугаетъ трезъ
 Сантиллану мѣсто, и
 отправляется въ Новую
 Испанiю.

Секретарь мой не безъ за-
 висши смопрѣлъ на нежи-
 данное счастiе поэта Нуннеца,
 и не переспавалъ швердишь
 мнѣ о томъ цѣлую недѣлю.
 „Удивляюсь, говорилъ онъ,
 своеенравiю форшуны, копорая
 обогащаетъ иногда плохова
 авшора, а добрыхъ людей о-
 спавляетъ въ бѣдности. Же-
 лалъ бы я, чшобъ вздумалось
 ей также и ко мнѣ вдругъ
 ущедриться.“—Эшо очень мо-

жепъ случишься, сказалъ я,
 и скорѣе, чѣмъ ты думаешь.
 Ты здѣсь въ ея храмъ: мнѣ
 кажется, можно назвать хра-
 момъ форшуны домъ перваго
 Министра, гдѣ часто раз-
 даются милости, копорыя
 вдругъ выводяшь въ знашь
 людей самой низкой породы.—
 „Вѣрю, сударь; да все надоб-
 но терпѣть, пока ихъ полу-
 чишь.“—Еще повторяю тебѣ,
 Сципіонъ, будь спокоенъ: мо-
 жешь быть, скоро дадутъ
 тебѣ порядочную должностъ.—
 И дѣйствительно, спустя нѣ-
 сколько дней, представился
 случай употребить его съ
 пользою на службу Графа-Гер-
 цога, и я не пропустилъ
 онаго.

Однимъ ушромъ разговаривалъ я съ Дономъ Раймондомъ Капорисомъ; рѣчь зашла о доходахъ Его Свѣшлости. „Министръ (говорилъ управитель) имѣешь съ Коммандорствѣ всѣхъ военныхъ орденовъ срокъ тысячъ писполей ежегоднаго доходу, и за то обязанъ только носишь крестъ Альканшарской. Сверхъ того, по премъ должностямъ: Оберъ-Камергера, Оберъ-Шталмейстера и Великаго Канцлера, получаетъ онъ двѣсши тысячъ; но все это еще ничто въ сравненіи съ несчетными доходами, которые пріобрѣтаешь въ Индіи; и знаешь ли какимъ образомъ? Когда Ко-

ролевскіе корабли ошходяшъ
туда изъ Севиллы или Лис-
сабона, онъ ошправляешъ на
нихъ продукты своего Граф-
ства: вино, масло и хлѣбъ въ
зернѣ; за провозъ ничего не
плашишъ; а шовары продаешъ
въ Индіи вчешверо дороже,
нежели чего спояшъ они въ
Испаніи; вырученныя же день-
ги упошребляешъ на закупку
пряныхъ кореньевъ, красокъ
и другихъ вещей, которыя
въ Новомъ Свѣшъ можно имѣшъ
почти даромъ, а въ Европѣ
продающся онѣ чрезвычайно
дорого. Такимъ шоргомъ на-
жилъ онъ многіе миліоны, не
причиняя нималѣйшаго убыш-
ка Королю.“

„Не дивитесь, продолжалъ онъ, когда скажу вамъ, что и самые люди, которые употребляются при этой торговлѣ, прїѣзжая назадъ съ великимъ богатствомъ; ибо Графъ - Герцогъ позволяетъ имъ исправлять и собственныя дѣла свои вмѣстѣ съ дѣлами Его Свѣшлости.“

Косколининъ сынъ, который слушалъ разговоръ нашъ со вниманіемъ, не могъ удержаться, чтобъ не прервать Раймонда. „Ахъ! господинъ Капорисъ, вскричалъ онъ, за какое почель бы я счастье быть въ числѣ этихъ людей! Мнѣ же давно хочется побывать въ Мексикѣ.“ — Любопытство

швое удовольстворишь не прудно, отвѣчалъ управитель, если господинъ Саншиллана тому не вопрошивишся. Какъ ни разборчивъ я въ опредѣленіи людей для торгу въ Веспъ-Индіи (опъ меня зависишь ихъ выборъ), приму себя не думавши, только бы господину швоему было эшо угодно.—, Вы меня очень обяжете, сказалъ я Раймонду, оказавъ мнѣ эшопъ знакъ дружбы. Я люблю Сципіона: онъ малой смышлѣной, будешъ веспи себя шакъ, что никшо на него не пожалуешся; словомъ, отвѣчаю за него, какъ за самого себя.“—

—Когда шакъ, возразилъ Капорисъ, пусть онъ теперь же отправишся въ Севиллу; корабли черезъ мѣсяць пойдутъ въ Индію. При отъѣздѣ дамъ ему письмо къ одному чело-вѣку, который снабдитъ его нужными наставленіями, какъ можно разбогатѣть, не причинивъ вреда выгодамъ Его Свѣшлости.—

Сципіонъ, радуясь, что получилъ мѣсто, поспѣшилъ отправишся въ Севиллу; взялъ съ собой тысячу пистолей, чтобъ закупить въ Андалузій вина и масла, и все это пустилъ въ торгъ въ Востъ-Индіи. Но, какъ ни восхищался онъ симъ путешествіемъ—

емъ , не могъ однакожь раз-
спашься со мною безъ слезъ;
да и я не хладнокровно смо-
трѣлъ на нашу разлуку.

ГЛАВА XII.

*Донъ Альфонсъ де Лейва
пріѣзжаетъ въ Мадридъ;
это его къ тому пону-
дило. Жилблазъ пегалит-
ся, а послѣ радуется.*

Лишь только проснулся я
съ Сципіономъ , какъ Мини-
спровъ пажъ принесъ мнѣ
записочку слѣдующаго содер-
жанія:

„Ежели господинъ Саншил-
лана поштрудится придѣши
къ образу Св. Гавріила на То-
ледской улицѣ, то увидишь
тамъ одного изъ лучшихъ
своихъ пріятелей.“

Кто бы такой могъ бытъ
этомъ безыменнѣй пріятель?
подумалъ я. Для чего онъ опъ
меня шайся? Конечно хо-
чешъ нечаянно меня обрадо-
вашъ. Я потчасъ пуспилсъ
въ Толедскую улицу, и под-
ходя къ назначенному мѣсту,
не безъ удивленія увидѣлъ
тамъ Дона Альфонса де Лейву.
„Какъ? это вы, сударь!“—
вскричалъ я.— Такъ потно,
любезный Жилблазъ, опвѣ-
чалъ онъ, крѣпко обнявъ ме-

ня, ты видишь Альфонса.—

„Чтожь завело васъ въ Мадришь?“— Причина моего приѣзда

сюда столько же удивилъ, сколько и опечалилъ тебя.

Я смѣненъ съ Губернаторства,

и первый Министръ пребудетъ

меня къ опечешу.— Я стоялъ

почти четверть часа въ глубокомъ

молчаніи; потомъ, опамывавшись, спросилъ :

„А въ чемъ обвиняютъ васъ?“—

Ничего не знаю, отвѣчалъ онъ;

но думаю, что всему причиною

посѣщеніе, которое сдѣлалъ я,

недѣли три назадъ,

Кардиналу Герцогу Лермъ,

сосланному въ замокъ свой,

Денію.—

„И подлинно, прервалъ я рѣчь его, несчастіе ваше приписывать должно единственно этому неосторожному посвященію. Позвольте вамъ сказать, что вы опсшупили опшъ обыкновеннаго вашего благо-разумія, вздумавши навѣсшишь Миниспра, попавшагося въ немилосшъ.“—Самъ чувствую свою ошибку; но я принялъ уже другое намѣреніе: я удаюсь въ замокъ Лейву, и проведу тамъ остатокъ дней моихъ въ покоѣ. Одно только сокрушаетъ меня: я долженъ явиться къ гордому Миниспру, который, можетъ быть, сдѣлаетъ мнѣ пріемъ не очень ласковой. Какое униженіе для

Испанца! Но опмѣнишь эпаго
 ужь не лъзя; и такъ, прежде,
 нежели уступлю необходимо-
 сти, я разсудилъ перегово-
 рить съ шобою — „Не являй-
 шесь, сударь, къ Министру,
 пока я не узнаю, въ чемъ васъ
 обвиняющъ; можетъ бытъ, ва-
 шей бѣдѣ еще и помочь удаст-
 ся. Какъ бы то ни было, по-
 звольте мнѣ употребить къ
 оправданію вашему всѣ спо-
 собы, какихъ благодарность
 и дружба ошъ меня пребу-
 ютъ.“ При сихъ словахъ я
 оставилъ его, обнадеживъ,
 что не замедлю съ нимъ у-
 видѣться.

Такъ какъ послѣ двухъ кра-
 снорѣчивыхъ докладовъ, о ко-

порыхъ упомянуто выше, я не вмѣшивался болѣе въ дѣла Государственныя, но и пошелъ къ Карnero, узнать, точно ли отпрѣшили Дона Альфонса отъ должностей. Онъ отвѣчалъ, что это вѣрно, только причина ему неизвестна. Тогда я рѣшился обратиться къ самому Министру, чтобы изъ собственныхъ устъ его услышать, чѣмъ провинился сынъ Дона Цезаря.

Этотъ непріятный случай такъ поразилъ меня, что я не имѣлъ нужды припворяться печальнымъ въ глазахъ Графа-Герцога. „Что съ тобой случилось, Саншиллана?—спросилъ онъ, увидя меня. На ли-

цѣ твоемъ примѣтна горестъ;
у тебя даже наворачиваются
слезы. Что это значишь? Не
обидѣлъ ли кто тебя? Скажи
мнѣ: виновный потчасъ бу-
дешь наказанъ.“—Ваша Свѣш-
лосъ, (опвѣчалъ я со слеза-
ми) хошя бы я и желалъ
скрыть ошъ васъ горестъ
мою, но не могу: я въ опча-
яніи. Мнѣ сказано, что Донъ
Альфонсъ де Лейва уже не
Губернашоромъ Валенціи; для
меня не можешъ бышь ничего
прискорбнѣ этой новоспи.—
„Что ты говоришь, Жилблазъ?
подхвалилъ удивленный Ми-
ниспръ. Какое тебѣ дѣло до
эшаго Дона Альфонса и его
Губернашорства?“ Тупъ я по-

дробно описалъ ему всѣ благодѣянiя , оказанныя мнѣ господами Лейвами и объяснилъ, какимъ образомъ выпросилъ у Герцога Лермы для сына Дона Цезаря Губернапорство, о которомъ идеть дѣло.

Его Свѣшлость, выслушавъ меня до конца съ милоспивымъ вниманiемъ, сказалъ мнѣ: „Опри слезы , другъ мой ; я не зналъ того , что теперь ошъ тебя слышу , и признаюсь, почишалъ Дона Альфонса приверженцемъ Кардинала Лермы. Предстаеь себя на моемъ мѣстѣ : не показалось ли бы тебѣ подозрительнымъ посѣщенiе , которое сдѣлалъ онъ Преосвященному ? Одна-

кожь я охотно вѣрю, что
 какъ Альфонсъ опредѣленъ въ
 Губернашоры бывшимъ Ми-
 нисшромъ, то и поступокъ
 его можешъ бышь слѣдстві-
 емъ одной только благодар-
 носши. Жалѣю, что смѣнилъ
 человекъ, кошорый тебѣ обя-
 занъ своимъ мѣстомъ; но,
 испортивъ швое дѣло, могу
 его и поправить. Я даже хо-
 чу сдѣлать для тебя болѣе,
 нежели Герцогъ Лерма. Другъ
 швой, Донъ Альфонсъ, былъ
 только Губернашоромъ города
 Валенціи, а я сдѣлаю его Ви-
 цероемъ Королевства Арраго-
 нии. Позволяю тебѣ объ этомъ
 его увѣдомишь, съ шѣмъ, что-
 бы онъ пріѣхалъ сюда для
 присяги.“

Услышавъ слова сіи, я перешелъ отъ чрезмѣрной печали къ чрезмѣрной радости, которая совершенно помрачила мой разумъ. Я благодарилъ Министра въ самыхъ несвязныхъ выраженіяхъ; что однако было ему не прошивно; а когда онъ узналъ, что Донъ Альфонсъ находится въ Мадридѣ, то приказалъ мнѣ предсказать его къ себѣ въ тотъ же самый день. Я побѣждалъ къ сыну Дона Цезаря, и объявивъ ему о новомъ званіи, изумилъ его до крайности. Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить словамъ моимъ: никакъ не могъ предсказать себѣ, чтобъ Министръ, сколько ни

любилъ меня, спалъ разда-
вашь Вицеройства изъ одной
ко мнѣ привязанности. Я при-
велъ его къ Графу-Герцогу,
кошорый принялъ его очень
учтиво, и сказалъ: „Донъ Аль-
фонсъ, вы такъ хорошо ис-
правляли должность Губерна-
тора Валенціи, что Король,
признавая васъ достойнымъ
важнѣйшаго мѣста, пожало-
валъ васъ Вицероемъ Арра-
гонскимъ. Впрочемъ, приба-
вилъ онъ, эша степень не пре-
вышаетъ породы вашей, и
дворянство Аррагоніи не бу-
детъ имѣть ни малѣйшаго
права ропшать на такой вы-
боръ.“

Его Свѣшлосшь не упомянуль обо мнѣ ни слова, и публикѣ не извѣстно было участие, какое имѣлъ я въ этомъ дѣлѣ; что самое избавило Дона Альфонса и Министра отъ дурныхъ полковъ, которые могли бы распространишь на счетъ Вицeroя моего рукодѣля.

Лишь только сынъ Дона Цезаря удостовѣрился въ своемъ опредѣленіи, то и послалъ нарочнаго въ Валенцію, извѣстишь о томъ своего отца и Серафину, которые немедленно пріѣхали въ Мадридъ. Они прежде всего поспѣшили ко мнѣ, чтобы осыпашъ меня благодарностями. Какое про-

гашельное и лесшное для меня зрѣлище! Три особы, любезнѣйшія моему сердцу, непрерывно обнимали меня. Чувствуя цѣну усердія и дружбы моей, равно какъ и степень чести, которую званіе Вицероя доставляло ихъ дому, они не могли положитьсь предѣловъ изъявленію своей признашельности; говорили со мной, какъ будто съ равнымъ, и думали, что все еще мало меня обласкали. Но, пропустивъ излишнія обстоятельства, скажу только, что Донъ Альфонсъ, опблагодаривъ Короля и Министра, и присягнувъ по обыкновенію, оп-

правился изъ Мадриша съ
своею фамиліею на жишье въ
Сарагоссу. Онъ имѣлъ въѣздъ
самый великолѣпный, какой
только можно вообразить, и
Аррагонцы радостными вос-
клищаніями своими показали,
что я далъ имъ Вицероя по
сердцу.

ГЛАВА XIII.

Жилблазъ встрѣчается во
Дворцѣ съ Дономъ Гасто-
номъ де Коголлосомиъ и
Дономъ Андреемиъ Торде-
зилласомиъ. Куда они по-
шли всѣ трое. Конецъ ис-
торіи Дона Гастона и
Донны Елены де Гали-
стео. Какую услугу ока-
залъ Сантиллана Торде-
зилласу.

Я былъ внѣ себя отъ удо-
вольствія, что успѣлъ шакъ
удачно перекрестить опрѣ-
шеннаго Губернашора въ Ви-
церои. Радость самихъ господъ
Лейвовъ была умѣреннѣе моей.
Вскорѣ представился мнѣ дру-

гой случай употребить довѣ-
ренность мою въ пользу еще
одного пріятеля. Надобно раз-
сказать объ этомъ, дабы чи-
татели мои увидѣли, что я
уже не шопъ Жилбазъ, ко-
торый продавалъ чины и мѣ-
ста при прежнемъ Министрѣ.

Однажды, въ передней у
Короля, случилось мнѣ разго-
варивать съ придворными го-
сподами, которые, зная, что
я пользуюсь опмѣнною мило-
стію перваго Министра, удо-
стоивали меня дружескаго об-
хожденія. Я замѣшилъ въ
толпѣ Дона Гаспона де Ко-
голоса, того Государствен-
наго арестанта, котораго о-
сѣпавилъ въ Сеговской крѣ-

поспи. Онъ стоялъ вмѣстѣ съ Комендантомъ Дономъ Андреемъ Тордесилласомъ. Оставивъ свою компанію, я подошелъ къ нимъ. Встрѣча наша въ такомъ мѣстѣ и меня и ихъ равно удивила. Мы обнялись съ взаимною нѣжностью. Потомъ Донъ Гаспонъ сказалъ мнѣ: „Господинъ Саншиллана, мнѣ и Тордесилласу нужно о многомъ поговорить съ вами; а мѣсто здѣсь къ тому не удобно. Позвольте васъ отсюда вызвать.“ Я согласился, и мы, пробравшись сквозь толпу, вышли изъ Дворца. Кареша Дона Гаспона дожидалась на улицѣ; мы сѣли въ нее всѣ

шрое, и поѣхали на торговую
площадь; тамъ жилъ Когол-
лосъ въ прекрасномъ домѣ.

„Господинъ Жилблазъ, ска-
залъ мнѣ Донъ Андре, когда
вошли мы въ великолѣпную
залу, мнѣ помнишся, что,
при опѣздѣ вашемъ изъ Се-
говіи, вы ненавидѣли Дворъ,
и рѣшились вовсе его оспа-
вишь.“ — Точно, это было мое
намѣреніе, опвѣчалъ я; и по-
ка здравствовалъ покойный
Король, я не перемѣнялъ об-
раза моихъ мыслей; но когда
дошелъ до меня слухъ, что
Принцъ, сынъ его, вступилъ
на престолъ, то захопѣлось
мнѣ испытать, узнаетъ ли
меня новый Монархъ. Онъ

узналъ меня, и удостоилъ милосшиваго приѣма; самъ поручилъ меня первому Миниспру, кошорому я понравился, и мнѣ теперь гораздо лучше, нежели было при Герцогѣ Лермѣ. Вошъ, Донъ Андре, что случилось со мною съ шѣхъ поръ, какъ мы разстались. Скажите теперь, вы все еще Коменданпомъ Сеговской крѣпости?—, Нѣтъ, опвѣчалъ онъ; Графъ - Герцогъ опредѣлилъ другаго на мое мѣсто, вѣроятно почиая меня совершенно преданнымъ своему предшественнику.“—А я, подхватилъ Донъ Гаспонъ, освобожденіемъ своимъ обязанъ совсемъ прошивному: коль

скоро первый Министръ узналъ, что я содержусь въ шюрьмѣ по приказанію Герцога Лермы, то и велѣлъ меня выпустить. Теперь надобно, господинъ Жилблазъ, рассказать вамъ приключенія мои по выходѣ изъ крѣпости.—

—Послѣ изъявленія Дону Андре благодарности за его обо мнѣ попеченія, первымъ моимъ дѣломъ было отправиться въ Мадридъ и явиться къ Графу-Герцогу Оливарецу. „Не опасайтесь, сказалъ онъ мнѣ, чтобъ опъ случившагося съ вами несчастія поспрадала честь ваша. Вы совершенно оправданы, и я шѣмъ болѣе увѣренъ въ вашей не-

винности, что Маркизь Виллареаль не имѣлъ никакихъ худыхъ умысловъ, слѣдовательно и васъ почли его сообщникомъ понапрасну. Хоша онъ Поршугалецъ, и даже родственникъ Герцогу Браганцкому, но привержень къ нему менѣе, чѣмъ къ нашему Королю. И такъ связь вашу съ эшимъ Маркизомъ не должно было вмѣнять вамъ въ преступленіе; и чшобъ-загладить оказанную вамъ несправедливость обвиненіемъ въ измѣнѣ, Король жалуетъ васъ Поручикомъ своей Гвардіи.“ Я съ радостью принялъ это мѣсто, прося Его Свѣшлость позволишь мнѣ, до вступленія въ

должность, съѣздитъ въ Корію, повидаться съ Донною Еленорою Лаксариллою, моею шешкою. Министръ уволилъ меня на мѣсяцъ, и я отправился въ путь съ однимъ только слугою.—

—Мы проѣхали уже Колменаръ, и находились на дорогѣ, лежащей между двумя горами, какъ увидѣли кавалера, который мужественно защищался прошивъ прехъ человекъ, вмѣстѣ на него нападавшихъ. Я въ минушу поскакалъ къ нему на помощь. Во время сраженія замѣтилъ я, что непріятели наши были въ маскахъ, и что мы имѣли дѣло съ искусными

бойцами. Однакожь, не смотря на силу ихъ и ловкость, мы оспались побѣдителями; я прокололъ одного; онъ упалъ съ лошади; а другіе двое пошчасъ убѣжали. Правду сказать, побѣда намъ почти столь же дорого стоила, какъ и тому несчастному, копорого я убилъ: мы оба съ незнакомымъ кавалеромъ были опасно ранены. Но представьте себѣ мое удивленіе, когда я узналъ въ немъ Комбадоса, мужа Донны Елены. Онъ не меньше удивился, увидѣвъ, что я былъ его защитникомъ. „Ахъ! Донъ Гаспонъ, вскричалъ онъ, это вы? Защищая меня такъ великодушно, вы

не знали, что споите за человека, похитившаго у васъ невѣсту.“— Не зналъ точно, опивчалъ я; но не ужъ ли вы думаете, что и въ прошивномъ случаѣ не рѣшился бы то же самое сдѣлать? Не ужъ ли предполагаете во мнѣ такую низкую душу?—,,Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ онъ: я всегда имѣлъ объ васъ хорошее мнѣніе; и если умру отъ ранъ моихъ, то желаю, чтобы ваши раны не помѣшали вамъ воспользоваться моею смертію.“— Комбадось, сказалъ я, хотя я и не позабылъ еще Донны Елены, но не хочу владѣть ею на счетъ вашей жизни; радуюсь даже, что по-

могъ вамъ избавишья опъ
убійцъ: я сдѣлалъ угодное ва-
шей супругѣ.—

—Въ продолженіе нашего раз-
говора, слуга мой слѣзъ съ
лошади, подошелъ къ кавале-
ру, поверженному на землю,
снялъ съ него маску, и оп-
крылъ намъ черпы лица, ко-
порыя пошчасъ узналъ Ком-
бадось. „Эшо Капрара! вскри-
чалъ онъ, вѣроломный род-
сшвенникъ, копорый съ до-
сады, чшо по несправедливой
тяжбѣ со мною не получилъ
богашаго наслѣдсшва, давно
уже замышлялъ лишишь меня
жизни, и наконецъ выбралъ
нынѣшній день для исполне-
нія своего намѣренія; но Небу

угодно , чтобъ онъ остался
жертвою собственнаго умы-
сла.“—

—Между тѣмъ кровь текла
изъ нашихъ ранъ, и мы осла-
бѣвали очевидно. Однакожь
у насъ осталось еще столько
силы , чтобъ добраться до
мѣстечка Вилларео , остано-
вившаго не далѣе, какъ на два
ружейныхъ выстрѣла. Оста-
новившись въ первомъ прак-
тирѣ , мы послали за лѣка-
ремъ. Къ намъ привели са-
маго искуснаго , по словамъ
тамошнихъ жителей. Онъ о-
смотрѣлъ раны , нашелъ ихъ
весьма опасными и перевя-
залъ; а на другой день снявъ
перевязки, объявилъ намъ, что

раны Комбадоса были смер-
тельными ; о моихъ же судилъ
лучше, и не обманулся.—

—Комбадосъ, услышавъ при-
говоръ свой, началъ гото-
виться къ смерти. Оспра-
вилъ нарочнаго къ женѣ своей
съ извѣстіемъ обо всемъ слу-
чившемся и о состояніи, въ
какомъ онъ находился. Донна
Елена немедленно пріѣхала въ
Вилларео, будучи въ край-
немъ безпокойствѣ по двумъ
различнымъ причинамъ : она
сстрашилась потерять супру-
га, и боялась, при свиданіи
со мною, возобновленія любви,
которая еще не совсемъ по-
гасла. Это производило въ
ней сильное волненіе. „Милая

моя, (сказалъ ей Донъ Блазъ, когда она вошла въ комнату) ты пріѣхала въ пору; списись со мною: я умираю, и почишаю смерть небеснымъ наказаніемъ за то, что опьялялъ тебя у Дома Гаспона; прошу тебя отдатьъ ему сердце, которое я у него похитилъ.“ Донна Елена отвѣчала ему однѣми слезами; и это было лучшимъ со стороны ея отвѣтомъ; ибо остатокъ прежней склонности напоминать ей о той хитрости, посредствомъ которой онъ заставилъ ее нарушить ко мнѣ вѣрность.—

—Предсказаніе лѣкаря сбылось: чрезъ три дни Комба-

досѣ умерѣ опѣ ранѣ своихъ;
а мои обѣщали скорое выздо-
ровленіе. Молодая вдова, за-
нята будучи единственнѣо пре-
провожденіемъ въ Корію тѣла
супруга своего, чѣобѣ опѣдѣ
тамѣ послѣднюю чѣстѣ его
праху, уѣхала изѣ Вилларео,
навѣдавшись, какѣ будѣо изѣ
одного учѣившѣа, о моемѣ
положеніи. Коль скоро я могѣ
за нею слѣдоваѣ, то и опѣ-
правился въ Корію, гдѣ уже
совсемѣ выздоровѣлъ. Тогда
пѣшка моя и Донѣ Георгѣ де
Галиспео рѣшились немедлѣн-
но сочѣпѣтѣ меня бракомѣ съ
Еленою, опасаясь, чѣобѣ ка-
кой нибудѣ новый несчастный
случай не разлучилѣ насѣ.

Свадьба наша происходила безъ всякой пышности, по причинѣ недавней смерти Дона Блаза; и спустя нѣсколь-ко дней, я возвратился съ Еленою въ Мадридъ. Пробывъ въ отпуску долѣе назначеннаго времени, я боялся, чшобъ Министръ обѣщаннаго мнѣ мѣста не отдалъ другому; но онъ эшаго не сдѣлалъ, и милоспиво принялъ извиненіе въ моей просрочкѣ.—

—И такъ, продолжалъ Коголось, я теперь Поручикъ Испанской Гвардіи, и весьма доволенъ своимъ положеніемъ. Пріобрѣлъ себѣ хорошихъ пріятелей, съ копорыми живу въ полномъ удовольствіи.— „Же-

лалъ бы и я сказать то же, подхвашилъ Донъ Андре; но участь моя совсемъ не шакова: я лишился мѣста, которое было для меня очень выгодно, и не знаю, чрезъ кого бы опять опредѣлиться въ службу.“—Извините, Донъ Андре, прервалъ я: вы имѣете во мнѣ друга, который вамъ къ чему нибудь годится. Я уже сказалъ вамъ, что Графъ-Герцогъ любитъ меня болѣе, нежели сколько любилъ Герцогъ Лерма, а вы еще жалуетесь, что некому за васъ постараться! Развѣ я не оказалъ уже вамъ подобной услуги? Помните, что по ходатайству Архіепископа Гре-

надежаго, единственнo для меня, вы назначены были въ Мексику къ такой должности, при которой составили бы свое счастіе, если бы любовь не удержала васъ въ Аликаншѣ. Теперь же, когда первый Министръ ни въ чемъ мнѣ не отказываетъ, я еще больше въ состояніи услужить вамъ.— „И шакъ поручаю себя вашей дружбѣ, оповѣчалъ Тордесилласъ; но прошу васъ, (примолвилъ онъ улыбнувшись) не посылайте меня въ Новую Испанію: я ни за что не соглашусь туда ѣхать, хошь бы сдѣлали меня Президентомъ верховнаго суда въ Мексиѣ.“

Разговоръ нашъ прерванъ
 былъ приходомъ Донны Еле-
 ны. Прелестный видъ ея под-
 твердилъ то понятіе, какое
 соспавилъ я объ ней прежде.
 „Рекомендую тебѣ, моя ми-
 лая, сказаь ей Коголлось,
 господина Саншиллану, о ко-
 торомъ я иногда съ побою
 говаривалъ, и который лю-
 безнымъ своимъ сообществомъ
 разгонялъ часто скуку мою
 въ заключеніи.“— Сударыня,
 подхвашилъ я, бесѣда моя
 нравилась супругу вашему по-
 тому только, что предме-
 томъ ея были всегда вы.—
 Дочь / Дона Георга отвѣчала
 на комплиментъ мой со всею
 скромностію. Послѣ того про-

спился я съ счастливыми
супругами, увѣряя ихъ, какъ
я радъ, что наконецъ долго-
временная любовь ихъ увѣн-
чана бракомъ. Потомъ обра-
щаясь къ Тордезилласу, про-
силъ его располковать мнѣ,
гдѣ онъ живешъ. Когда онъ
исполнилъ это, я сказалъ ему:
„Не прощаюсь съ вами, Донъ
Андре: вы увидите черезъ
недѣлю, что не только хочу,
но и могу помочь вамъ.“

Я сдержалъ свое слово. На
другой же день Графъ-Герцогъ
подалъ мнѣ случай услужить
Коменданшу. „Саншиллана,
сказалъ мнѣ Его Свѣшлость,
въ Валладолидѣ открылась ва-
кансія главнаго надзирашеля

надъ Королевскими шюрма-
ми ; эшо мѣсто приносишь
болѣе прехъ сошь писполей
ежегоднаго доходу. Меѣ взду-
малось дать его тебѣ.“—Ми-
лоспивѣйшій Государь , оп-
вѣчалъ я , хопя бы оно при-
носило и десяшь тысячь , я
и тогда бы его не принялъ.
Я опказываюсь опъ всѣхъ
мѣспъ , съ копорыми сопря-
жено удаленіе опъ Вашей
Свѣшлоспи.—„Но , возразилъ
Миниспръ , ты можешь легко
заняшь эшо мѣсто, оспаваясь
при мнѣ : иногда только бу-
дешъ ѣздишь въ Валладолидъ
осматриваешь тамошнія шем-
ницы.“—Какъ угодно Вашей
Свѣшлоспи; но я не могу при-

нятъ на себя эпой должно-
сти иначе, какъ развѣ съ
условіемъ, чшобы мнѣ позво-
лено было передать ее одному
честному дворянину, именно,
Дону Андре Тордезилласу, ко-
торый былъ недавно Комен-
дантомъ Сеговской крѣпости.
Я желалъ бы изъяснить ему
шѣмъ благодарность мою за
великодушныя его со мною
посшупки во время моего за-
ключенія.—

Слова мои разсмѣшили Ми-
нистра. „Видно, Жилбазъ,
сказалъ онъ мнѣ, ты хочешь
сдѣлать главнаго надзираше-
ля надъ Королевскими шем-
ницами также, какъ сдѣлалъ
уже одного Вицероя. Изволь:

пусть будетъ по своему; но
 скажи мнѣ откровенно, ка-
 кая тебѣ отъ этого выгода:
 я не почишаю тебя такимъ
 проспьякомъ, который спалъ
 бы даромъ за другихъ спа-
 раться. — Да развѣ не долж-
 но плашишь долговъ? отъ-
 чалъ я. Когда Донъ Андре о-
 казывалъ мнѣ всѣ возможные
 удовольствія безъ всякой ко-
 рысти, то не обязанъ ли и
 я воздашь ему тѣмъ же? —
 „Ты сдѣлался очень безкоры-
 спенъ, господинъ Саншиллана;
 мнѣ кажется, ты не былъ
 таковъ при прежнемъ Мини-
 стрѣ.“ — Не запираюсь въ
 этомъ; худой примѣръ испор-
 тилъ мою нравственность:

тогда все было продажное, и я сообразовался съ обыкновениемъ; нынче все дается даромъ, и я обратился къ безкорыстію.—

И такъ по моему ходатайству поручено Дону Андре Тордесилласу управленіе Королевскими темницами въ Валладолидъ, и я скоро опустилъ его труда сколько же довольнымъ новою должностію, сколько я доволенъ былъ тѣмъ, что заплашилъ ему за оказанныя мнѣ одолженія.

ГЛАВА XIV.

Сантиллана посѣщаетъ
Стихотворца Нуннеца.
Какихъ гостей у него
находитъ; о гелѣ они
разсуждали.

Однажды послѣ обѣда вздумалось мнѣ посѣшить Аспурійскаго поэта, чѣобы узнать, каково онъ проживаетъ. Я пришелъ въ домъ Дона Бертранда Гомеца дель Риберо, и спросилъ Нуннеца. „Его уже нѣтъ здѣсь, отвѣчалъ слуга, стоявшій у воротъ; онъ перебрался вошь сюда, (примолвилъ онъ, указывая на сосѣдній домъ) и занимаетъ

часть заднихъ покоевъ.“ Че-
резъ маленькой дворъ вошелъ
я въ кварширу друга моего,
Фабриція, и засталъ его еще
за столомъ съ пятью или
шестью изъ его собратій,
кошорыхъ онъ угощалъ.

Они были при концѣ обѣ-
да, и слѣдовательно уже силь-
но спорили; но лишь только
увидѣли меня, то и прекра-
тили шумной свой разговоръ.
Нуннецъ вспалъ съ поспѣш-
ностію принять меня, и
вскричалъ: „Друзья мои, вотъ
господинъ Саншиллана, кошо-
рый удостоилъ меня своимъ
посѣщеніемъ; воздайте вмѣ-
стѣ со мною должную честь
любимцу перваго Министра!“

При сихъ словахъ всѣ госпи
вскочили, поклонились и, въ
уваженіе даннаго мнѣ пишла,
осыпали меня учтивостями.
Хошя мнѣ ни пишь, ни ѣсть
не хошѣлось, но я не могъ
отговориться, чшобъ не сѣсть
за столъ вмѣстѣ съ ними и
не поблагодарить ихъ рюм-
кою вина, когда они выпили
за мое здоровье.

Однакожь мнѣ показалось,
что присущствіе мое мѣ-
шаетъ имъ свободно бесѣдо-
вать, и я сказалъ имъ: „Го-
спода, если я здѣсь не лиш-
ній, то сдѣлайте одолженіе
продолжайте вашъ разговоръ,
или я васъ оставлю.“—Госпи
мои, освѣчалъ Фабрицій, раз-

суждали о Еврипидовой *Ифигеніи*. Баккалавръ Мельхіоръ де Виллегасъ, ученѣйшій мужъ нашего времени, спрашивалъ у Дона Гіацинша де Ромарашъ, что ему больше нравится въ этой трагедіи.— „Точно такъ, подтвердилъ Донъ Гіациншъ, и я объявилъ ему мое мнѣніе, что опасность, въ которой находилась Ифигенія, болѣе всего меня поражаетъ.“—А я (подхвалилъ Баккалавръ) возражалъ, и говоривъ доказавъ, что опинюдь не это составляетъ истинное достоинство трагедіи.— „Чтожь такое?“— вскричалъ старый Лиценціашъ Габріэль де Леонъ.— Въперъ, единственно въперъ!— отвечалъ Баккалавръ.

Всѣ гости захохотали при семъ отвѣшѣ, который и я почелъ шушкою, воображая, что Мельхіоръ хопѣлъ только позабавишь имъ собесѣдниковъ. Но я не зналъ еще эшаго ученаго мужа: онъ совсемъ не расположенъ былъ шутишь. „Смѣйшесь, господа, сколько угодно, сказалъ онъ съ хладнокровіемъ; а я утверждаю, что одинъ вѣшеръ долженъ занимать, поражать и прогнать зришелей. Представьте себѣ, продолжалъ онъ, многочисленную армію, которая собралась осаждать Трою; вообразише сильное неперпѣніе Полководцевъ и воиновъ окончивъ свое предпріятіе,

чшобъ возвратишся скорѣе
 въ Грецію, гдѣ оставили все
 драгоцѣнное для нихъ въ свѣ-
 тѣ: домашнихъ боговъ, женъ,
 дѣшей; между тѣмъ прошив-
 ный вѣтеръ удерживаетъ ихъ
 въ Авлидѣ, какъ будто при-
 кованными къ пристани; и
 если не переменится, то имъ
 не льзя идти осаждаютъ Пріа-
 мова града. Слѣдовательно
 вѣтеръ составляетъ главный
 интересъ этой трагедіи. Я
 беру сторону Грековъ, раз-
 дѣляю съ ними предпріятіе;
 желаю только отплытія фло-
 та ихъ, и смотрю хладно-
 кровно на опасность Ифигеніи:
 смерть ея есть средство ис-
 просить у Боговъ благопрі-
 ятный вѣтеръ.“

Лишь только Виллегасъ окончилъ свои доказательства, какъ опять поднялся на счепъ его хохотъ. Нуннецъ нарочно поддерживалъ его мнѣніе, чѣмъ подавъ поводъ еще къ бóльшимъ насмѣшкамъ; шутъ посыпались самыя злѣйшія шушки касательно въпра. Но Баккалаеръ, посматривая на всѣхъ съ холоднымъ и гордымъ видомъ, называлъ ихъ невѣждами и людьми обыкновенными. Я ожидалъ каждую минушу, что господа ученые, разгорячась, вцѣпляясь другъ другу въ волосы: это обыкновенный конецъ подобныхъ преній; однакожь я обманулся въ своемъ ожиданіи: они удо-

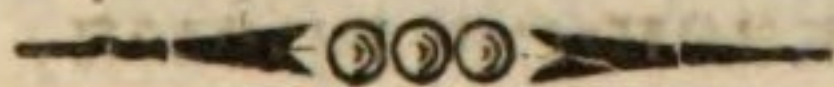

вольсшествовались взаимными ругательствами, и разошлись, выпивъ и покушавъ очень исправно.

По выходѣ ихъ, спросилъ я Фабриція, для чего не живешь онъ болѣе у своего Инпенданша, и не поссорились ли они между собою. „Поссорились! — оповѣчалъ онъ — избави Боже! Мы съ нимъ теперь еще дружнѣе прежняго. Онъ позволилъ мнѣ жить особливо; почему и нанялъ я эшу кварширу, чшобъ принимаешь здѣсь моихъ пріятелей и веселишься съ ними на свободѣ. Ты знаешь, я не намѣренъ оставишь большаго имѣнія наслѣдникамъ; а что всего

для меня лучше, я теперь въ
 соспоянїи дѣлать каждый день
 пирушки.“—Сердечно радуюсь,
 любезный Нуннецъ, (сказаль я)
 и вшорично поздравляю шебя
 съ успѣхомъ послѣдней швоей
 прагедїи. Восемъ сотъ дра-
 машическихъ шворенїй вели-
 каго Лопеца не принесли ему
 и чепівершой доли шого, что
 доспавиль шебѣ Графѣ де
 Салдань.

ЖИЛБЛАЗЪ
ДЕ
САНТИЛЛАНА.

~~~~~
КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

*Жилблазъ посланъ въ То-
ледо. Призана и успѣхъ
его побѣдки.*

Въ печеніи цѣлаго мѣсяца
Министръ почти ежедневно
говорилъ мнѣ : „Саншилана,
приближается время, когда я
употреблю проворство швое
въ дѣло.“ Долго это время не
приходило; наконецъ настало.
Его Свѣшлостъ изъяснился со
мною въ слѣдующихъ словахъ:

„Сказывають, что въ труппѣ Толедскихъ комедіантовъ есть молодая актриса, талантами которой всѣ восхищаются. Она танцуетъ и поетъ превосходно, а декламациею своею совершенно обворожаетъ зрителей; увѣряють также, что она хороша собою. Такая женщина достойна быть при Дворѣ. Король любитъ комедіи, пѣніе и танцы; начтожь лишашъ его удовольствія видѣть и слышашъ актрису споль рѣдкихъ достоинствъ? Я намѣренъ послашъ себя въ Толедо, чтобъ узнать, почто ли она шакова; буду судить объ ней по впечатлѣнію, какое она

сдѣлаешь на себя, и совершенно полагаюсь на твой вкусъ.“

Я отвѣчалъ Министру, что доставлю ему вѣрное о томъ свѣденіе; пошчасъ приготовился ѣхать; взялъ съ собой одного только слугу, которому велѣлъ скинуть Герцогскую ливрею, чтобы исполнилъ дѣло какъ можно секретнѣе. Это очень понравилось Его Свѣшлости. И такъ я пустился въ путь, и пріѣхавъ въ Толедо, остановился въ пракширѣ близъ замка. Лишь только сошелъ я съ лошади, какъ хозяинъ, конечно принявъ меня за какого нибудь уѣзднаго дворя-

нина , сказалъ мнѣ : „Господинъ кавалеръ, вѣрно вы пріѣхали сюда посмотрѣть священнаго обряда *авто-да фе* *), который совершится завтра.“ Я отвѣчалъ ушвердительно , разсудивъ , что лучше оставишь его въ этой мысли, чѣмъ подашь поводъ къ разспросамъ о пріѣздѣ моемъ въ Толедо. „Вы увидите , прибавилъ онъ , такую прекрасную процессію, какой никогда

*) *Дѣйствіе вѣры* ; такъ назывался торжественный день , который Инквизиція назначала для казни ерешиковъ , или для разрѣшенія обвиненныхъ, признанныхъ невинными.

не бывало : естъ , говоряшъ ,
около спа узниковъ , изъ ко-
порыхъ сожгущъ болѣе де-
сяшка.“

И дѣйствительно на дру-
гой день еще до восхожденія
солнца, услышалъ я колоколь-
ной звонъ по всему городу ;
симъ извѣщался народъ, что
авто - да фе скоро начнется.
Любопытствуя видѣть празд-
никъ , я пошчасъ одѣлся и
пошелъ къ дому Инквизиціи.
Близъ него и вдоль по ули-
цамъ, гдѣ надлежало прохо-
дишь церемоніи, подѣланы бы-
ли мѣста для зрительей, и я
занялъ одно , заплативъ нѣ-
сколько мѣлкихъ денегъ. Вско-

рѣ глазамъ моимъ предста-
вилось знамя Инквизиціи; за
нимъ слѣдовали Доминиканцы,
и непосредственно потомъ
жалкія жершвы, которыя Свя-
тымъ Судомъ обречены въ
этомъ день на закланіе. Сіи
несчастные шли, одинъ за
другимъ, и по большой части
съ непокрытою головою и бо-
сыми ногами, каждый держа
въ рукѣ свѣчу и имѣя подлѣ
себя крестнаго отца *). На

*) Крестными отцами назывались
все шѣ, которыхъ Великій Ин-
квизиціоръ избиралъ для сопро-
вожденія узниковъ въ авто-да фе,
и которые обязаны были отвѣ-
чать за нихъ въ случаѣ побѣга.

однихъ были санбенито *); на другихъ карохасы **).

Между тѣмъ, какъ я смогрѣлъ на нихъ очень приспально и съ соспранданіемъ, ко-

*) *Санбенито*, большая эпипрахиль изъ желшой холспины, изпещренная красными крестами Св. Андрея. Тѣ изъ узниковъ, коимъ Инквизиція полагала возвращишь свободу, должны были носишь санбенито, въ ознаменованіе опаснаго образа мыслей или предосудительныхъ нравовъ своихъ.

**) *Карохасы*, высокія изъ карпузной бумаги шапки на подобіе сахарной головы, съ изображеніемъ пламени и дьявольскихъ лицъ. Шапки сіи надѣваемы были на осужденныхъ Инквизиціею.

второе однакожь всячески спарался скрыть, боясь, чѣмъ меня за то не обвинили, мнѣ показалось, будто въ числѣ украшенныхъ карохасами головъ вижу почтеннаго опца Иларія и собрата его Амброзія. Они прошли мимо меня такъ близко, что мнѣ уже не лѣзя было ошибиться. „Что вижу? сказалъ я самъ себѣ. И такъ Небо, наскучивъ терпѣшь долѣе безпущсшва эшихъ двухъ злодѣевъ, доспойно предало ихъ въ руки Инквизиціи!“ Помышляя такимъ образомъ, я былъ объясъ ужасомъ: пришелъ въ такое смущеніе и шрепешъ, что едва было не упалъ въ обморокъ. Связь,

копоруу имѣлъ я съ сими
бездѣльниками, мошенниче-
ство въ Ксельвѣ, словомъ,
все, что мы ни дѣлали вмѣ-
стѣ, предсшавилось вдругъ
уму моему, и я не могъ до-
вольно возблагодарить Бога
за то, что спасъ меня отъ
санбенито и карохаса.

По окончаніи церемоніи,
возвратился я въ пракширъ,
шрепеща всѣми членами отъ
видѣннаго мною ужаснаго зрѣ-
лища; но прискорбныя мечшы,
занимавшія мой разумъ, мало
по малу разсѣялись, и я на-
чалъ думать только о томъ,
какъ бы лучше исполнишь
возложенное на меня поруче-
ніе. Неперпѣливо ожидалъ

времени иди въ театръ,
 разсудивъ, что съ эшаго мнѣ
 и начашь должно. Вошедъ въ
 театръ, я сѣлъ подлѣ одного
 Альканшарскаго Кавалера, съ
 копорымъ скоро завелъ раз-
 говоръ. „Государь мой, ска-
 залъ я, смѣешь ли заѣзжій
 человекъ сдѣлать вамъ одинъ
 вопросъ?“— Удостоите меня
 этой честью, отвѣчалъ онъ.—
 „Мнѣ расхвалили Толедскихъ
 актеровъ. Спѣютъ ли они
 такого отъзыва?“— Въ самомъ
 дѣлѣ труппа ихъ не дурна
 (возразилъ Кавалеръ); есть да-
 же между ними великіе ар-
 тисты: вы увидите прекра-
 сную Лукрецію, актрису лѣтъ
 четырнадцати, копорая уди-

вишъ васъ. Не нужно вамъ ее указывать, когда она выйдетъ на сцену: вы сами легко ее замѣшите.—Я спросилъ Кавалера, будетъ ли она играть сего дня. „Будетъ, отвѣчалъ онъ, и при томъ еще самую блистательную роль.“

Комедія началась. Появились двѣ актрисы, которыя не пожалѣли ничего, что только могло сдѣлать ихъ прелестными; но не смотря на блескъ ихъ брильянтовъ, я ни одной, ни другой, не почелъ за шу, копорой ожидалъ. Наконецъ вышла на сцену Лукреція; продолжительное и всеобщее рукоплесканіе возвѣстило ея выходъ. „Ахъ! вотъ

она!—сказалъ я самъ себѣ. Какая благородная осанка! какая пріятность въ шлодвиженіяхъ! какіе прекрасные глаза! Чпо за предестпная дѣвушка!“ Я любовался, смотря на нее, или лучше ска-
зашь, видѣ ея сдѣлалъ на меня живѣйшее впечатлѣніе. Съ первой ширады стиховъ, которые она продекламировала, я замѣпилъ въ ней непринужденность, пылкость, искусство, превышающія ея лѣша, и рукоплесканія мои охотно соединилъ съ рукоплесканіями всѣхъ вообще зришелей.
„Ну чпо, сказалъ мнѣ Кавалеръ, видите ли, какъ любилъ ее публика?“— Не див-

люсь этому, опивчалъ я.—
 „Вы еще меньше бы подиви-
 лись, когда бы слышали,
 какъ она поетъ: это настоя-
 щая Сирена! Бѣда, кто слу-
 шаетъ ее, не употребивъ пред-
 оссторожности Улиссовой!...
 А посмотрѣли бы вы ея шан-
 цовъ! Маленькія ножки ея
 столь же опасны, какъ и го-
 лось: плѣняющъ глаза и по-
 коряющъ сердце.“— Надобно
 признайся, (вскричалъ я) что
 это чудо! Какой счастливый
 смертный имѣетъ удоволь-
 ствіе разоряясь для такой
 прелесшной дѣвушки?—„У ней
 нѣтъ явнаго любовника, и
 самое злорѣчіе не смѣетъ об-
 винять ее ни въ какой шай-

ной интригѣ. Впрочемъ, можешь спастись и не безъ того; ибо Лукреція живешь подъ надзоромъ пешки своей, Эспеллы, кошорая, по общему признанію, есть самая хитрая между всѣми актрисами.“

При имени Эспеллы, я прервалъ Кавалера вопросомъ, въ числѣ ли Толедскихъ актрисъ эта Эспелла?—„Да, опъчаль онъ, и одна изъ лучшихъ. Она сегодня не играла; жаль, что вы ее не видали: обыкновенно предсавляетъ она горничныхъ, и ролю свою выдерживаетъ удивительнымъ образомъ. Какая живость, какое искусство въ игрѣ ея! Можешь быть, она

ужь слишкомъ спарается ;
но такое излишество про-
спишительно.“ Кавалеръ на ска-
залъ мнѣ чудеса объ Эспеллѣ,
и , по его описанію , я дога-
дывался, что это должна быть
та самая Лаура , о которой
только говорено въ моей
исторіи , и которую оспа-
вилъ я въ Гренадѣ.

Желая въ томъ удостовѣ-
риться, пошелъ я по оконча-
ніи пьесы за кулисы ; спро-
силъ объ Эспеллѣ, и, искавъ
ее повсюду глазами , нашелъ
въ разговорахъ съ какими-то
господами, которые, можетъ
статься , уважали въ ней
только шепку Лукреціи. Я
подошелъ поближе, поклонил-

ся Лауръ; но она, или изъ-
 чванства, или чѣмъ нака-
 зашь меня за поспѣшный опѣ-
 ѣздъ изъ Гренады, пришло-
 рилась, будто не знаешь ме-
 ня, и приняла учтивости
 мои такъ сухо, что я нѣ-
 сколько смущился. Вмеѣсто
 того, чѣмъ посмѣяться хо-
 лодному ея приему, я былъ
 такъ глупъ, что разсердился;
 оставилъ ее съ негодованіемъ,
 и въ гнѣвъ моемъ рѣшился
 на другой же день возвра-
 щаться въ Мадридъ. „Въ
 опмщеніе Лауръ, (говорилъ я
 самъ себѣ) не хочу, чѣмъ
 племянница ея удостоилась
 чести сдѣлаться извѣстною
 Государю, и для того могу

«дѣлашь Министру такое до-
несеніе о Лукреціи, какое мнѣ
будешъ угодно: скажу, что
она танцуетъ плохо; что го-
лосъ ея непріятенъ, что всѣ
ея прелести состоятъ поль-
ко въ молодости; я увѣренъ,
что Его Свѣшлость поше-
ряетъ охоту взять ее ко
Двору.»

Такъ думалъ я опомсшишь
Лауръ; но гнѣвъ мой былъ
непродолжителенъ. На слѣду-
ющій день, когда я готовил-
ся къ ошѣзду, вошелъ въ
мою комнашу мальчикъ и ска-
залъ: „Это писмецо прика-
зано мнѣ вручить господину
Саншилланъ.“—Я Саншиллана,
мой другъ,—опвѣчалъ я, взявъ

у него записку, кошорая со-
держала слѣдующее: „Забудь-
те, какъ вы были приняты
вчера въ театръ, и подите
смѣло, куда поведетъ васъ
подашеть сей записки.“ Я
топчасъ пошелъ съ мальчи-
комъ, кошорый привелъ меня
въ прекрасный домъ близъ
театра; тамъ, въ одномъ изъ
богато убранныхъ покоевъ,
нашелъ я Лауру за шуале-
помъ.

Она вспала, обняла меня и
сказала: „Я знаю, господинъ
Жилблазъ, что вы должны
быть недовольны вчерашнимъ
моимъ пріемомъ; такой спа-
ринный пріятель, какъ вы,
имѣлъ право ожидать опъ

меня лучшей встрѣчи; но, въ извиненіе мое, скажу вамъ, что я была тогда въ крайнемъ огорченіи. Когда вы подошли ко мнѣ, одинъ изъ нашихъ господъ говорилъ оскорбительныя слова на честь моей племянницы, честь которой для меня дороже моей собственной. Вашъ скорый уходъ, прибавила она, пошчасъ заспавилъ меня примѣшью мое разсѣянiе, и я тогда же послала за вами мальчика, чтобъ узнать, гдѣ вы живете, въ намѣреніи нынѣшній день загладишь мой просупокъ.“— Онъ уже заглаженъ, милая Лаура, отвѣчалъ я; полно говоришь объ этомъ;

расскажем лучше другъ дру-
 гу, что случилось съ нами
 послѣ того несчастнаго дня,
 когда страхъ справедливаго
 наказанія выгналъ меня съ
 такою поспѣшностію изъ Гре-
 нады. Я оставилъ себя, если
 помнишь, въ великомъ замѣ-
 шательствѣ. Какъ ты изъ
 него выпуталась? Не правда
 ли, что тебѣ нужно было все
 свое проворство, чтобъ успо-
 коить Португальскаго своего
 любовника?—, Напрошивъ, воз-
 разила Лаура, это мнѣ почти
 ничего не стоило; развѣ не
 знаете вы, что въ подобномъ
 случаѣ мужчины бывають такъ
 слабы, что избавляють насъ
 даже отъ труда оправдывать-

„Предъ Маркизомъ де Маріальвою (продолжала она) я твердо стояла на томъ, что ты мнѣ братъ.... Прости же, господинъ Саншилана, если говорю съ вами такъ просто, какъ и прежде: не могу отсшасть отъ старыхъ привычекъ. И такъ скажу тебѣ, что я отдѣлалась безсмыслвномъ.— Не ужь ли вы не видите, сказала я Португальцу, что все это есть слѣдствіе ревности и мщенія? Нарцисса, подруга моя и соперница, видя меня спокойною обладательницею сердца, котораго получилъ ей самой не удалось, отъ зависти сыграла со мной эту шутку.

Она подкупила театральнаго служишеля, который безстыднымъ образомъ разнесъ слухъ, будто знавалъ меня въ Мадридѣ горничною Арсеніи. Какая ложь! Вдова Дона Антонио Коелло могла ли когданибудь унизиться до того, чѣмъ идти въ услуженіе къ театральной дѣвкѣ? Впрочемъ, несправедливостъ такого показанія и заговоръ моихъ обвинишелей доказывающся внезапнымъ удаленіемъ моего брата; если бы онъ былъ здѣсь, то могъ бы обнаружить клевету ихъ; но Нарцисса, безъ сомнѣнія, употребила какуюнибудь новую хитростъ вдругъ выжишь его отсюда.;

„Хошя эши доводы не совсемъ служили къ моему оправданію, однакожь Маркизь, по милосши своей, ими удовольсьшвовался, и продолжалъ любить меня до самаго того дня, когда надобно ему было опсправившись обратно въ Португаллію. Правда, опъѣздъ его послѣдовалъ вскорѣ за швоимъ, и жена Цапашы имѣла удовольсьшвіе видѣшь, что я пошеряла любовника, кошораго она не могла у меня похишишь. Послѣ того я пробыла еще нѣсколько лѣтъ въ Гренадѣ; когда же сдѣлался раздоръ въ нашей шруппѣ (что иногда между нами случается), то всѣ актеры ра-

зошлись: одни уѣхали въ Севиллу, другіе въ Кордую, а я отправилась въ Толедо, гдѣ ужедесять лѣтъ живу съ своею племянницею, которую ты вчера видѣлъ въ театрѣ.“

При сихъ словахъ я не могъ удержа²⁰ться отъ смѣху. Лаура спросила о причинѣ. „Не ужь ли ты не догадываешься? сказалъ я. У тебя не было ни брата, ни сестры: слѣдовательно ты не можешь быть пешкой Лукреціи. Кроме того, когда соображаю время, которое пропекло съ послѣдней нашей разлуки, съ лѣтами швоей племянницы, то мнѣ кажется, что вы еще ближайшія между собою родственницы.“—

—Я васъ разумѣю, господинъ Жилблазъ, ошвѣчала вдова Дона Антонио, немного покраснѣвши. Какъ вы хорошо разсчитываете время! Васъ не обманешь. И такъ признаюсь тебѣ, другъ мой, Лукреція дочь Маркиза де Маріальвы и моя: она плодъ любви нашей.—,Напрасно, сударыня, (вскричалъ я) вы сполько затруднялись объявить мнѣ эту тайну, когда уже давно сдѣлали меня повѣреннымъ любовныхъ связей своихъ съ Экономомъ рабочаго дома въ Заморѣ! Скажу вамъ еще, (продолжалъ я) Лукреція имѣешь такія опличныя достоинства, что публика не

можешъ довольно возблагодаришь васъ за подарокъ , который вы сдѣлали ей своею дочерью. Желательно , чшобъ всѣ ваши подруги заслуживали не меньшую благодарность.“

Если насмѣшливый чишатель, вспомнивъ здѣсь о тайныхъ сношеніяхъ моихъ съ Лаурою въ Гренадѣ , когда я былъ Секретаремъ у Маркиза де Маріальвы , вздумаетъ подозрѣвать меня , что могу оспаривать у эшаго господина честь быть опцемъ Лукреціи , то, къ стыду моему, долженъ я увѣришь, что такое подозрѣніе весьма несправедливо.

Я, въ свою очередь, увѣдомилъ Лауру о важнѣйшихъ со мною приключеніяхъ и о настоящемъ положеніи дѣлъ моихъ. Она слушала меня со вниманіемъ, изъ котораго я заключилъ, что принимаетъ во мнѣ участіе. „Другъ мой Саншиллана, сказала она по окончаніи моей повѣсти, ты играешь, какъ вижу, очень хорошую роль на театрѣ свѣта: не можешь повѣришь, сколько это меня радуетъ. Когда привезу Луирецію въ Мадридъ, чтобъ помѣстишь ее въ Принцеву труппу, то надѣюсь, что въ господинѣ Саншилланѣ найдешь она сильнаго покровителя.“—Въ этомъ

и не сомнѣвайся, отвѣчалъ я. Ты можешь на меня положить: дочь твоя будетъ принята въ Принцеву шруппу; смѣю обѣщать это, не хваставши.—, Я заставила бы тебя усюяшь въ словѣ, и завтра же отправилась бы въ Мадридъ, еслибъ не удерживалъ меня контрактъ, заключенный мною съ здѣшнею шруппою.“— Повелѣніе Двора (возразилъ я) можешь его уничтожить; я беру это на себя: чрезъ недѣлю пришлося сюда приказаніе. Мнѣ пріятно будетъ опняшь Лукрецію у жителей Толедо; такая прекрасная актриса создана для придворныхъ; она при-

надлежишь намъ по праву. —

Въ ту самую минушу, когда я оканчивалъ слова сіи, вошла къ намъ Лукреція. Мнѣ показалось, что вижу юную Гебу, такъ была она мила и прелестна! Она лишь только встала съ постели, и природная красота ея, блистая безъ помощи искусства, представляла взорамъ предметъ восхищительный. „Поди сюда, племянница, сказала ей мать, поблагодари эшаго господина за доброе его къ намъ расположеніе. Онъ старинный мой пріятель, и въ большой силѣ при Дворѣ; обѣщается опредѣлишь обѣихъ насъ въ Прин-

цеву шруппу.“ Такая рѣчь была, повидимому, очень пріятна дѣвушкѣ; она поклонилась мнѣ весьма низко и сказала съ плѣнительною улыбкою: „Покорнѣйше благодарю васъ, сударь, за благосклонное ваше намѣреніе; но не знаю, какъ рѣшиться. Желая оппять меня у здѣшной публики, копорая сполько ко мнѣ внимательна, увѣрены ли вы, что я понравлюсь въ Мадридъ? Можешъ спашься, перемѣщеніе будешъ для меня невыгодно. Я часто слыхала опъ пешушки, что ей случалось видѣшь актеровъ въ одномъ городѣ въ славѣ, а въ другомъ въ поруганіи; эшо спра-

шипъ меня. Берегитесь подвергнушь меня презрѣнію Двора, а себя самихъ его упрямъ.—Прекрасная Лукреція, опевъчалъ я, эшого не можемъ мы опасаться; я спрашусь больше, чшобы, воспламенивъ сердца всѣхъ, не произвели вы раздора между нашими вельможами.—„Опасеніе моей племянницы, сказала Лаура, основательнѣе вашего; но, надѣюсь, оно для обѣихъ споронъ пройдетъ безъ дурныхъ послѣдствій. Если Лукреція и не прославишся красою, то по крайней мѣрѣ она не столь худая актриса, чшобъ могла подвергнушь презрѣнію.“

Мы продолжали еще нѣ-
сколько времени нашъ разго-
воръ; и Лукреція, вмѣшива-
ясь въ оный, показала мнѣ,
что имѣетъ превосходный ра-
зумъ. Наконецъ проснился я
съ обѣими дамами, увѣривъ
ихъ, что онѣ очень скоро по-
лучатъ отъ Двора повелѣніе
ѣхать въ Мадридъ.

ГЛАВА II.

Сантиллана отдаетъ от-
 четъ въ своемъ дѣлѣ Ми-
 нистру, который поручаетъ
 ему вызвать Лукрецію въ Мадридъ. При-
 бытіе туда этой актри-
 сы, и дебютъ ея при
 Дворѣ.

Возвратившись въ Мад-
 ридъ, нашелъ я Графа - Гер-
 цога въ крайнемъ неперпѣніи
 знашь объ успѣхѣ моей по-
 ѣздки. „Что, Жилблазъ, ска-
 залъ онъ мнѣ, видѣлъ ли ты
 извѣстную актрису? Стоишь
 ли она того, чшобъ вызвать
 ее ко Двору?“ — Милостивѣй-

шій Государь, отвѣчалъ я, молва, кошорая обыкновенно превозносишъ людей опличныхъ превыше ихъ доспюинспвъ, говоришъ еще мало о юной Лукреціи: это удивительная женщина, какъ по своей красотѣ, такъ и по дарованіямъ.—

„Возможно ли?“—вскричалъ Миниспръ съ внутреннимъ удовольспвіемъ, кошорое замѣшилъ я у него въ глазахъ, и кошорое заставило меня подумать, что онъ собственно для себя посылалъ меня въ Толедо.—„Возможно ли, чпобъ она была такъ прелестна, какъ ты сказываешь?“—Когда Ваша Свѣшлоспъ увидите

ее, то признаешься, что никакая похвала не можетъ дашь совершеннаго объ ней понятія.—, Саншиллана, (прервалъ онъ рѣчь мою) опиши мнѣ подробно свое путешествіе: мнѣ хочется знать обо всемъ.“ Тогда я, въ удовольствіе Его Свѣшлости, разсказалъ все, даже исторію Лауры. Открылъ ему, что она прижила Лукрецію съ Маркизомъ де Маріальвою, Португальскимъ вельможею, который, остановясь на время въ Гренадѣ, въ нее влюбился. Не утаилъ и того, что происходило между мною и этими двумя актрисами. Министръ, выслушавъ меня,

сказалъ: „Я очень радъ, что Лукреція дочь знашнаго чело-
вѣка; это еще болѣе заспав-
ляешъ меня объ ней старать-
ся. Надобно заманишь ее сю-
да. Но продолжай, мой другъ,
свое дѣло такъ, какъ его на-
чалъ; меня шущъ не вмѣщи-
вай: пусть все относится къ
Жилблазу де Саншилланъ.“

Я пошелъ къ Карнеру, и
сказалъ ему, что Его Свѣш-
лоспъ велѣлъ написашъ при-
казъ, копорымъ Король при-
нимаешъ въ свою шруппу
Эспеллу и Лукрецію, актрисъ
Толедскаго театра. „Очень
хорошо, господинъ Саншила-
на, ошвѣчалъ Карнеро съ лу-
кавою усмѣшкой, тошчасъ

услужу вамъ: по всему видно, что вы принимаете въ этихъ двухъ дамахъ большое участіе.“ Онъ тогда же самъ изготавилъ бумагу и ошдалъ мнѣ, а я немедленно послалъ ее къ Эстеллѣ съ тѣмъ же лакеемъ, которъй ѣздилъ со мною въ Толедо. Черезъ недѣлю мать и дочь прибыли въ Мадридъ. Онѣ остановились въ пракширѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Принцева театра, и извѣстили меня о своемъ пріѣздѣ запискою. Я въ шужь минушу пошелъ къ нимъ. Послѣ многихъ увѣреній въ преданности съ моей, и послѣ многихъ благодарностей съ ихъ стороны, я оставилъ ихъ

Готовишься къ дебюшу, пожела-
лавъ имъ счастливаго успѣха.

Афишки возвѣсшили пу-
бликѣ о двухъ новыхъ актри-
сахъ, приняшихъ въ Мад-
ридскую труппу по Коро-
левскому повелѣнію. Первый
дебюшъ ихъ былъ въ комедіи,
которую играли онѣ въ То-
ledo всегда съ большимъ у-
спѣхомъ.

Въ какой странѣ свѣта не
любяшъ новаго на зрѣлищахъ?
Въ шопъ вечеръ театръ на-
полненъ былъ невѣроятнымъ
множествомъ зрителей. Лег-
ко подумаешь, что я также
не пропустилъ эшаго пред-
ставленія; и сколько ни былъ
увѣренъ въ талантахъ маше-

ри и дочери, но препеналъ за нихъ. Однако, лишь только онъ открыли рошъ, какъ всеобщее рукоплесканіе испребило спрахъ мой. На Эспеллу смотрѣли, какъ на акпрису неподражаемую въ родѣ комическомъ, а на Лукрецію, какъ на чудо въ любовныхъ роляхъ. Послѣдняя плѣнила сердца всѣхъ. Одни удивлялись прелестнымъ глазамъ ея, другіе шрогались нѣжнымъ голосомъ; и каждый, пораженъ будучи красотою ея и молодосшью, выходилъ изъ шеатра въ восхищеніи.

Графъ - Герцогъ, который принималъ въ дебютъ этой акприсы еще больше участія,

нежели я думалъ, былъ такъ же въ числѣ зришелей. Мнѣ показалось, что онъ, по окончаніи піэсы, оспался очень доволенъ обѣими актрисами. Любопытствуя знать, точно ли онъ ему понравились, я пошелъ въ слѣдъ за нимъ, и когда онъ былъ уже въ своемъ кабинетѣ, сказалъ ему: „Ну что, Ваша Свѣшлость, довольны ли вы маленькою Маріальвою?“—Моя Свѣшлость была бы слишкомъ упряма, если бы не захошѣла къ одобренію публики пріобщить и своего собственнаго: да, мой другъ, Лукреція своя мнѣ нравишся; я думаю, что и Король увидишъ ее не безъ удовольствія.—

ГЛАВА III.

Лукреція дѣлаетъ много шуму при Дворѣ; она играетъ въ присутствіи Короля, который въ нее влюбляется. Что за тѣмъ послѣдовало.

Дебюшъ двухъ новыхъ актрисъ пошчасъ надѣлалъ шуму при Дворѣ; на другой же день по утру говорено было объ нихъ въ Королевской спальнѣ. Нѣкоторые вельможи особенно хвалили молодую Лукрецію: описали ее столь прелесшною, что Монархъ заочно плѣнился ею; но, скрывая произведенное надъ

нимъ впечатлѣніе, молчалъ и показывалъ, будто не обращаетъ на то никакого вниманія.

Между тѣмъ, оставшись наединѣ съ Графомъ - Герцогомъ, онъ спросилъ его, что это за актриса, которую такъ расхвалили. „Она пріѣхала изъ Толедо, оперѣчалъ Министръ, и вчера въ первый разъ играла на здѣшнемъ театрѣ съ великимъ успѣхомъ. Ее зовутъ Лукреція— имя весьма приличное актрисѣ. Она знакома Саншилланъ, который наговорилъ мнѣ объ ней столько хорошаго, что я разсудилъ принять ее въ труппу Вашего Величества.“

Часть VIII.

7

При моемъ имени , Король усмѣхнулся , вспомнивъ , можешъ бышь , въ ту минушу , что я познакомилъ его съ Кашалиною , и предчувствуя , что подобную же услугу окажу ему и при семъ случаѣ . „Графъ , сказалъ онъ Министру , я хочу завтра видѣшь игру Лукреціи ; дайте ей знать объ этомъ.“

Графъ-Герцогъ , пересказавъ мнѣ разговоръ сей и объявивъ о намѣреніи Короля , послалъ меня сообщить оное обѣимъ актрисамъ . „Я пришелъ къ вамъ съ важною новосшью (сказалъ я Лауръ , которая попалась мнѣ на встрѣчу первая): завтра будете вы имѣшь

въ числѣ вашихъ зришелей
самаго Государя; Министръ
приказалъ мнѣ о томъ извѣ-
спишь васъ. Я увѣренъ, что
вы и дочь ваша употребите
всѣ силы сдѣлашся достой-
ными той чести, какую Мо-
нархъ оказать вамъ хочешъ;
но совѣшую выбрать такую
піэсу, въ которой была бы и
музыка и танцы, чшобы у-
дивить его талантами Лук-
реціи.“— Мы послѣдуемъ ва-
шему совѣшу, ошвѣчала Ла-
ура, и сдѣлаемъ все, что
только можешь принести Его
Величеству удовольствіе. —
„Онъ будешъ доволенъ (ска-
залъ я, увидѣвъ вошедшую
Лукрецію въ спальнѣ плашь,

которое придавало ей больше прелестей, нежели самые великолѣпные театральные костюмы) и особенно вашею милою племянницею, потому что чрезвычайно любишь пляску и пѣніе; можешь спастись, вздумаешь кинуть ей и плашокъ. “—Этого я совсемъ не желаю, подхватила Лаура; не смоя на Царскую власшь его, въ исполненіи желаній могушь вспрѣтись ему великія препяшствія. Хотя Лукреція воспитана и за кулисами, но шѣмъ не менѣе добродѣтельна, и какъ ни пріяшны ей рукоплесканія на сценѣ, однакожь она хочетъ лучше прослышь честною дѣ-

вушкой, чѣмъ превосходною актрисою.—

„Тепушка, (сказала маленькая Маріальва, вмѣшавшись въ нашъ разговоръ) на что выдумывашь спрашилища, чтобъ съ ними сражаться? Мнѣ никогда не будетъ нужды отвергать ласки Короля; разборчивость вкуса избавитъ его отъ порицанія, которое заслужилъ бы онъ, обративъ на меня взоры свои.“—Но, прекрасная Лукреція, возразилъ я, еслибъ въ самомъ дѣлѣ Государь плѣнился вами и захопѣлъ имѣть васъ своею любовницею, не ужь ли бы вы заставили его поминаться въ оковахъ вашихъ, какъ обик-

новеннаго любовника?— „Для чегожь и не такъ?—опвѣчала она—безъ всякаго сомнѣнія! Добродѣшель въ спорону, я чувствую, что для честполубія моего гораздо лестнѣе прошивишься его спраспи, нежели ей опеѣтспвовашь.“ Я не мало удивился, слыша, что такъ говоришь воспитанница Лауры, и оставилъ ихъ обѣихъ, похваливъ пешку за то, что дала такое хорошее воспитаніе своей племянницѣ.

На слѣдующій день Король, неперпѣливо желая видѣть Лукрецію, пріѣхалъ въ театръ. Играли піэсу съ аріями и танцами попеременно; наша

молодая актриса блиспала
 удивительнымъ образомъ. Съ
 начала до конца, я не сводилъ
 глазъ съ Государя, спараясь
 проникнуть въ его мысли;
 но не имѣлъ успѣха: онъ не
 оставлялъ ни на минушу при-
 пворно-важнаго своего вида.
 Не раньше, какъ на другой
 день, узналъ я то, о чемъ хо-
 тѣлось мнѣ знать. „Саншил-
 лана, сказалъ мнѣ Миниспръ,
 я сей часъ только опъ Ко-
 роля; онъ говорилъ о Лукре-
 ции съ такимъ восхищеніемъ,
 кошорое ясно показываешь,
 что она плѣнила его сердце;
 а когда я сказалъ ему, что
 ты вызвалъ ее изъ Толедо,
 то онъ изъявилъ желаніе раз-

спросишь о томъ тебя на-
единѣ. Поди теперь же во
Дворецъ; тамъ дано уже при-
казаніе впустишь тебя въ ка-
бинетъ Его Величества. Бѣ-
ги, и ворошись поскорѣе ко
мнѣ съ извѣстіемъ о вашемъ
разговорѣ.“

Я полетѣлъ къ Королю;
нашелъ его одного. Онъ хо-
дилъ большими шагами по
комнатѣ, и, казалось, былъ
въ великой задумчивости. На-
дѣлалъ мнѣ множество во-
просовъ о Лукреціи, и заспа-
вилъ рассказъ всю ея ис-
торію; потомъ спросилъ ме-
ня, не имѣла ли уже она съ
кѣмъ нибудь любовной связи.
Я увѣрялъ смѣло, что нѣтъ.

Государю очень пріятно было это слышать. „Когда такъ, сказалъ онъ, то будь же повѣреннымъ моимъ у Лукреціи; я хочу, чѣмъ она чрезъ тебя узнала о своей побѣдѣ. Поди, увѣдомь ее о томъ моимъ именемъ, и скажи, что я прошу ее принять на первый случай этошъ подарокъ, въ ожиданіи бѣльшихъ знаковъ любви моей.“ Съ сими словами онъ вручилъ мнѣ ящичекъ, въ кошоромъ было дорогихъ каменьеѣ болѣе, чѣмъ на пятьдесять тысячъ пистолей.

Не исполняя еще порученія, пошелъ я къ Графу-Герцогу, и донесъ ему вѣрно, о чемъ

говоришь со мною Король. Я воображалъ, что Министръ будешь шѣмъ болѣе огорченъ, нежели обрадованъ; ибо думалъ, какъ уже сказано выше, что онъ имѣешь свои собственныя виды на Лукрецію, и слѣдовательно узнаешь съ прискорбіемъ, что Государь его сдѣлался ему соперникомъ; но я обманулся. Онъ не только не показалъ ни малѣйшаго огорченія, а еще изъяснилъ великую радость, выговоривъ нѣкоторыя слова, коихъ я не пропустилъ мимо ушей. А! а! Филиппъ, теперь поймалъ я тебя! Дѣла будутъ уже казаться тебѣ медвѣдеи! Это восклицаніе открыло мнѣ весь

умыселъ Графа - Герцога : я увидѣлъ, что онъ, опасаясь, чтобъ юный Монархъ не захотѣлъ самъ заниматься дѣлами, спарается отклонить его отъ того забавами, сообразнѣйшими съ его нравомъ. „Саншиллана, сказалъ онъ мнѣ, не теряй времени ; поспѣши, мой другъ, исполнишь важное приказаніе, которое дано тебѣ, и котораго удостоишься почли бы за счастіе многіе вельможи. Не забудь, при-молвилъ онъ, что я не Графъ Лемось, присвоившій себѣ большую часть оказанной услуги ; вся честь, всѣ выгоды будутъ принадлежать тебѣ одному.“

Такимъ - то образомъ Его
 Свѣшлость позолошилъ мнѣ
 пилюлю, кошорую проглошилъ
 я, хопя не поморщась, од-
 нако чувствую горечь; ибо,
 послѣ заключенія моего, при-
 выкъ смотрѣть на все съ мо-
 ральной стороны, и не нахо-
 дилъ должноти придворнаго
 Меркурія столь почтенною,
 какъ мнѣ ее представляли.
 Впрочемъ, не будучи пороч-
 нымъ до такой степени, что-
 бы опправлять эту долж-
 ность безъ угрызения совѣ-
 сти, я не имѣлъ столько и
 добродѣтели, чтобъ опъ нее
 опказаться. И такъ повино-
 вался Королю шѣмъ охошнѣе,
 что надѣялся въ то же вре-

мѣ сдѣлашь пріятное и для Министра, которому угождашь старался всячески.

Я разсудилъ опшесшисъ прежде къ Лаурѣ, и погово-ришь съ нею наединѣ. Въ са-мыхъ оспорожныхъ выраже-ніяхъ объявилъ ей цѣль моего посольства, и при окончаніи рѣчи, поднесъ ей ящичекъ. Увидѣвъ дорогіе каменья, ак-триса не могла скрыть своей радости. „Господинъ Жил-блазъ, вскричала она, предъ-побою, какъ предъ лучшимъ и шариннымъ моимъ пріят-шелемъ, я не должна пришво-ряшья; напрасно спала бы показывать ложную спрогость нравовъ и жеманство. Скажу

тебѣ правду, продолжала она, я очень рада, что дочь моя одержала такую славную побѣду, и знаю всѣ ошѣ того выгоды. Но, между нами скажешь, боюсь, чтобъ Лукреція не приняла эшаго иначе, нежели я: хощя она и акпри-са, однако такъ цѣломудренна и честна, что ошвергла предложенія двухъ пригожихъ и богатыхъ кавалеровъ. Ты возразишь мнѣ, что они были не Короли: я согласна, и повидимому спрасъ вѣнчаннаго любовника должна заглушишь добродѣшель Лукреціи; но эшо мнѣ кажется сомнительно, и я объявляю тебѣ, что не буду принуждашь моей до-

чери. Если она, вмѣсто того, чѣмъ уважишь ненадежную спрась Короля, посшавишь еще эту честь себѣ въ безславіе, то пусть Государь на нее не погнѣвается. Приходи сюда завтра; ты узнаешь, что надобно будешь опнеси къ Его Величеству: благопріятный ли опвѣшь, или дорогіе каменья.“

Я нимало не сомнѣвался, чѣмъ Лаура не сшала увѣщевашь Лукрецію болѣе опсшупишь опъ своихъ правилъ, нежели держаться оныхъ спрого, и на успѣхъ очень надѣялся. Однакожь на слѣдующій день съ удивленіемъ узналъ, что Лаурѣ склонишь дочь

свою на худое было сполько
же трудно, какъ другимъ ма-
шерамъ побуждашь дѣшей сво-
ихъ на доброе. А вошъ чшо
всего удивительнѣе: Лукреція,
уступивъ желаніямъ Короля,
послѣ нѣсколькихъ шайныхъ
съ нимъ свиданій, пришла въ
такое раскаяніе, чшо вдругъ
осшавила свѣшъ и заключи-
лась въ Монашѣрь, гдѣ вско-
рѣ занемогла и умерла съ пе-
чали. Лаура, неушѣшная о по-
шерѣ дочери и обвиняющая
себя въ ея смерти, удалилась
въ Обишель *Кающихся Дѣвѣ*,
чшобъ оплакивать тамъ за-
бавы красныхъ дней своихъ.
Неожиданное удаленіе Лукре-
ціи огорчило Короля; но онъ,

будучи не шакого права, чшобъ
долго сокрушашься, мало по
малу ушъшился. Чшожь ка-
сается до Графа-Герцога, шо
хошя эшопъ случай и не
слишкомъ пронулъ его, одна-
ко былъ ему крайне досадень,
какъ чипашель самъ вообра-
зишь можешъ.

ГЛАВА IV.

*Министръ даетъ Сантил-
ланъ новое порученіе.*

Я весьма живо чувствовалъ
несчасіе Лукреціи, и жестоко
мучился совѣстью, что оно-
му способствовалъ. Почишалъ
себя за человека безчестнаго,

не смотря на высокое званіе любовника, кошорому услуживалъ, рѣшился навсегда бросить жезлъ Меркуріевъ; изъяснилъ даже предъ Министромъ оповращеніе носишь его, и просилъ употреблять меня совсемъ на иныя дѣла. „Саншиллана, сказалъ Графъ-Герцогъ, я хвалю твою разборчивость, и, какъ ты человекъ честный, дамъ тебѣ занятіе, сообразнѣйшее съ твоимъ благоразуміемъ. Вошь въ чемъ состоишь дѣло: выслушай со вниманіемъ тайну, кошорую тебѣ опкрою.“

„За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, какъ я сдѣлался любимцемъ Короля, случай пред-

спавиль однажды глазамъ моимъ даму, копорая показала мнѣ шакъ пригожа и пріятна, чшо я послалъ навѣдашся, кшо она шакова. Я узналъ, чшо она Генуэзка, называешся Донна Маргарипа Спинола, и живешъ въ Мадришѣ доходами ошъ красоты своей. Мнѣ сказали также, чшо Донъ Франциско де Валеазаръ, придворный Алькадъ, человекъ богатый, сшарый и женашый, дѣлаешъ для нее великія издержки. Эшо извѣспіе, не производя во мнѣ должнаго къ ней презрѣнія, возбудило сильное желаніе раздѣляшъ ея благосклонность съ Валеазаромъ. Чшобъ удовлетворишъ

моей прихоши, прибѣгнуль я къ одной услужливой посредницѣ, кошорая въ короткое время умѣла доставить мнѣ тайное свиданіе съ Генуэзкою; а за эшимъ свиданіемъ послѣдовали многія другія, такъ что соперникъ мой и я пользовались равными правами за наши подарки. Можетъ быть, она имѣла и еще любовника, споль же счастливаго, какъ мы. “

„Какъ бы то ни было, Маргарита, принимая такое смѣшеніе жершвъ, нечувствительно сдѣлалась машерью; родила мальчика, и cadaго изъ своихъ любовниковъ увѣряла поодиначкѣ, что онъ отецъ

его ; но ни копорый , по совѣсти не приписывая себѣ эшой чеспи, не хошѣлъ признать его за своего сына ; и Генуэзка принуждена была кормишь его плодами своего распушсшва ; что продолжалось цѣлыя осьмнадцать лѣтъ, по прошествіи коихъ она умерла , оставивъ сына безъ имѣнія, а что еще хуже, безъ воспитанія.“

„Вошѣ тайна , продолжалъ Миниспрѣ, копорую я имѣлъ опкрышь тебѣ; а теперь скажу о важномъ моемъ намѣреніи. Я хочу извлечь несчастнаго ребенка изъ ничтожсшва, признать за своего сына и вывеси въ чины.“

Услышавъ о такомъ сумасбродномъ предпріятіи, не могъ я смолчать. „Какъ, Милоспивѣйшій Государь, не ужь ли въ самомъ дѣлѣ Ваша Свѣшлоспъ приняли споль спранное намѣреніе? Проспите мнѣ это выраженіе: оно вырвалось опъ усердія.“—Ты одобришь мое намѣреніе (опвѣчалъ онъ съ поспѣшностпью), когда узнаешь причины, къ спому меня побудившія. Я не хочу, чшобъ родспвенники другаго колѣна были моими наслѣдниками. Ты скажешь, что я не такъ еще спаръ, и могу надѣяться имѣть дѣшей опъ жены моей; но всякъ знаетъ лучше самага себя: довольно,

что не осталось ни одного химического средства, котораго бы я не употребилъ, чтобъ сдѣлаться опять опцемъ: все бесполезно. И такъ когда счастье, вознаграждая недоспашокъ природы, представляешь мнѣ дитя, котораго, можешь быть, я истинный родитель, то его и усыновляю; это уже рѣшено.—

Я переспалъ противорѣчишь Министру, зная, что онъ лучше сдѣлаешь явную глупость, нежели опмѣнишь свое намѣреніе. „Теперь дѣло идетъ, прибавилъ онъ, только о томъ, какое дашь воспитаніе Дону Генриху - Филиппу де Гусману (я хочу,

чшобъ онъ носилъ эшо имя
 до шѣхъ поръ, пока не полу-
 чилъ ожидающихъ его шиш-
 ловъ). Тебя-шо, любезный Сан-
 шиллана, избираю для него
 Меншоромъ. Я полагаюсь на
 швой разумъ, на швою ко мнѣ
 преданность, и поручаю те-
 бѣ устроитъ для него домъ,
 нанять училелей, словомъ,
 сдѣлать его совершеннымъ
 кавалеромъ.“ Я не хошѣлъ
 было принять эшой должно-
 сти, представляя Графу-Гер-
 цогу неопытность мою въ ша-
 комъ дѣлѣ, которое пребуе-
 большихъ свѣденій и способ-
 ностей; но онъ зажалъ мнѣ
 ротъ, сказавши, что непре-
 мѣнно хочеть сдѣлать меня

наставникомъ пріемыша, котораго назначаешъ къ первѣйшимъ чинамъ въ Государствѣ. И такъ, въ удовольствіе Его Свѣшлости, пригошовилъ я вступити въ новое званіе; а Министръ въ награду за мое послушаніе, умножилъ доходы мои тысячью писпоями пенсіи, кошую выпросилъ, или лучше сказать, далъ мнѣ съ Коммандорства Мамбры.

ГЛАВА V.

Сынъ Генуэзки признанъ
за сына Графа - Герцога
законнымъ порядкомъ, и
названъ Дономъ Генри-
хомъ-Филиппомъ де Гус-
манъ. Сантиллана укреж-
даетъ для него домъ, и
приставляетъ къ нему
учителей.

Въ самомъ дѣлѣ Графъ -
Герцогъ не замедлилъ сына
Донны Маргариты Спинолы
признать за своего, и актъ
усыновленія утверждень Коро-
лемъ. Донъ Генрихъ-Филиппъ
де Гусманъ (такъ названъ
сынъ разныхъ опцовъ) объ-

явленъ единственнѣмъ наслѣд-
никомъ Графства Оливарецъ
и Герцогства Сан - Лукаръ.
Министръ, для всенароднаго
свѣденія, приказалъ Карнеру
извѣстить объ этомъ Послан-
никовъ и Грандовъ Испаніи,
которые не мало тому уди-
вились. Насмѣшники Мадрид-
скіе долго забавлялись симъ
происшествіемъ, а поэты—са-
тирики не пропустили столь
благопріятнаго случая излишъ
желчь съ пера своего.

Я спросилъ Графа-Герцога,
гдѣ же мой будущій воспи-
танникъ? „Подъ присмотромъ
пешки, отвѣчалъ онъ, у ко-
торой я возьму его, коль ско-
ро ты приготовишь для него

домъ.“ Это было въ короткое время исполнено. Я нанялъ домъ и убралъ его великолѣпно; сыскалъ съ помощію Капориса пажей, камердинеровъ и другихъ служителей. Когда было все въ готовности, я тотчасъ уведомилъ Его Свѣшлость, который послалъ за своимъ сыномъ, новою и сомнительною опраслю Гусманскаго поколѣнія. Я увидѣлъ высокаго молодаго челоуѣка, довольно пріятной наружности. „Донъ Генрихъ, сказалъ ему Министръ, указывая на меня, эшотъ кавалеръ избранъ мною тебѣ въ наставники; я имѣю къ нему полную довѣренность,

и даю ему полную власть надъ тобою. Да, Саншиллана, (примолвилъ онъ, оборотясь ко мнѣ) я совершенно тебѣ его поручаю, и надѣюсь, что жалѣть о томъ не буду. “
 Тушъ Его Свѣшлосшь увѣщевалъ молодаго челоуѣка, чшобъ онъ меня слушался; послѣ чего я повелъ его въ назначенный ему домъ.

Лишь только мы пришли шуда, я собралъ на смопрѣ къ Дону Генриху всѣхъ служипелей, и объявилъ, какая должностъ опредѣлена для каждаго. Онъ нимало не смушился опъ перемѣны своего состоянія; свободно принималъ оказываемое ему почте-

ніе , какъ будшо бы всегда
 былъ шѣмъ , чѣмъ сдѣлался
 по случаю. Онъ имѣлъ при-
 родный умъ, но былъ въ край-
 немъ невѣжествѣ: едва умѣлъ
 чишать и писать. Я при-
 ставилъ къ нему Спуденша
 для показанія первыхъ осно-
 ваній Лапшинскаго языка; так-
 же нанялъ учишелей Геогра-
 фіи , Исторіи и фехшоваль-
 наго искусства. Легко дога-
 даться , что я не забылъ и
 танцмейстера ; главное за-
 трудненіе состояло въ выбо-
 рѣ : въ то время было въ
 Мадридѣ великое множество
 славныхъ плясуновъ , и я не
 зналъ, которому изъ нихъ оп-
 дашь преимущество.

Между тѣмъ, какъ на-
 ходился я въ недоумѣніи, во-
 шелъ на дворъ къ вамъ бога-
 то одѣшый человѣкъ. Мнѣ
 сказали, что онъ желаетъ по-
 говоришь со мною. Полагая,
 что онъ долженъ быть, по
 крайней мѣрѣ, Кавалеръ Св.
 Іакова или Алькантары, я
 вышелъ его встрѣшить, и
 спросилъ, чѣмъ могу служить
 ему. „Господинъ Саншилана,—
 ошвѣчалъ онъ послѣ многихъ
 поклоновъ, копорые обнару-
 живали его ремесло,—я слы-
 шалъ, что вы изволише на-
 бирать для Дона Генриха у-
 чишелей, и пришелъ предло-
 жишь вамъ мои услуги. Я
 называюсь Маршинъ Лигеро,

и, благодаря Бога, довольно извѣстенъ въ городѣ. У меня нѣшъ прибычки нищенски и скашъ себѣ работы: эшо прилично только мѣлкимъ шанцмейстерамъ. Я обыкновенно жду, чшобъ меня искали; но, давая уроки въ домахъ у Герцога Медины Сидоніи, у Дона Людовика де Гаро и у другихъ господъ изъ фамиліи Гусмановъ, кошорымъ, такъ сказашь, рожденъ служишь, посшавилъ себѣ за долгъ предупредишь васъ.“— Вижу изъ рѣчей вашихъ, возразилъ я, чшо намъ шочно такой чловѣкъ и надобенъ. Сколько береме вы въ мѣсяцъ?—„Восемь писшолей, цѣна извѣстная; а

уроки даю два раза въ недѣлю. “— Восемь писполой въ мѣсяцъ! Это много.—,,Какъ, много?— подхвашилъ онъ съ видомъ удивленія—не меньше писполи въ мѣсяцъ дадите вы и учишелю Философіи.“

Такой забавный отвѣтъ нельзя было слышать хладнокровно; и я, посмѣявшись опъ всего сердца, спросилъ господина Лигеро, не ужь ли онъ въ самомъ дѣлѣ чловѣка ремесла своего предпочишаетъ учишелю Философіи.—,,О! конечно, отвѣчалъ онъ: мы гораздо полезнѣе этихъ господъ. Что такое люди, пока не побывающъ въ рукахъ нашихъ? Сущія колоды, неповорошли-

вые медвѣди; опѣ нашихъ уроковъ они мало по малу обдѣлываются, и нечувствительно принимають на себя порядочный видъ; словомъ, мы научаемъ ихъ двигаться съ пріятностію, даемъ имъ приличную поступь и благородную осанку.“

Я убѣдился основательными доводами танцмейстера, и нанялъ его учить Дона Генриха, съ жалованьемъ по восьми пистолей на мѣсяць пошому, что эта цѣна установлена великими аршістами.

ГЛАВА VI.

Сципіонъ возвращается
изъ Новой Испаніи. Жил-
блазъ даетъ ему мѣсто
при Донѣ Генрихѣ. Ученіе
этого молодого господи-
на. Какихъ почестей онъ
удостоился, и на комъ
женилъ его Графъ-Герцогъ.
Жилблазъ противъ воли
сдѣланъ дворяниномъ.

Я не успѣлъ еще устроить
всего для Дона Генриха, какъ
Сципіонъ возвратился изъ Мек-
сики. На вопросъ мой, дово-
ленъ ли онъ своимъ путеше-
ствіемъ, онъ отвѣчалъ: „Очень
доволенъ. Кромѣ трехъ ты-
сячъ червонныхъ наличными

деньгами, я привезъ съ собою вдвое на столько же товаровъ, которые здѣсь скоро съ рукъ сбуду. “— Поздравляю тебя, другъ мой, сказалъ я: вошъ начало своего счастья; отъ тебя зависишь довершишь его, съѣздивъ на будущій годъ опять въ Индію. А если не хочешь ѣхать такъ далеко и съ трудомъ собирать богатство, то скажи: ты можешь имѣть выгодное мѣсто и въ Мадридѣ.—,,О! тушь нечего долго и думать; я лучше желаю отправлять порядочную должность при вашей милости, нежели подвергаться снова опасностямъ дальняго плаванія. Объясните, любезный

господинъ , какое дѣло намъ-
ренны вы дашь мнѣ? "

Чшобъ вразумишь его со-
вершенно , я разсказалъ ему
спранныю испорію маленькаго
господина , кошораго Графъ-
Герцогъ ввелъ въ домъ Гус-
мановъ; пошомъ объявилъ, чшо
мнѣ поручено воспитаніе До-
на Генриха, и предложилъ ему
мѣсто камердинера при пріе-
мышѣ. Сципіонъ , не желая
ничего лучшаго, охотно при-
нялъ на себя эту должностъ,
и исправлялъ ее такъ хорошо,
чшо скоро пріобрѣлъ довѣ-
ренностъ и дружбу новаго
своего господина.

Я воображалъ, чшо насшав-
иики, избранные мною къ сы-

ну Генуэзки , напрасно поше-
 ряюшъ шруды свои въ пре-
 подаваніи ему уроковъ : счи-
 шалъ его , по лѣшамъ , мало
 способнымъ къ ученію ; одна-
 кожъ я обманулся. Онъ легко
 понималъ и удерживалъ въ
 памяти все, что ему ни пол-
 ковали. Училищели были имъ
 весьма довольны. Я почелъ за
 долгъ довести сіе до свѣденія
 Графа-Герцога, который при-
 нялъ донесеніе мое съ чрез-
 вычайною радостью. „ Сан-
 шиллана , вскричалъ онъ въ
 восшорѣ , ты восхищаешь ме-
 ня извѣстіемъ, что Донъ Ген-
 рихъ имѣетъ память и хо-
 рошее понятіе. Я узнаю въ
 немъ кровь свою ; а что онъ

мой сынъ, увѣряешь меня всего болѣе то, что я чувствую къ нему такую же нѣжность, какъ будто бы онъ родился отъ жены моей. Видишь, другъ мой, природа сама себя обнаруживаетъ.“ Я остерегся открывать Его Свѣплости свои о томъ мысли, и, уважая его слабостъ, оставилъ наслаждаться удовольствіемъ — считать себя отцомъ Дона Генриха.

Хотя всѣ Гусманы смертельно ненавидѣли эшаго *ново-явленнаго* Графа, однакожь старались скрывать то изъ полишки; нѣкоторые даже прищворно искали его дружбы. Посланники и Гранды,

находившіеся тогда въ Мадришѣ, посѣщали его и оказывали ему почщеніе, какъ будто законному сыну Графа-Герцога. Министръ, восхищаясь такимъ уваженіемъ къ своему идолу, не замедлилъ украситъ его доспоинствами. Сперва выпросилъ ему у Короля кресло Альканшарской съ Коммандорствомъ въ десяти тысячъ писполей ежегоднаго дохода. Вскорѣ потомъ сдѣлалъ его Камергеромъ; а напоследокъ, вознамѣрясь женишь его, и желая дославить ему супругу изъ благороднѣйшаго дома во всей Испаніи, обратилъ взоры на Донну Жуанну де Веласко, дочь

Каспильскаго Герцога, и былъ столько силенъ, что совершилъ этотъ бракъ противъ воли Герцога и его родственниковъ.

За нѣсколько дней до свадьбы, Министръ призывалъ меня къ себѣ, и подавая бумагу, сказалъ: „Вопъ шебѣ, Жилбазъ, грамоша на дворянство!“—Милостивѣйшій Государь, отвѣчалъ я съ изумленіемъ, Вашей Свѣшлости извѣстно, что я сынъ Дуены и женскаго надзирашеля. Принять меня въ дворяне, есть, по моему мнѣнію, унижить классъ дворянства; изъ всѣхъ Монаршихъ милостей этой я менѣе достоинъ и

менѣе желаю.—,,Твое происхожденіе, возразилъ Миниспръ, есть препяшспвіе, ничего незначущее. Ты занимался Государспвенными дѣлами при Герцогѣ Лермѣ и при мнѣ; а сверхъ того (примолвилъ онъ, улыбаясь) не оказалъ ли ты и Его Величеспву услугъ, копорыя пребуютъ награды? Однимъ словомъ, Саншиллана, ты достоинъ чеспи, копорую тебѣ доставляю; да и по должностпи, какую имѣешь при моемъ сынѣ, тебѣ надобно бытъ дворяниномъ.“—Когда такъ, опвѣчалъ я, угодно Вашей Свѣшлоспи, то принимаю милоспъ вашу съ благодарностью.—Съ сими, сло-

вами , положивъ грамошу въ карманъ, я ему ошкланялся.

„И такъ ты теперь дворянинъ (сказалъ я самъ себѣ, вышедши на улицу) , и не обязанъ за то родителемъ ! Могу, когда захочу, называюсь Дономъ Жилблазомъ; а если кто нибудь изъ сшаринныхъ моихъ знакомыхъ, услышавъ, что меня такъ величаютъ , вздумаетъ надо мною посмѣяться, тогда покажу ему грамошу. Но дай-ка , прочтемъ ее (продолжалъ я , вынимая ее изъ кармана); посмотримъ, какимъ образомъ меня облагородили.“ — Содержаніе грамошы было слѣдующее: „Его „Королевское Величество,

„въ воздаяніе за ревность,
 „оказанную Жилблазомъ во
 „многихъ случаяхъ къ службѣ
 „Его Величества и ко благу
 „Государства, соизволилъ по-
 „жаловать ему дворянское до-
 „стоинство.“ Смѣю сказать
 къ похвалѣ моей, что я эпитъ
 нимало не возгордился, ибо и-
 мѣлъ всегда предъ глазами
 низкое свое происхожденіе, а
 пошому-то честь сія не поль-
 ко не производила во мнѣ шче-
 славія, но еще дѣлала меня
 смиреннѣе. Я рѣшился нако-
 нецъ спрягать грамопу въ
 ящикъ, и никогда ею не хва-
 саться.

ГЛАВА VII.

*Жилблазъ опять встрѣ-
гается съ Фабриціемъ.
Послѣдній разговоръ меж-
ду ними. Нуннецъ объ-
являетъ Сантилланъ ва-
жное извѣстіе.*

Аспурійской стихотворецъ,
какъ уже могъ замѣшивъ чи-
пашель, не ходилъ ко мнѣ;
а дѣла мои не позволяли и
мнѣ навѣщать его. Послѣ спо-
ровъ о Еврипидовой *Ифигеніи*,
я не видалъ его нигдѣ; но
случай привелъ мнѣ еще съ
нимъ вспрѣшивъсья близъ во-
рошъ Солнца. Онъ шелъ изъ
Типографіи. Я останоуилъ его

и сказалъ: „О ! о ! господинъ Нуннецъ , вы были въ Типографіи ! Повидимому , угрожаете публикѣ новымъ швореніемъ?“—

—Въ самомъ дѣлѣ ей должно ожидать эпаго, опвѣчалъ онъ; шеперь печатается одна брошурка, копорая надѣлаешъ много шуму въ ученомъ свѣтѣ.—„Не сомнѣваюсь въ достоинствѣ швоего произведенія (возразилъ я); но удивляюсь , что ты занимаешься сочиненіемъ брошурокъ : мнѣ кажешся , шакія бездѣлки не много чести приносятъ умному человѣку.“—Я эшо знаю (подхвалилъ Фабрицій) , и долженъ сказать тебѣ откоро-

венно, что брошурка моя есть
диша крайности. Голодъ, какъ
говоришся, и волка гонишь
изъ лѣсу.—

„Какъ? голодъ! И это слышу
я отъ шворца *Графа де Сал-*
дань, отъ человѣка, имѣющаго
двѣ тысячи реаловъ годового
доходу?“. . . Поспой, поспой,
другъ мой, (прервалъ Нуннецъ
рѣчь мою) я уже не шотъ
счастливымъ спихотворецъ,
который пользовался пенсіею.
Дѣла Иншенданша, Дона Берш-
ранда, нечаяннымъ образомъ
разстроились; онъ промолъ
казенныя деньги; все имѣніе
его конфисковано, и пенсія
моя пошла къ чоршупу.—„Очень
жалъ! Да нѣтъ ли съ этой

сторонѣ, еще какойнибудь надежды?“—Ни малѣйшей: господинъ Гомецъ дель Риберо шеперь также голъ, какъ и его ученый Секретарь, и ввалился въ такую пропасшъ, изъ копорой ему уже не выкарабкашьяся.—

„Если такъ, то надобно поискашъ для тебя мѣспечка, копорое вознаградило бы потерю швоей пенсіи.“—Сдѣлай милосшъ, не трудись. Хошя бы ты предлагалъ мнѣ должностъ при самомъ Министрѣ, съ жалованьемъ по при тысячи реаловъ въ годъ, я бы и опъ шого опказался. Пшомцу Музъ не приличны канцелярскія занятія. Я ищу у-

ченыхъ упражненій ; словомъ
сказать : я рожденъ жить и
умереть поэтомъ, и хочу по-
слѣдовать судьбѣ моей.—

—Впрочемъ, продолжалъ Нун-
нецъ, не воображай, чѣмъ
мы были слишкомъ несчаст-
ны; кромѣ того, что мы жи-
вемъ въ совершенной незави-
симости, мы еще веселимся
безъ всякой заботы. Думающе,
что у насъ часто бываетъ
сполъ Демокришовъ, и оши-
баются. Между нами нѣтъ
ни одного, не исключая и со-
чинителей календарей, копо-
рый не имѣлъ бы гоповаго
обѣда въ какомъ нибудь хо-
рошемъ домѣ; у меня, напри-
мѣръ, есть два дома, гдѣ

съ удовольствіемъ принимаюшъ и кормяшъ меня: у полсшаго опкупщика, которому посвятилъ я романъ, и у богашаго Мадридскаго мѣщанина, который помѣшался на томъ, чшобъ имѣть всегда за споломъ у себя ученыхъ: по счастію, онъ не очень прихотливъ въ выборъ, и городъ доспавляетъ ему такихъ гостей съ избыткомъ.—

— „И пакъ пересшаю жалъшь о тебѣ, сказалъ я Аспурійскому поэту, когда ты доволенъ своимъ состояніемъ. При всемъ томъ, увѣряю тебя снова, что всегда найдешь въ Жилбазѣ друга, сколь ни мало дорожишь его знакомствомъ.“

Если случится тебѣ нужда въ деньгахъ , то приходи ко мнѣ смѣло. Изъ заспѣнчивости не лишай себя самой надежной помощи , и не опнимай у меня удовольствія служишь тебѣ.“

—По такимъ великодушнымъ чувствованіямъ (вскричалъ Нуннецъ) узнаю тебя, Санпиллана , и премного благодаренъ за швое доброе ко мнѣ расположеніе. Въ знакъ признательности, долженъ я подашь тебѣ спасительный совѣтъ. Пока еще Графъ-Герцогъ сможетъ все дѣлать, и пока ты у него въ милости, воспользуйся временемъ, спѣши понажисья: Министръ,

какъ, мнѣ сказывали, ужь о-
 чень шапается.— „Ошъ вѣр-
 ныхъ ли людей пы эшо слы-
 шаль?“—Ошъ одного сшараго
 Калаправскаго Кавалера, ко-
 торый имѣетъ особенный даръ
 провѣдывашъ о дѣлахъ самыхъ
 тайныхъ. Эшаго чловѣка слу-
 шающъ, какъ оракула. Вошъ
 чшо говорилъ онъ вчера: у
 Графа-Герцога множество не-
 пріятелей, копорые всѣ вмѣ-
 стѣ сшараются погубишъ его;
 онъ слишкомъ полагается на
 силу свою у Короля; а Мо-
 нархъ, какъ замѣчаютъ, на-
 чинаетъ вѣритъ жалобамъ,
 копорыя уже до него дохо-
 дятъ.—

Я поблагодарилъ Нуннеца за его увѣдомленіе; однако почти не обрашилъ на по вниманія, и возвратился домой въ полной увѣренности, что власпъ Министра поколебима: онъ представлялся мнѣ однимъ изъ шѣхъ много- лѣшнихъ дубовъ, копорые, пуспивъ глубокіе и крѣпкіе корни, не спрашашся самыхъ сильныхъ вихрей.

ГЛАВА VIII.

*Какимъ образомъ узналъ
Жилблазъ, что Фабрици-
ево извѣстіе не ложно.
Путешествіе Короля въ
Сарагоссу.*

То, что сказывалъ мнѣ
Аспурійской поэтъ, было не
безъ основанія. При Дворѣ
соспавился тайный заговоръ
прошивъ Графа-Герцога; гла-
вою онаго почишали Королеву;
но еще въ публикѣ неизвѣ-
стно было о мѣрахъ, приня-
тыхъ заговорщиками для низ-
верженія Министра. Прошло
даже болѣе года, и я не при-
мѣшилъ ни малѣйшей перемѣ-
ны въ его власти.

Но возмущеніе Кашалонцевъ, поддерживаемыхъ Франціею, и худой успѣхъ въ войнѣ противъ сихъ мяшежниковъ, возбудили ропотъ въ народѣ, который жаловался на Правительствово. Эти жалобы подали поводъ собраться Совѣту въ присутствіи Короля, коему угодно было, чѣмъ пущѣ же находился и Маркизь де Грана, посланникъ Римскаго Императора при Испанскомъ Дворѣ. Предложено, между прочимъ, на разсужденіе, оспашься ли Королю въ Каспилліи, или ѣхать въ Аррагонію къ войскамъ своимъ. Графъ - Герцогъ, которому не хотѣлось, чѣмъ

Государь отправился въ армию, говорилъ первый: онъ предсхавлялъ, что Его Величешву приличнѣе не осхавлять центра своихъ владѣній, и мнѣніе свое подкрѣплялъ всѣми доводами, какіе внушало ему краснорѣчіе. Едва успѣлъ онъ кончить рѣчь свою, какъ предсхавленіе его было одобрено всѣми присущсшвовавшими, кромѣ Маркиза де Граны, который, усердсшвуя Авсшрійскому Дому и увлекаясь опкровенностью своей націи, оспоривалъ мнѣніе перваго Министра и ушверждалъ прошивное съ такою силою, что Король, пораженный основательностью его сужденій,

преклонился на его сторону, вопреки всѣмъ голосамъ Совѣта, и назначилъ день для отъѣзда своего въ армию.

Монархъ еще первый разъ въ жизни осмѣлился мыслить иначе, нежели его любимецъ, копорый, починая такую новизну за крайнюю обиду, весьма оскорбился. Когда онъ шелъ къ себѣ въ кабинетъ, чшобы дать полную волю своей досадѣ, то увидѣлъ меня, позвалъ и взялъ съ собою. Тамъ рассказалъ мнѣ съ безпокойнымъ видомъ все происходившее въ Совѣтѣ; напоследокъ, какъ человекъ, не могущій опомниться отъ удивленія, продолжалъ: „Да, Саншилана,

Король, который болѣе двад-
цащи лѣтъ говорилъ только
моими устами и смотрѣлъ
моими глазами, мнѣніе де Гра-
ны предпочелъ моему; осыпалъ
эшаго посланника похвалами,
и особенно превозносилъ рев-
ность его къ пользамъ Ав-
стрійскаго Дома, какъ будто
бы Нѣмецъ былъ ревностнѣе
природнаго Испанца.“

„Изъ эшаго не мудрено по-
няшь, примолвилъ Миниспръ,
что есть прошивъ меня за-
говоръ, въ кошоромъ главнѣй-
шая учасшница Королева.“—
И! Ваша Свѣтлость, возра-
зилъ я, о чемъ вы безпокои-
тесь? Какъ можно вамъ бо-
яшься Королевы? Развѣ она

не привыкла въ печеніи двѣ-
 надцаши лѣтъ видѣть Госу-
 дарственныя дѣла въ рукахъ
 вашихъ, и развѣ не пріучили
 вы Короля, чшобъ онъ съ ней
 не совѣщовался? Чшожь ка-
 сается до Маркиза де Граны,
 то Его Величество, можетъ
 бытъ, пошому только согла-
 сился на его мнѣніе, что же-
 лаетъ видѣть свою армію и
 сдѣлать походъ.—, Ты не такъ
 понимаешь, прервалъ Графъ-
 Герцогъ, скажи лучше, непрі-
 ятели мои надѣяшся, что
 Король, находясь при своихъ
 войскахъ, безпрестанно окру-
 женъ будетъ вельможами, и
 что многіе изъ нихъ, недо-
 вольные мною, осмѣлятся по-

носишь предъ нимъ мое управленіе. Но они обманушся, прибавилъ онъ; я знаю, какъ сдѣлашь Государя, во время путешесствія, неприступнымъ для всѣхъ знашныхъ особъ.“ И онъ дѣйствительно успокоялъ въ своемъ словѣ.

Когда насталъ день отъѣзда, Король, поручивъ правленіе, на время своего отсушствія, Королевѣ, предпринялъ путь въ Сарагоссу; но, до прибытія туда, захалъ въ Аранжуэцъ, гдѣ жишь показалось ему такъ весело, что онъ остался тамъ около шрехъ недѣль. Изъ Аранжуэца Миниспръ заманилъ его въ Куэнсу, и шущъ забавлялъ его

еще долѣе разными увеселе-
 ніями. Попомъ псовая охоша
 заняла его въ Молинѣ; а по-
 слѣ уже пріѣхалъ онъ въ Са-
 рагоссу. Армія его была не
 далеко, и онъ готовился шу-
 да ѣхать; но Графъ-Герцогъ
 опоклонилъ его, увѣривъ, что
 онъ подвергнетъ себя опасно-
 сти попавъ въ руки къ
 Французамъ, которые завла-
 дѣли Монсонскою долиною.
 Король, боясь мнимой бѣды,
 рѣшился остаться въ Сара-
 госсѣ, затворившись въ ней,
 какъ въ шемницѣ. Пользуясь
 эшимъ, Министръ, подъ ви-
 домъ попеченія о безопасно-
 сти Государя, не спускалъ
 его съ глазъ; такъ что вель-

можи, упошребившіе страш-
 ныя издержки, гошовась со-
 пушсшвовашь Его Величешву,
 не имѣли даже удовольствія
 лично ему предсшавишься. На-
 конецъ Филиппъ, соскучась
 неудобнымъ помѣщеніемъ въ
 Сарагоссъ, а еще болѣе ху-
 дымъ препровожденіемъ вре-
 мени, или лучше сказашь,
 плѣномъ своимъ, вскорѣ воз-
 врашился въ Мадридъ. Та-
 кимъ образомъ окончилъ онъ
 походъ свой, предосшавивъ
 Главнокомандующему надъ вой-
 сками, Маркизу де-лосъ Ве-
 лецу, поддержасть славу Ис-
 панскаго оружія.

ГЛАВА ІХ.

*Бунтъ Португальцевъ.
Паденіе Графа-Герцога.*

Спустя нѣсколько дней по прибытіи Короля въ Мадридъ, пронесся непріятный слухъ, что Португальцы, почившая возмущеніе Капалонцевъ за удобный случай свергнувъ съ себя Испанское иго, приняли оружіе, и, избравъ въ Короли Герцога Браганскаго, вознамѣрились поддерживать его на престолѣ. Они надѣялись успѣть въ своемъ предпріятіи пошому, что Испанія имѣла тогда враговъ въ Германіи, Италіи, Фландріи и Ка-

шалоніи. И дѣйствительно не могли они найти благопріятнѣе времени избавишься отъ ненавистной имъ власти.

Всего страннѣе было то, что Графъ - Герцогъ тогда, какъ Дворъ и городъ находились отъ сего извѣстія въ уныніи, вздумалъ издѣваться предъ Королемъ на счетъ Герцога Браганскаго; но Филиппъ, не слушая неумѣстныхъ его шутокъ, принялъ на себя важный видъ, который смущилъ Министра и далъ почувствовать, что Царское къ нему благоволеніе скоро кончилось. Въ самомъ дѣлѣ Его Свѣшлость уже не сомнѣвался

въ своемъ паденіи , когда узналъ , что Королева явно прошивъ него возсшала, и обвиняла его, что онъ дурнымъ своимъ правленіемъ подалъ поводъ къ буншу въ Поршугалліи. Большая часть вельможъ, и особенно шъ , кои ѣздили въ Сарагоссу, коль скоро замѣшили бурю надъ головою Графа-Герцога , то и присоединились къ Королевѣ ; послѣдній же ударъ нанесла ему вдовспвующая Герцогиня Маншуанская , бывшая Правительница Поршугалліи : она , пріѣхавъ изъ Лиссабона въ Мадришъ, ясно доказала Королю, что революція въ семъ Государствѣ послѣдовала опъ

недосмотрѣнія перваго его
Министра.

Слова этой Принцессы произвели сильное впечатлѣніе въ умъ Монарха, который, увидѣвъ слѣпую свою привязанность къ любимцу, лишилъ его вовсе прежней своей милости. Когда Министръ узналъ, что Король слушаетъ враговъ его, то написалъ къ нему письмо, прося дозволенія сложить съ себя должность и удалиться отъ Двора, такъ какъ несправедливо вѣняли ему въ вину всѣ несчастія, приключившіяся Государству во время его управленія. Онъ думалъ, что письмо сіе будетъ имѣть желас-

мое дѣйствіе, и что Король, по привязанности къ нему, не захочетъ согласишься на его удаленіе; но весь отвѣтъ Его Величества заключался въ сихъ словахъ: „Увольняю; поѣзжайте, куда хошите.“

Этотъ отвѣтъ, написанный Королемъ собственноручно, былъ громовымъ ударомъ для Графа - Герцога. Между тѣмъ, показывая прищворную швердосъ, спросилъ онъ меня, что сдѣлалъ бы я на его мѣстѣ. „Спокойно оставилъ бы Дворъ, отвѣчалъ я, и уѣхалъ бы въ которое нибудь изъ своихъ помѣстьевъ, чтобъ провести оставокъ дней моихъ въ покоѣ.“—Благоразумное

разсужденіе! Я также думаю удалишся въ Лозхесъ, и шамъ навсегда ошпашься, погово- ривъ шолько въ послѣдній разъ съ Королемъ. Мнѣ же- лашельно доказашъ ему, чшо я дѣйсшвовалъ по чисшой со- вѣсши, неся шяжкое бремя, на меня возложенное, и чшо не въ моей было волѣ пред- ошврашишъ печальныя проис- шесшвія, копорыя спавяшъ мнѣ въ пресшупленіе; въ эшомъ я не болѣе виновашъ, какъ искусный кормчій, ко- порый, не смошря на все свое сшараніе, видишъ корабль свой обуреваемый въшпромъ и бол- нами.—

Министръ ласкался еще, что поговоря съ Государемъ, можешь поправить дѣло; но къ этому не было никакихъ средствъ: отъ него потребованъ даже и ключъ, копорый имѣлъ онъ для входа въ комнашы Его Величества.

Тогда уже удосповѣрясь, что нѣтъ для него нисмалѣйшей надежды, онъ твердо рѣшился оставить Дворъ и городъ. Пересмотрѣлъ свои бумаги, изъ коихъ многія сжегъ, какъ требовало благоразуміе; потомъ назначилъ служителей, копорыхъ хотѣлъ взять съ собою, и далъ приказаніе изготовиться къ отъѣзду на другой же день. Опасаясь,

чтобъ, при выходѣ изъ дому, чернь не встрѣпила его ругательствами, пробрался онъ рано по утру чрезъ кухни, съѣлъ съ Духовникомъ своимъ и со мною въ старую карету, и поѣхалъ въ свою деревню, Лозхесъ, гдѣ Графиня, его супруга, построила великолѣпный женскій Монастырь Доминиканскаго ордена. Мы поспѣли туда меньше, нежели черезъ четыре часа, а вскорѣ за тѣмъ прибыла и вся свита Его Свяшлости.

ГЛАВА X.

Графъ-Герцогъ сперва тужитъ и беспокоится; послѣ переходитъ совсѣмъ въ противное состояніе. Занятія его въ цѣдиненіи.

Графиня Оливарецъ, отпущивъ супруга своего въ Лозхесъ, оспалась на нѣсколько дней при Дворѣ въ намѣреніи испытать, не лѣзя ли просьбами и слезами возвращитъ ему прежнюю милость; но сколько ни припадала къ ногамъ Ихъ Величествъ, Король ни мало не внималъ ея представленіямъ, какъ ни были онѣ убѣдительны; а Ко-

ролева, смертельно ее ненавидѣвшая, еще съ удовольствіемъ смотрѣла на ея слезы. Супруга Министра на томъ не остановилась: она унизила себя до того, что и у самыхъ дамъ, окружавшихъ Королеву, искала предшпельства; но такая низость возбудила къ ней больше презрѣнія, чѣмъ жалости. Огорчась, что понапрасну употребила столько уничижительныхъ попытокъ, уѣхала къ мужу, чтобы вмѣстѣ съ нимъ оплакивать потерю мѣста, которое при такомъ Государѣ, каковъ Филиппъ IV, было, можетъ быть, первое въ Монархіи.

Графиня, рассказывая мужу, въ какомъ состояніи оставила Мадридъ, усугубляла его горестъ. „Непріятели твои (говорила она со слезами), Герцогъ Медина Цели и другіе вельможи, которые тебя ненавидятъ, безпрестанно выхваляющъ Короля за то, что онъ опрѣшилъ тебя ошъ Министерства; а народъ поржесшвуешъ паденіе твое съ наглою радостью, какъ будто бы конецъ Государственныхъ бѣдшвій зависѣлъ ошъ окончанія твоего управленія.“ — Послѣдуй, милая, моему примѣру (опвѣчалъ Графъ - Герцогъ): перестань сокрушаться; уступимъ грозѣ, которая

прошивъ насъ возспала. При-
знаюсь, я думалъ, что сча-
стіе мое продлился до кон-
ца жизни: обыкновенная меч-
та Министровъ и любимцевъ,
кошоріе забываютъ, что
судьба ихъ зависишь ошъ Го-
сударя. Не подобно ли мнѣ
обманулся и Герцогъ Лерма,
воображая, что Кардинальская
одежда, въ копорую онъ об-
лекся, естъ вѣрная порука за
непрерывное продолженіе его
власши?—

Такъ увѣщевалъ Графъ-Гер-
цогъ супругу свою вооружишь-
ся терпѣніемъ, а между шѣмъ
самъ находился въ великомъ
безпокойствѣ, копорое воз-
обновлялось ежедневно извѣ-

спіями опъ Дона Генриха. Сей послѣдній оставался при Дворѣ для наблюденія тамошнихъ происшествій, и увѣдомлялъ опца своего обо всемъ подробно. Сципіонъ, кошорый со времени женидьбы его на Доннѣ Жуаннѣ, вмѣсто меня при немъ находился, привозилъ его письма. Новости всегда получались печальныя: къ несчастію, другихъ мы и не ожидали. Иногда писалъ онъ, что Гранды не только радовались явно удаленію Графа-Герцога, но еще согласились между собою опнять у его приверженцевъ чины и должности, и замѣстипь онья его непріятелями. Въ другое

время увѣдомлялъ, что Донъ Людовикъ де Гаро начинаешъ входишь въ милосшъ, и, по всей вѣроятности, будешъ Минисшромъ. Болѣе всего, какъ казалось, опечалило Оливареца извѣстіе о перемѣнѣ въ Неаполитанскомъ Вицеройствѣ, съ котораго Дворъ, единственнo ему въ досаду, смѣнилъ. Герцога Медину де ла Торресъ, имъ любимаго, и ошдалъ эшо мѣсто Каспильскому Адмиралу, котораго онъ всегда ненавидѣлъ.

Можно сказашь, что первые три мѣсяца Его Свѣшлосшъ чувствовалъ въ своемъ уединеніи одно только безпокойство и горесшъ; но Ду-

Хорникъ его, монахъ Доми-
 никанскаго ордена, соединяв-
 шій истинное благочестіе съ
 убѣдительнымъ краснорѣчіемъ,
 умѣлъ наконецъ упѣшить его.
 Каждую минушу представ-
 ляя ему съ твердостью, что
 онъ долженъ помышлять о
 спасеніи души своей, имѣлъ
 счастіе, съ помощію благода-
 ти, ошвратить сердце его
 ошъ Двора. Его Свѣшлость
 пересталъ уже занимать
 Мадридскими новостями, и
 старался единственно приуго-
 товить себя къ Христіян-
 ской кончинѣ. Госпожа Оли-
 варецъ, съ своей стороны,
 воспользовавшись уединеніемъ,
 нашла въ Монастырѣ, ею са-

мою основанномъ , утѣшеніе
 уготованное Промысломъ. Ме-
 жду монахинями были свящя-
 дѣвы , копорыя назидатель-
 ными своими бесѣдами нечув-
 ствительно усладили горесшѣ-
 ея жизни. Чѣмъ болѣе Графъ-
 Герцогъ опклонялъ мысли
 свои опъ жипейскихъ суеш-
 носпей, тѣмъ спановился спо-
 койнѣе. Вопъ какъ располо-
 жилъ онъ свое время: почти
 все утро проводилъ въ слу-
 шаніи божеспвенной службы
 въ Монаспырѣ ; возвращясь
 опшуда, обѣдалъ; попомъ за-
 бавлялся разными играми со
 мной или съ кѣмъ нибудь изъ
 своихъ приближенныхъ ; по-
 слѣ того удалялся обыкновен-

но одинъ въ свой кабинетъ ,
гдѣ и оставался до захожде-
нія солнца ; тогда уже про-
хаживался въ саду, или ѣздилъ
въ каретѣ прогуляться по
окрестностямъ своего замка,
иногда съ Духовникомъ , а
иногда со мною.

Однажды , будучи съ нимъ
одинъ и удивляясь веселости,
блиставшей на лицѣ его , я
осмѣлился сказать ему: „По-
звольте, Милоспивѣйшій Го-
сударь, обнаружить предъ ва-
ми мою радость; по удоволь-
ствию , какое вижу во всѣхъ
чертахъ вашихъ, я сужу, что
Ваша Свѣтлость начинаете
привыкать къ уединенію.“—
Я уже совсемъ къ нему при-

выкъ , отвѣчалъ онъ ; и не
смотря на прежнее долговре-
менное занятіе мое Государ-
спвенными дѣлами , скажу
тебѣ , мой другъ , откровенно,
что день ото дня нахожу бо-
лѣе пріятносшей въ тихой
и покойной жизни , которую
веду теперь. —

ГЛАВА XI.

*Графъ-Герцогъ становит-
ся вдругъ пегаленъ и за-
думчивъ. Удивительная
причина его грусти и
худое слѣдствіе оной.*

Графъ - Герцогъ, для пере-
мѣны заняцій, любилъ иногда
прудиться въ своемъ саду.
Однажды, когда смотрѣлъ я
на его работу, онъ сказалъ
мнѣ шузя: „Ты видишь, Сан-
шиллана, что удаленный опъ
Двора Министръ сдѣлался са-
довникомъ въ Лозхесъ.“—Ва-
ша Свѣшлосшь (опвѣчалъ я
въ томъ же тонѣ) мнѣ пред-
савляешся, что вижу Діонисія

Сиракузскаго школьнымъ учителемъ въ Коринѣ.—Онъ улыбнулся, и, казалось, былъ доволенъ такимъ сраженіемъ.

Мы всѣ въ замкѣ радовались, что помѣщикъ нашъ, позабывъ свое несчастіе, находилъ пріятности въ образѣ жизни, споль различной опшъ прежней, какъ вдругъ съ прискорбіемъ замѣтили, что онъ началъ перемѣняшся: сдѣлался мраченъ, молчаливъ и впалъ въ глубокую меланхолю. Переспалъ играшъ съ нами и казался нечувствительнымъ ко всему, чѣмъ ни хопѣли мы развлечь его. Запирался послѣ обѣда въ своемъ кабинетѣ, и не выходилъ

опшуда до самого вечера. Мы воображали, что печаль его происходишь опъ воспомина-
нїя о минувшемъ его величїи;
въ эпомъ мнѣнїи напустили
на него Доминиканца, красно-
рѣчіе котораго не могло
однакожь воспоржесшвовашъ
надъ его задумчивостїю: вмѣ-
сто того, чпобъ уменьшашъ-
ся, она день опо дня увели-
чивалась.

Мнѣ пришло въ голову,
что печаль Министра имѣешъ
какую нибудь шайную причи-
ну; я вознамѣрился вывѣдашъ
у него оную. Въ семъ намѣ-
ренїи искалъ минушы пого-
воришъ съ нимъ безъ свидѣ-
телей, и мнѣ удалось эшо.

„Милоспивѣйшій Государь;
 (сказалъ я ему съ видомъ по-
 чтенія и преданности) смѣешь
 ли Жилблазъ сдѣлать одинъ
 вопросъ Вашей Свѣшлости?“—
 Говори, отвѣчалъ онъ; я те-
 бѣ позволяю.—„Куда дѣвалось,
 продолжалъ я, то удоволь-
 ствіе, кошорое сіяло прежде
 на лицѣ вашемъ? Не ужь ли
 вы переспали спокойно взи-
 рать на перемѣны счастія?
 Не потеря ли высокой сте-
 пени возбуждаешь въ васъ
 снова сожалѣніе? Не опять ли
 погрузились вы въ бездну
 скуки, изъ кошорой извлекла
 васъ Религія?“—Нѣтъ, благо-
 дареніе Небу, возразилъ Ми-
 нистръ, я совершенно забылъ

ту ролю, кошую игралъ
 при Дворѣ, забылъ всѣ преж-
 нія почести.—, Для чего же,
 имѣвъ силу истребить все
 это изъ вашей памяти, вы
 теперь столь слабы, что пре-
 даешься меланхоліи, кошая
 насъ ужасаетъ? Что съ вами
 случилось, дражайшій мой бла-
 годѣтель?— (продолжалъ я,
 бросаясь къ ногамъ его). Вы,
 безъ сомнѣнія, имѣете шай-
 ную скорбь, кошая васъ со-
 крушаетъ. Можете ли скры-
 вать ее отъ Санпилланы, ко-
 шораго скромность, усердіе
 и вѣрность вамъ извѣстны?
 Какимъ несчастнымъ случа-
 емъ потерялъ я вашу довѣ-
 ренность?—

—Ты никогда не терялъ ее, но, признаюсь, не хотѣлось бы мнѣ опкрышь тебѣ причину моей печали: впрочемъ не могу прошивишься убѣжденіямъ шакого друга, каковъ ты. И шакъ знай, что меня сокрушаетъ; одному только Савшилланѣ рѣшаюсь сдѣлать эту довѣренность. Да, продолжалъ онъ, меня снѣдаетъ мрачная задумчивость, и мало по малу приближаетъ ко гробу: почти каждую минушу вижу какое-то ужаснѣйшее спрашилище. Сколько ни увѣряю самъ себя, что это одна мечта, одно привидѣніе, неимѣющее ничего вещественнаго, безпрестанныя появленія

его превозжасть меня чрезвычайно. Хопя во мнѣ есть еще сполько ума, чшобъ почишашъ это спрашилище за пусшой призракъ, однакожь я шакъ слабъ, что не могу не сокрушашься. Вошъ что заспавилъ ты меня опкрышь тебѣ; теперь посуди самъ, не долженъ ли я былъ шайшъ опъ всѣхъ причину моей задумчивости?—

Съ удивленіемъ и вмѣспѣ съ прискорбіемъ услышалъ я о такомъ спранномъ случаѣ, изъ кошораго можно было заключишь, что Министръ помѣшался въ разумѣ. „Ваша Свѣшлосшь, сказалъ я ему, не происходишь ли это опъ того, что вы мало кушаете?

Вы уже слишкомъ воздержны. — Я и самъ сперва по же думалъ, ошвѣчалъ онъ, и чшобъ испышашъ, не ошъ шого ли эшо, ѳмъ ужъ нѣсколько дней болѣе обыкновеннаго; но все напрасно: призракъ не пересшаешъ являшся. —, Онъ исчезнешъ (говорилъ я ему въ упѣшеніе). Если Вашей Свѣш-лосши угодно будешъ, для разсѣянія, опяшъ позаняшся какою нибудь игрою съ вашими вѣрными слугами, шо надѣюсь, вы скоро избави-шесь ошъ мрачныхъ мечша-ній. “

Спустя нѣсколько времени послѣ эшаго разговора, Графъ-Герцогъ занемогъ, и, чувствуя

опасность , послалъ въ Мад-
 ридъ за двумя Нотаріусами,
 чшобъ написать духовную.
 Велѣлъ также вызвать оп-
 шуда шрехъ славныхъ меди-
 ковъ, кошорымъ удавалось ино-
 гда вымѣчивашъ больныхъ сво-
 ихъ. Лишь только узнали въ
 замкѣ о пріѣздѣ сихъ послѣд-
 нихъ, какъ поднялся плачь и
 рыданіе: смерть Его Свѣшло-
 сти почиталась уже неиз-
 бѣжною , споль сильно было
 предубѣжденіе прошивъ го-
 сподъ медиковъ. Они привез-
 ли съ собою Аптекаря и Хи-
 рурга, обыкновенныхъ испол-
 нителей ихъ приговоровъ.
 Сперва оставили Нотаріусовъ
 исполняшъ свое дѣло, потомъ

принялись дѣйствовать сами. Они держались правилъ Доктора Санградо : съ перваго консиліума опредѣлили пускать больному кровь разъ за разомъ , такъ что черезъ шесть дней довели его до крайности , а въ седьмой избавили отъ привидѣнія.

По кончинѣ Графа-Герцога водворилось въ замкѣ живое и непришворное сѣшование. Всѣ служители горько по немъ плакали. Ихъ не ушѣшала и награда, въ завѣщаніи покойнаго имъ назначенная; и вѣрно бы каждый изъ нихъ охотно отказался отъ своей доли, еслибъ только могъ чрезъ то возврашшъ жизнь своему

господину. Чшожь касается до меня, шакъ какъ онъ любилъ меня особенно, и какъ я преданъ былъ ему изъ одной искренней привязанности, то смерть его сильнѣе всѣхъ меня поразила. Сомнѣваюсь, больше ли пролилъ я слезъ по Антоніи, чѣмъ по Графъ-Герцогъ.

ГЛАВА XII.

Что происходило въ замкѣ Лозхесѣ по смерти Графа - Герцога; и какое намѣреніе принялъ Сантиллана.

Министръ, по силѣ завѣщанія его, погребенъ въ Дѣвичьемъ Монастырѣ, безъ

всякой пышности и велико-
 лѣпія. Послѣ похоронъ, Го-
 спожа Оливарецъ велѣла про-
 читашь намъ духовную, ко-
 шорою всѣ имѣли причину
 бытъ довольными. Каждому
 отпказана награда, соотвѣш-
 ственная занимаемому мѣсту,
 и самая меньшая состояла
 изъ двухъ тысячъ реаловъ.
 На мою часть досталось
 всѣхъ болѣе. Графъ - Герцогъ
 завѣщаль выдашь мнѣдесять
 тысячъ писполой, въ знакъ
 особенной его любви ко мнѣ.
 Онъ не забылъ и госпиталей;
 велѣлъ также раздать нѣко-
 торую сумму по Монасты-
 рямъ на ежегодное по немъ
 поминовеніе.

Госпожа Оливарецъ опослала всѣхъ служителей въ Мадридъ, для полученія тамъ отпущенной каждому части отъ управителя Дона Раймонда Капориса, который имѣлъ уже на сію выдачу повелѣніе; но я не могъ съ ними ѣхать; сильная лихорадка, плодъ чрезвычайной печали, удержала меня въ замкѣ на цѣлую недѣлю. Въ это время Доминиканецъ не оставлялъ меня. Онъ имѣлъ большую ко мнѣ привязанность, и, помышляя единственно о моемъ благѣ, спросилъ меня, когда я началъ оправляться, что думаю дѣлать съ собою?— „Самъ не знаю, отвѣчалъ я;

не могу еще ни на что рѣ-
 шиться; бываюшъ иногда
 минушны, въ копорыя поку-
 шаюсь оспавишъ свѣшъ и
 заключишъ въ келью на по-
 каяніе.— Минушны драгоцѣн-
 ныя! вскричалъ Доминиканецъ;
 воспользуйшесь ими, господинъ
 Саншиллана. Совѣшую вамъ,
 какъ другу, хошя и не по-
 спригаясь, удалишъ въ ка-
 кой нибудь Монашпырь, на
 примѣръ, въ нашъ, Мадрид-
 ской. Вы сдѣлаешъ благо-
 шворишелемъ его, уступивъ
 ему все ваше имѣніе, и умре-
 ше блаженно въ одеждѣ Свя-
 шаго Доминика. Многіе та-
 кимъ образомъ заглаживаюшъ
 грѣхи мірской жизни.—

Въ тогдашнемъ расположе-
ніи моего духа, совѣтъ мо-
наха не показался мнѣ стран-
нымъ, и я оправдывалъ Его Пре-
подобію, что объ этомъ подум-
ваю. Но когда я сообщилъ о
томъ Сципіону, который во-
шелъ ко мнѣ минуша спуская
послѣ монаха, то онъ вопро-
шившись такой мысли, по-
чипая ее за мечту больного
человѣка. „И! господинъ Сан-
шиллана, сказалъ онъ мнѣ,
какъ можешь нравиться вамъ
подобное уединеніе? Не гораз-
до ли пріятнѣе жить въ
замкѣ вашемъ Лиріасѣ? Если
прежде вы прельщались имъ,
то теперь найдете тамъ еще
болѣе удовольствія, будучи

въ такихъ лѣсахъ, когда красота природы должны дѣлать на васъ сильнѣйшее впечатлѣніе.“

Косколинину сыну не трудно было переменить во мнѣ мысли. „Другъ мой, сказалъ я ему, ты убѣдилъ меня болѣе, чѣмъ Доминиканецъ. Въ самомъ дѣлѣ я вижу, что лучше возвратиться въ мой замокъ, и остаюсь при этомъ намѣреніи. Поѣдемъ опять въ Лиріасъ, коль скоро буду я въ состояніи пуститься въ дорогу.“ Не нужно было долго ждать эшаго: лихорадка меня оставила, и я въ короткое время получилъ прежнія силы. Мы съ Сципіономъ

отправились въ Мадридъ ,
 видъ кошораго не доставлялъ
 уже мнѣ такого удовольствія,
 какъ прежде. Зная , что по-
 чти всѣ жилили онаго про-
 клинали незабвенную для ме-
 ня память Министра , я не
 могъ смотрѣть на сей го-
 родъ безъ негодованія; по чему
 и остановился въ немъ толь-
 ко дней на пять или на
 шесть, копорые Сципiонъ у-
 потребилъ на приготавленiя
 къ отъѣзду нашему въ Ли-
 рiасъ. Между тѣмъ , я схо-
 дилъ къ Капорису и полу-
 чилъ отъ него отказанныя
 мнѣ деньги двойными писпо-
 лями ; побывалъ у арендапо-
 ровъ тѣхъ Коммандорствъ ,

съ которыхъ назначена мнѣ пенсія; условился съ ними о плашежѣ оной; словомъ, привелъ всѣ дѣла мои въ порядокъ.

Наканунѣ нашего отъѣзда, спросилъ я Косколинина сына, простился ли онъ съ Дономъ Генрихомъ. „Простился сегодня, отвѣчалъ онъ; мы расстались друзьями; онъ сказалъ мнѣ, что ему непріятно отпустить меня; но сколько онъ былъ доволенъ мною, столько я не доволенъ имъ. Мало того, чтобы слуга нравился господину, надобно также, чтобы и господинъ не былъ слугѣ прошивень; иначе они не уживутся. Впро-

чемъ, прибавилъ онъ, Донъ Генрихъ и при Дворѣ въ жалкомъ положеніи; всѣ его презирають; на улицахъ указываютъ на него пальцами, и не называютъ иначе, какъ сыномъ Генуэзки. Посудите же, пріятно ли порядочному малому служишь у чловѣка обруганнаго?“

Наконецъ въ одинъ прекрасный день, на самомъ разсвѣтѣ, выѣхали мы изъ Мадрида, и пустились по Куэнской дорогѣ; вошъ въ какомъ порядкѣ и въ какомъ экипажѣ: мы съ Секретаремъ сидѣли въ коляскѣ, заложенной парой муловъ, копорыми правилъ извозчикъ; непосред-

спвенно за нами два погонщика вели муловъ, навьюченныхъ нашими пожипками; попомъ ѣхали верьхами два рослыхъ лакея, нанятые Сципиономъ и съ головы до ногъ вооруженные. У погонщиковъ были сабли, а у извозчика пара писполешовъ. Такъ какъ насъ было семеро, въ помъ числѣ шестеро самыхъ опважныхъ, то я продолжалъ путь свой весело, не опасаясь разбоя. Въ деревняхъ, чрезъ кошорыя мы проѣзжали, мулы наши гордо позванивали своими колокольчиками; крестьяне выбѣгали къ ворошамъ смопрѣшь на тянувшійся экипажъ, который казался имъ

экипажемъ какого нибудь Гран-
да, отправляющагося на Ви-
церойство.

ГЛАВА XIII.

*Жилблазъ возвращается
въ свой замокъ. Какъ онъ
обрадовался, нашедъ Сера-
фину, свою крестницу,
уже взрослою; и въ кого
влюбился*

Не имѣя причины спѣ-
шишь, былъ я въ дорогѣ цѣ-
лая двѣ недѣли; мнѣ хотѣ-
лось только пріѣхать благо-
получно въ Лиріасъ, и желаніе
мое исполнилось. При видѣ

замка сперва почувствовала я грусть: мнѣ пришла въ голову Антонія; но мысли мои скоро опять успокоились: я рѣшился заниматься только веселыми предметами; впрочемъ, двадцать два года, прошедшіе послѣ смерти жены моей, много ослабили мое объ ней воспоминаніе.

Лишь только вступилъ я въ замокъ, какъ Беатрикса и дочь ея явились на поклонъ ко мнѣ; потомъ отецъ, мать и дочь обнимались съ радостными восклицаніями, которые привели и меня въ восхищеніе. Любуясь моею крестницею, я сказала: „Возможно ли, чтобы это была та самая Серафи-

на , копорую , при опѣздѣ
 моемъ изъ Лиріаса оставилъ
 я въ колыбели? Какъ она вы-
 росла! какъ похорошѣла! Надоб-
 но поискать ей жениха.“—
 Какъ, сударь, вскричала моя
 крестница, покраснѣвши опъ
 послѣднихъ словъ моихъ, вы
 едва успѣли меня увидѣшь, а
 уже хопите сбышь съ рукъ!—
 „Нѣтъ, душенька, отвѣчалъ я,
 мы не думаемъ съ побою раз-
 спаться : желаемъ тебѣ ша-
 кого мужа , съ копорымъ бы
 жила ты не покидая своихъ
 родишелей , и копорый бы ,
 шакъ сказашь, соспавлялъ од-
 ну съ нами фамилію.“—

—Такой и свашаешся, ска-
 зала Беаприкса. Одинъ здѣш-

ній дворянинъ, увидѣвъ Сера-
 фину въ нашей церкви, по-
 любилъ ее. Онъ приходилъ ко
 мнѣ съ объясненіемъ и просилъ,
 чтобъ я ее за него выдала.
 Я отвѣчала ему, что это не
 въ моей волѣ; что Серафима
 зависитъ отъ своего отца и
 отъ васъ; что вы только мо-
 жете располагать ею, и что,
 если ему угодно, увѣдомлю
 васъ о его сватовствѣ, ко-
 торое дѣлаешь честь моей до-
 чери. Я и въ самомъ дѣлѣ,
 продолжала она, хотѣла пи-
 сать къ вамъ тогда же; но
 вотъ и сами вы здѣсь; из-
 вольте дѣлать, какъ лучше
 разсудите.—

„Да каковъ эптошь дворянинъ?—спросилъ Сципіонъ. Не походишь ли на большую часть Гидалговъ? Не гордишься ли своимъ благородствомъ, и не презираешь ли людей неважнаго происхожденія?“— О! совсемъ нѣтъ, отвѣчала Беатрикса; онъ человекъ очень смирный и ласковый; при томъ же недурень собою и въ лучшихъ лѣтахъ.—, Прекрасная партія, кумушка! подхвашилъ я; а какъ зовушь его?“—Донъ Жуанъ де Юшелла. Онъ недавно осшался послѣ отца полнымъ наследникомъ, и живешь въ замкѣ, около мили отсюда, съ меньшею сестрою, копорая у него подъ опекой.—, Я

слыхалъ о фамиліи эшаго дворянина; она изъ благороднѣйшихъ въ Валенцкомъ Королевствѣ.“— Качества ума и сердца (вскричалъ Сципіонъ) я предпочитаю всякому дворянству; и этошъ Донъ Жуанъ для насъ хорошъ, если онъ чело-вѣкъ честный.—,, Такъ объ немъ всѣ говорятъ (подхватила Серафина, вмѣшавшись въ нашъ разговоръ); жишели Лиріаса, которые знаютъ его, имъ не ухваляшся.“— При сихъ словахъ моей крестницы, я съ улыбкою взглянулъ на отца ея, который, шакже не пропустивъ ихъ мимо ушей, заключилъ изъ того, что женихъ не прошивенъ его дочери.

Этотъ кавалеръ скоро узналъ о нашемъ прїѣздѣ въ Лиріасъ, пошому что черезъ два дни явился въ нашъ замокъ. Онъ обошелся съ нами вѣжливо и благородно, и при супсшвіемъ своимъ не только подтвердилъ все сказанное Беатриксою, но подалъ намъ о себѣ еще лучшее мнѣніе. Онъ говорилъ намъ, что какъ сосѣдъ, прїѣхалъ поздравить насъ съ благополучнымъ прибытіемъ. Мы приняли его съ возможною ласковостью. Но первое посѣщеніе прошло въ однѣхъ учтивостяхъ; и Донъ Жуанъ, не сказавъ ни слова о любви своей къ Серафинѣ, простил-

ся съ нами, прося только позволенія впредь посѣщать насъ, и пользоваться сосѣдствомъ, которое, какъ онъ надѣется, будетъ для него весьма пріятно. По отъѣздѣ его, Беаприкса спросила насъ, что мы объ немъ думаемъ. Мы отвѣчали, что онъ намъ очень понравился, и что счастье не могло доставить Серафинъ лучшей партіи.

На другой день послѣ обѣда поѣхалъ я съ Косколиннымъ сыномъ посѣтить Дона Жуана. Не зная дороги, взяли мы проводника, который чрезъ три четверти часа пущи сказалъ намъ: „Вашъ

замокъ Дона Жуана де Юшел-
 лы.“ Сколько ни глядѣли мы
 во всѣ стороны, однако не
 прежде увидѣли его, какъ со-
 всемъ уже къ нему подѣ-
 ѣхавъ; ибо споялъ онъ при
 подошвѣ горы, посреди лѣсу,
 котораго высокія деревья
 скрывали его отъ глазъ на-
 шихъ. Онъ имѣлъ видъ спа-
 риннаго и довольно вѣщаго
 сданія, которое доказывало
 больше благородное произ-
 хожденіе, нежели доспашокъ
 своего владѣтеля. Однакожь,
 вошедъ въ него, мы нашли,
 что обвѣщалося его возна-
 граждалась опрятностію убо-
 ровъ.

Донъ Жуанъ принялъ насъ въ порядочной залѣ, гдѣ представилъ намъ сестру свою, Дорошею, кошорой отъ роду было не болѣе двадцати лѣтъ. Она ожидала нашего посѣщенія, и пошому нарядилась какъ можно лучше. Представъ взору моему со всѣми своими прелеспиями, она произвела на меня по же впечатлѣніе, какое сдѣлала нѣкогда Антонія, по естъ, я смушился; но шакъ хорошо скрылъ свое смущеніе, что даже самъ Сципіонъ не могъ его примѣтити. Разговоръ нашъ, какъ и наканунѣ, начался шѣмъ же: мы изъявили взаимное удовольствіе видѣться

часто и жить добрыми со-
 сѣдами. Донъ Жуанъ и въ
 эшошъ разъ не говорилъ ни-
 чего о Серафинѣ; да и мы
 не подавали ему повода оп-
 крышья въ любви своей;
 намъ хопѣлось, чшобъ онъ
 объяснился первый. Между
 тѣмъ я часто обращалъ взо-
 ры на Дорошею, хопя и при-
 шворялся, сколько могъ, буд-
 то смотрю на нее безъ даль-
 нѣйшаго вниманія; и всякой
 разъ, когда вспрѣчались гла-
 за наши, я чувствовалъ, что
 новыя стрѣлы поражаютъ мое
 сердце. Однакожь, чшобъ оп-
 дать полную справедливостъ
 сеспрѣ Дона Жуана, я дол-
 женъ сказать, что она не бы-

ла совершенная красавица :
 при ослѣпительной бѣлизнѣ
 шѣла и успахъ румянѣе розы,
 носъ у ней былъ немножко
 длинень , а глаза маловашы ;
 но все вмѣстѣ плѣняло меня.

Корошко сказахъ , я вы-
 шелъ изъ замка Юшеллы уже
 не таковъ , какъ вошелъ ; и
 возвращаясь въ Лиріасъ , за-
 нимался одною Дорошеею : ее
 только и видѣлъ , объ ней
 только и говорилъ. „ Чшо
 эшо значишъ , сударь?—спро-
 силъ Сципіонъ , смошря на
 меня съ удивленіемъ—у васъ
 только и въ головѣ , чшо се-
 стра Дона Жуана! Не ужъ ли
 вы въ нее влюбились?“— Да ,
 мой другъ (ошвѣчалъ я) и

опшъ спыда краснѣю. Послѣ
 смерти Антоніи, видалъ я
 тысячу милыхъ женщинъ, и
 не плѣнялся ими, а наконецъ
 встрѣшился съ такою, ко-
 торая обворожила меня. —
 „Что за бѣда?—прервалъ сынъ
 Косколины. Вамъ должно ра-
 доваться этому случаю, а не
 печалишься: вы еще въ ша-
 кихъ лѣтахъ, что нѣтъ ни-
 чего смѣшнаго жертвовать
 Амуру, и время не опняло у
 васъ надежды нравиться. По-
 слушайтесь моего совѣта. у-
 видѣвшись съ Дономъ Жуа-
 номъ, смѣло сватайтесь къ
 сестрѣ его. Онъ не откажетъ
 такому человѣку, какъ вы; а
 въпрочемъ, если необходимо

надобно быть дворяниномъ,
 чшобъ женишься на Дорошеѣ,
 шо и въ такомъ случаѣ вамъ
 шужишь не о чемъ. Вы имѣ-
 еше грамоту на дворянство;
 чегожь болѣе для вашего по-
 помства? Когда время нало-
 жишь на нее обыкновенное
 покрывало свое, подъ кошо-
 рымъ находишься начало всѣхъ
 фамилій, тогда, послѣ четы-
 рехъ или пяти поколѣній,
 родъ Саншилановъ считаешь-
 ся будешь самымъ знамени-
 тымъ.“

ГЛАВА XIV.

*Дѣѣ свадьбы въ Лиріасѣ ,
и конецъ исторіи Жил-
блаза де Сантилланы.*

Такимъ образомъ Сципіонъ ободрялъ меня свашаться къ Дорошеѣ, не спрашась опъка-за; но я рѣшился на то не безъ опасенія. Хошя лице мое не показывало наспоющихъ лѣшъ моихъ, и я могъ еще ушайшь изъ нихъ добрый де-сяшокъ, однако и за шѣмъ не думалъ понравиться молодой красавицѣ. Наконецъ опва-жился просишь руки ея, коль скоро увижусь съ Дономъ Жуа-номъ, копорый съ своей сторо-

ны, не бывъ еще увѣренъ въ полученіи моей крестницы, также безпокоился.

Онъ пріѣхалъ ко мнѣ на другой день поутру, лишь только я одѣлся. „Господинъ Саншиллана, сказалъ онъ, мнѣ нужно поговорить съ вами объ одномъ важномъ обстоятельстве.“ Я ввелъ его въ кабинетъ, гдѣ онъ, прислушавъ къ дѣлу, продолжалъ: „Причина моего пріѣзда, думаю, вамъ извѣстна: я люблю Серафину; вы имѣете власть надъ опцемъ ея; пособи́те мнѣ получить предметъ любви моей; составьте счастье моей жизни.“ — Почтенный Донъ Жуанъ, ошвѣ-

чалъ я, шакъ какъ вы объяснились безъ околичностей, то позвольте и мнѣ послѣдовать вашему примѣру: обѣщая вамъ уговорить опца моей крестницы, прошу васъ оказать мнѣ ту же услугу при вашей сесприцѣ.—

При сихъ послѣднихъ словахъ, на лицѣ Дона Жуана показалось пріятное изумленіе, изъ котораго я предвѣщалъ себѣ желаемый успѣхъ. „Не ужь ли, спросилъ онъ, Дорошея плѣнила вчера ваше сердце?“—Совершенно, и я почелъ бы себя счастливейшимъ смертнымъ, если бы предложеніе мое обоимъ вамъ было угодно.— „Въ эпомъ вы не

должны сомнѣваться : при
 всемъ старинномъ дворянствѣ
 нашемъ , мы не откажемся
 породниться съ вами. “—Ког-
 да такъ , то я еще болѣе по-
 чишаю васъ : вы показываете
 здравый разсудокъ ; но ежели
 бы вы не захопѣли выдашь
 сестрицы вашей иначе , какъ
 за дворянина , то знайте , что
 я въ состояніи удовлество-
 рить и такому щеславію.
 Я двадцать лѣтъ занимался
 дѣлами при Министрахъ , и
 Король , въ награду за мою
 службу , пожаловалъ мнѣ гра-
 мошу на дворянство , кошо-
 рую вамъ сей часъ покажу. “—
 Тутъ вынулъ я бумаги свои
 изъ ящика , въ кошоромъ онѣ

хранились, и подалъ кавалеру. Прочтя ихъ опъ начала до конца съ великимъ вниманіемъ и удовольствіемъ, онъ сказалъ мнѣ: „Дорошея ваша.“—А вы, возразилъ я, считайте своею Серафину.—

И такъ положили мы сыграть деѣ свадьбы. Надобно было только знать, охотно ли согласятся на то наши невѣсты; ибо Донъ Жуанъ и я, будучи равно разборчивы, не хотѣли женишься на нихъ прошивъ ихъ воли. Почему первый возвратился въ замокъ Юшеллу, чѣмъ предложить мою руку сестрѣ своей, а я, призвавъ Сципіона, Беаприксу и мою крест-

ницу, сообщилъ имъ разгово-
 воръ, бывшій у насъ съ дво-
 ряниномъ. Беаприкса сказала,
 что и думашь объ этомъ
 долго нечего; Серафина мол-
 чаніемъ своимъ давала знашь,
 что и она согласна съ мнѣ-
 ніемъ матери. Чпожь ка-
 сается до ошца, шо хопя онъ
 не прошивился, но изъявилъ
 безпокойство въ разсужденіи
 приданаго, какое, по словамъ
 его, надобно дать дворянину,
 котораго замокъ требуетъ
 немедленной поправки. Я за-
 жалъ ротъ Сципіону, сказавъ,
 что это моя забота, и что
 я дарю крестницѣ чешыре
 тысячъ пистолей въ прида-
 ное.

Мы увидѣлись съ Дономъ Жуаномъ въ шопъ же вечеръ. „Дѣла ваши, сказалъ я, идушъ очень хорошо; желалъ бы я, чшобъ и мои были въ подобномъ сосшояніи.“—Онъ то же идушъ какъ не лъзя лучше, опшвѣчалъ онъ; я не имѣлъ надобности упошребляшъ власшъ для полученія согласіа опъ Дорошеи: наружностъ ваша и обращеніе ей понравились. Вы напрасно опасались, чшо ей не полюбитесь: она имѣетъ болѣе причины бояшся, чшо опдавая вамъ шолько сердце свое и руку. . . „А чего мнѣ болѣе?—прервалъ я въ восшоргъ рѣчь его. Когда прекрасная Дорошея

не прошивишся соединишь участь свою съ моею, то я ничего не пребую. Я сполько богашъ, чшо могу женишся на ней безъ приданого, и одно обладаніе ею естъ верхъ моихъ желаній!“

Донъ Жуанъ и я, будучи весьма довольны взаимнымъ нашимъ успѣхомъ, вознамѣрились поспѣшишь нашими свадьбами, опложивъ лишнія церемоніи. Я свелъ его съ родишелями Серафины для взаимнаго объясненія; и когда они обо всемъ между собою условились, то Донъ Жуанъ просился съ нами, давъ слово пріѣхать въ Лиріасъ съ Дорошеею. Желая показаться

невѣстѣ моей, сколько можно, пріятнѣе, употребилъ я по крайней мѣрѣ при часа на нарядѣ; и все еще не былъ доволенъ самъ собою. Молодому, которъй гошовишся къ свиданію съ любезною, это одна забава; но для человѣка, уже старѣющагося начинающаго, есть прямое занятіе. Однако я былъ счастливѣе, чѣмъ заслуживалъ: сестра Дона Жуана обошлась со мной такъ благосклонно, что я возмечталъ о себѣ, будто еще чего нибудь спою. Я имѣлъ съ нею продолжительный разговоръ; плѣнился умомъ ея, и думалъ что хорошими съ моей стороны поступками и угожде-

ніемъ сдѣлаюсь милымъ ей
 мужемъ. Въ столь сладостной
 надеждѣ, послалъ я въ Вален-
 цію за Нѣшаріусами, копорые
 пошчасъ написали свадебный
 конпрактъ; попомъ пригла-
 сили изъ Паперны Священ-
 ника, копорый обвинчалъ Дона
 Жуана и меня съ нашими воз-
 любимыми.

И такъ вшорично возжегъ
 я свѣпильникъ Гименея, и не
 имѣлъ причины расклевашься.
 Дорошея, какъ жена добродѣ-
 шельная, должностъ свою вмѣ-
 няла себѣ въ удовольствіе, и
 изъ признашельности къ спа-
 раніямъ моимъ предупреждашъ
 ея желанія, прилѣпилась вско-

рѣ ко мнѣ шакъ, какъ будто бы я былъ еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ. Съ другой стороны, Донъ Жуанъ и моя крестница воспламенились взаимною любовію, и, что всего страннѣе, жены наши возымѣли другъ къ другу живѣйшую и искреннѣйшую дружбу. Чтожъ касается до меня, въ шуринѣ моемъ нашелъ я сполько добрыхъ качествъ, что почувствовалъ къ нему истинную привязанность, за кошую плашилъ онъ шѣмъ же. Словомъ, согласіе, царствовавшее между нами, было таково, что по вечерамъ, прощаясь шолько до другаго дня, разсѣивались мы

не безъ сожалѣнія ; а это и побудило насъ рѣшившись изъ двухъ семействъ сослѣдовать одно , которое жило бы попеременно то въ Лиріасѣ , то въ Юшеллѣ ; на какой конецъ въ послѣднемъ изъ сихъ замковъ сдѣлали большія поправки на писполи Его Свѣшлосши покойнаго Графа-Герцога.

Вотъ уже три года , любезный чипашель , какъ наслаждаюсь я пріятною жизнію съ милыми для меня особами. Къ довершенію моего благополучія , Небо даровало мнѣ двухъ дѣтей , воспитаніе которыхъ будешь утѣхою моею

староспи , и опцомъ копо-
рыхъ почишаю себя безъ вся-
каго сомнѣнія.

КОНЕЦЪ ОСЬМОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ
ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ОСЬМОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

Гл. I. Величайшая радость
Жилблаза; какой пе-
чальный случай возму-
шилъ ее. Перемѣна при
Дворѣ, и возвращеніе Спр.
Саншиланы къ оному. - 1.

— II. Жилблазъ пріѣзжаетъ
въ Мадришъ; являешся
при Дворѣ; Король уз-
наетъ его и препору-
чаетъ первому Минис-
тру. Слѣдствіе сего. - 16.

— III. Что помѣшало Жил-
блазу исполнить при-
нятое имъ намѣреніе
оставишь Дворъ, и ка-

кую важную услугу ока-
залъ ему Іосифъ Навар-
ро. - - - - - 31.

ГЛ. IV. Жилблазъ приходишь
въ любовь у Графа Оли-
вареца. - - - - - 40.

— V. Тайный разговоръ Жил-
блаза съ Наварромъ, и
первое дѣло, поручен-
ное ему отъ Графа Оли-
вареца. - - - - - 48.

— VI. На что употребилъ
Жилблазъ пристра пи-
столей, и какое пору-
ченіе сдѣлалъ Сципіону.
Успѣхъ вышеупомяну-
таго сочиненія. - - - 63.

— VII. По какому случаю, въ
какомъ мѣсѣ и въ ка-
комъ сословіи на-
шелъ Жилблазъ друга
своего фабриція; о чемъ
они между собой гово-
рили. - - - - - 76.

ГЛ. VIII. Жилбазъ день ошо дня
приходишъ въ бѣольшую
любовь у Министра.
Сципiонъ возвращаетъ
ся въ Мадридъ, и раз-
сказываетъ о своемъ
путешествiи. - - - 89.

— IX. Какъ и за кого выдалъ
Графъ - Герцогъ дочь
свою; горькіе плоды се-
го брака. - - - - 99.

— X. Жилбазъ случайно
встрѣчается съ по-
этомъ Нуннецомъ, ко-
торый рассказываетъ ему,
что сочинилъ трагедію,
и что она скоро будетъ
представлена на Прин-
цевомъ театрѣ. Худой
успѣхъ пiесы, и какое
удивительное счастье
за тѣмъ послѣдовало. - 109.

— XI. Сципiонъ получаетъ
чрезъ Саншиллану мѣс-

то, и отправленіи
въ Новую Испанію - - 122.

ГЛ. XII. Донъ Альфонсъ де Лей-
ва пріѣзжаетъ въ Мад-
ридъ; что его къ по-
му понудило. Жилбазъ
печалился, а послѣ ра-
дуется. - - - - - 129.

— XIII. Жилбазъ вспрѣчается
во Дворцѣ съ Дономъ
Гаспономъ де Когол-
лосомъ и Дономъ Андре-
емъ Тордезилласомъ. Ку-
да они пошли всѣ трое.
Конецъ исторіи Дона
Гаспона и Донны Елены
де Галистео. Какую у-
слугу оказалъ Саншил-
лана Тордезилласу. - 143.

— XIV. Саншиллана посѣщаетъ
Спихошворца Нуннеца.
Какихъ госпей у него
находишь; о чемъ они
разсуждали. - - - - - 167.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

- ГЛ. I. Жилбазъ посланъ въ
Тоledo. Причина и у-
спѣхъ его поѣздки - - 176.
- II. Саншиллана ошдаешъ
опчешъ въ своемъ дѣлѣ
Министру, который по-
ручаешъ ему вызывать
Лукрецію въ Мадридъ.
Прибытіе шуда эшой
акприсы, и дебюшъ ея
при Дворѣ. - - - - 208.
- III. Лукреція дѣлаешъ много
шуму при Дворѣ; она и-
граешъ въ присущствіи
Короля, который въ нее
влюбляешся. Чшо за
шѣмъ послѣдовало. - - 216.
- IV. Министръ даешъ Сан-
шилланѣ новое поруче-
ніе. - - - - - 233.
- V. Сынъ Генуэзки признанъ
за сына Графа-Герцога

законнымъ порядкомъ, и
названъ Дономъ Генри-
хомъ-Филиппомъ де
Гусманъ. Саншиллана у-
чреждаетъ для него
домъ, и приспавляетъ
къ нему учителей. - 212.

Гл. VI. Сципiонъ возвращается
изъ Новой Испанiи.
Жилбазъ даетъ ему мѣ-
сто при Донѣ Генрихѣ.
Ученiе этого молодого
господина. Какихъ по-
чесней онъ удостоился,
и на комъ женилъ его
Графъ - Герцогъ. Жил-
базъ прошивъ воли
сдѣланъ дворяниномъ. - 251.

— VII. Жилбазъ опять встрѣ-
чается съ Фабриціемъ.
Послѣдній разговоръ
между ними. Нуннецъ
объявляетъ Саншилланѣ
важное извѣстiе. - 261.

ГЛ. VIII. Какимъ образомъ узналъ
Жилблазъ, что Фабриці-
ево извѣстіе не ложно.
Путешествіе Короля
въ Сарагоссу. - - - - 270.

— IX. Бунтъ Португальцевъ.
Паденіе Графа-Герцога. 279.

— X. Графъ - Герцогъ сперва
шумитъ и беспокоится;
послѣ переходитъ со-
всемъ въ прошивное со-
стояніе. Занятія его въ
уединеніи. - - - - 287.

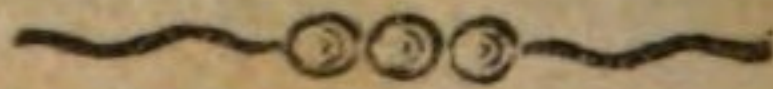
— XI. Графъ-Герцогъ стано-
вишся вдругъ печаленъ
и задумчивъ. Удивитель-
ная причина его грусти
и худое слѣдствіе оной. 297.

— XII. Чтѣ происходило въ
замкѣ Лохесѣ по
смерти Графа-Герцога;
и какое намѣреніе при-
нялъ Саншилана. - - 307.

— XIII. Жилблазъ возвращается

въ свой замокъ. Какъ
онъ обрадовался, нашедъ
Серафину, свою крест-
ницу, уже взрослою; и
въ кого влюбился. - 317.

ГЛ. XIV. Двѣ свадьбы въ Лиріасѣ,
и конецъ исторіи Жил-
блаза де Саншилланы. 331.

Le Sage, Alain René,

Gil Blas de Santillana

Bd.: 8

St. Petersburg (1821)

P.o.gall. 1257 n-7/8

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10093805-5